ВЛАДИМИР БАЛАШОВ

Скандинавия гения

В.Б.Балашов

СКАФАНДР ДЛЯ ГЕНИЯ

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Абакан - 2005

УДК 82/821

ББК 83.3 (2Рос-Рус)6

Б 20

Оформление: Светлана Косовскя,
Вера Петухова

Владимир Балашов

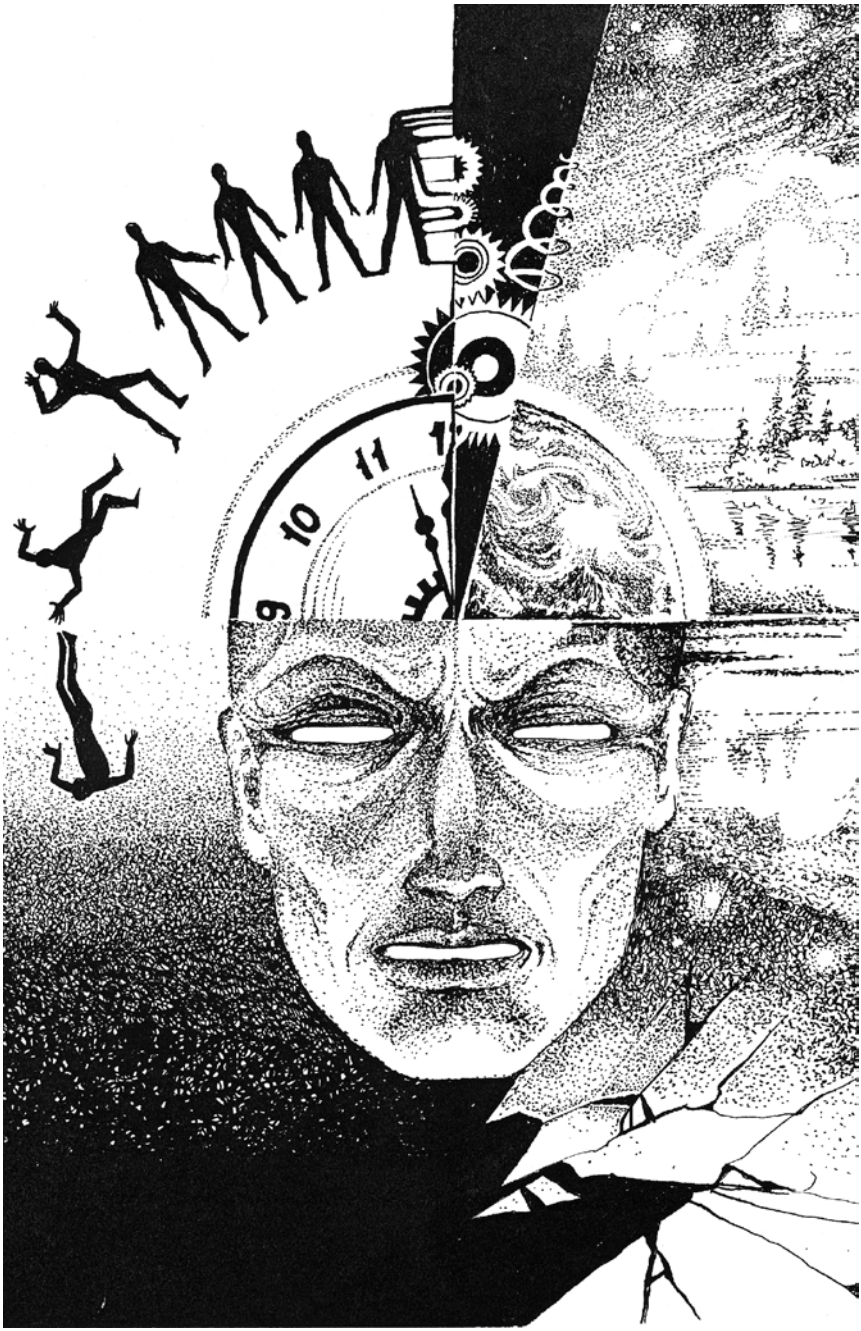
Б 20 **Скафандр для гения.** Отдельные страницы прошлого, настоящего и будущего Земли. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2005. -174 с.

ISBN 5-7091-0236-9

УДК 81/821

ББК 83.3 (2Рос-Рус)6

© Балашов В.Б., автор, 2005
© Косовская Светлана, Петухова Вера, оформление, 2005


9
10
11

Предисловие

В 1994 году на Первом всероссийском совещании молодых писателей в Москве по рукописи своей первой книги «Приди ко мне в туман» Владимир Балашов был принят в Союз писателей России. Это высокая оценка литературного таланта - так, по рукописям, до него принимали Шукшина, Распутина...

Владимир Балашов в свое время окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, работал геодезистом в изыскательских экспедициях в Центральном Казахстане, на Дальнем Востоке, в Сибири. Работу начальником топографической партией сумел совместить с заочным обучением на отделении прозы Литературного института имени А.М. Горького. Около десяти лет возглавлял Саяногорское литературное объединение «Стрежень» - одно из авторитетнейших в Сибири. В 1999 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Хакасия». Является членом редакционных коллегий абаканского журнала «Абакан литературный» и красноярского «День и ночь», член Союза журналистов России…

Как определить жанр очередной его книги? Как сказочный: мол, «сказка ложь, да в ней намек…»? Но сюжеты многих рассказов достаточно реалистичны. Как сборник фантастических произведений? Тоже нет, ибо это скорее размышления о взаимосвязи Природы, Жизни, Любви и Космоса – то, о чем рассуждают и завзятые реалисты... Взгляд на историю Земли через призму появляющихся нестандартных теорий? Но часть описываемых в его произведениях событий пока еще не произошла... Значит, книга является попыткой через прошлое заглянуть в будущее? Может быть, ибо, как сказал Лоренс Потер: «Если верно, что человечество учится на своих ошибках, нас ожидает блестящее будущее».

Художник Светлана Косовская нарисовала иллюстрации к этой книге в 13 лет. Она, как и Владимир Балашов, живет в Саяногорске. Рисовать начала с четырех лет, и, несмотря на юный возраст, являлась лауреатом республиканских, всероссийских и всемирных конкурсов. Так в 1995 году на Международном конкурсе детского рисунка имени Шанкара в Индии завоевала серебряную медаль, являлась стипендиатом министерства культуры России. В амплуа оформителя книги выступает впервые, но в 2000 г. на Открытом городском фестивале творчества детей, подростков и молодежи эти иллюстрации завоевали первое место в номинации «Золотая кисточка». Сейчас Светлана учится на третьем курсе Красноярского художественного училища имени Сурикова.

ЗЕМЛЯ: ПРОШЛОЕ – БУДУЩЕЕ.
(Рассказ)

ПЛАНЕТА: МИЛЛИОНЫ ЛЕТ НАЗАД.

Прошлое – это будущее, с которым мы разминулись.
Веслав Милицкий

Марлоу был вне себя: стоило ему хотя бы на мгновенье отвлечься от приборов, как тут же возникало непреодолимое желание пойти в каюту к этому зануде - коммерческому агенту - и влепить ему пару увесистых оплеух. Ведь просто умолял его войти в положение и не затягивать свои дурацкие переговоры... Дипломатия, видишь ли! А теперь, из-за его паршивой дипломатии, крошка Синси отдаст оба своих нежных трепетных сердца другому. Еще на помолвке она заявила, что, в случае следующего его опоздания - на сей раз на свадьбу, выйдет замуж за первого встречного. Первым, конечно же, окажется приторно-слащавый угодник Джинжей, который все время крутится рядом...

От вновь вспыхнувшей ярости Марлоу чуть не разбил главную панель управления космолета, но, вовремя опомнившись, обрушил удар на подлокотник пилотского кресла. Рифленый подлокотник, естественно, оказался не самым уютным местом для кулака, и Марлоу, зашипев от боли, долго тряс шестипалой рукой. Определенно, сегодня был не самый удачный для него день...

Тем временем курьерский лайнер второго класса выходил из гиперпространства: бешеная какофония красок на обзорных экранах постепенно сменялась спектрально-разграниченным потоком, периодически нарушаемым врывающимися извне, с периферии протуберанцами.

Марлоу снизил оптическую плотность защитного светофильтра и, продолжая потирать кисть, уставился на экран - в надежде, что медленное течение разноцветных струй вернет ему какое-то, хотя бы мало-мальское, душевное равновесие. Прежде этакое бездумное созерцание всегда ему помогало.

Действительно, эмоции вскоре сошли на нет - а следом упорядочились и мысли. Во-первых, уже не осталось никакого сомнения, что он безнадежно опаздывает и, в лучшем случае, успеет утром поздравить

новобрачных у дверей их спальни. Во-вторых, нет никакой уверенности, что Синси не сдержит свое последнее слово?.. Ладно бы ничего нельзя было предпринять, а то ведь можно выйти из транспортного Коридора - и махнуть напрямую! В Коридоре еще трижды придется выходить из гиперпространства, чтобы проверить ориентировку и вписаться в Спираль, а так, если повезет, раз - и он там, на конце Спирали. Правда, если же не повезет... Но об этом лучше не думать, ведь по теории вероятности риск составляет один к четырем. С другой стороны, теория теорией, но, как и в карточной игре, при плохом раскладе она всегда пасует. Правда, опять же, только у хронических неудачников, к которым Марлоу себя не относил... Мусорщики, следящие за чистотой Коридора, и то жалуются, что им без конца приходится гоняться за астероидами, выброшенными контейнерами и разнообразным металлическим мусором, а ему в этот раз нужно проскочить через самую настоящую свалку космической материи...

Марлоу поймал себя на мысли, что рассуждает об этом, как о деле уже решенном. А что, штурман - старый товарищ по Академии - приглашен на свадьбу, так что тоже имеет определенный интерес. По крайней мере, для него отказаться - значит объявить себя трусом. А этого коммерческого агента вообще можно не спрашивать - сам виноват, что не сумел закончить дела вовремя. Короче, кто не рискует - тот по-крупному не выигрывает... А тут еще и приз того стоит - красотка Синси!

Краски на экране почти поблекли, и через них стал властно проступать Великий Космос. Еще немного, и все вокруг, и даже внутри лайнера заполнится непроницаемо-черным и, вместе с тем, алмазно-искристым, бездонно-далеким и соседствующе-обволакивающим, вечным и ежесекундно изменяющимся Пространством.

Вот, погасив все краски, кроме черной, вспыхнули галактические сгустки, напоминающие Марлоу светящиеся панцири улиток - значит, лайнер снова стал видимой и грубо-материальной частью Вселенной! Если он все-таки хочет успеть - пора начинать действовать.

У штурмана Лиснея предложение не вызвало особого восторга, но, как Марлоу и рассчитывал, наотрез отказаться он не посмел.

- Служба слежения нас потеряет - и у тебя будут большие неприятности, - пообещал Лисней, впрочем, не вполне уверенно. - Могут лицензии лишить... Или оштрафуют на крупную сумму.

- Ты же помнишь, что даже курсант-первокурсник знает десяток правдоподобнейших историй, чтобы оправдаться перед Комиссией, -

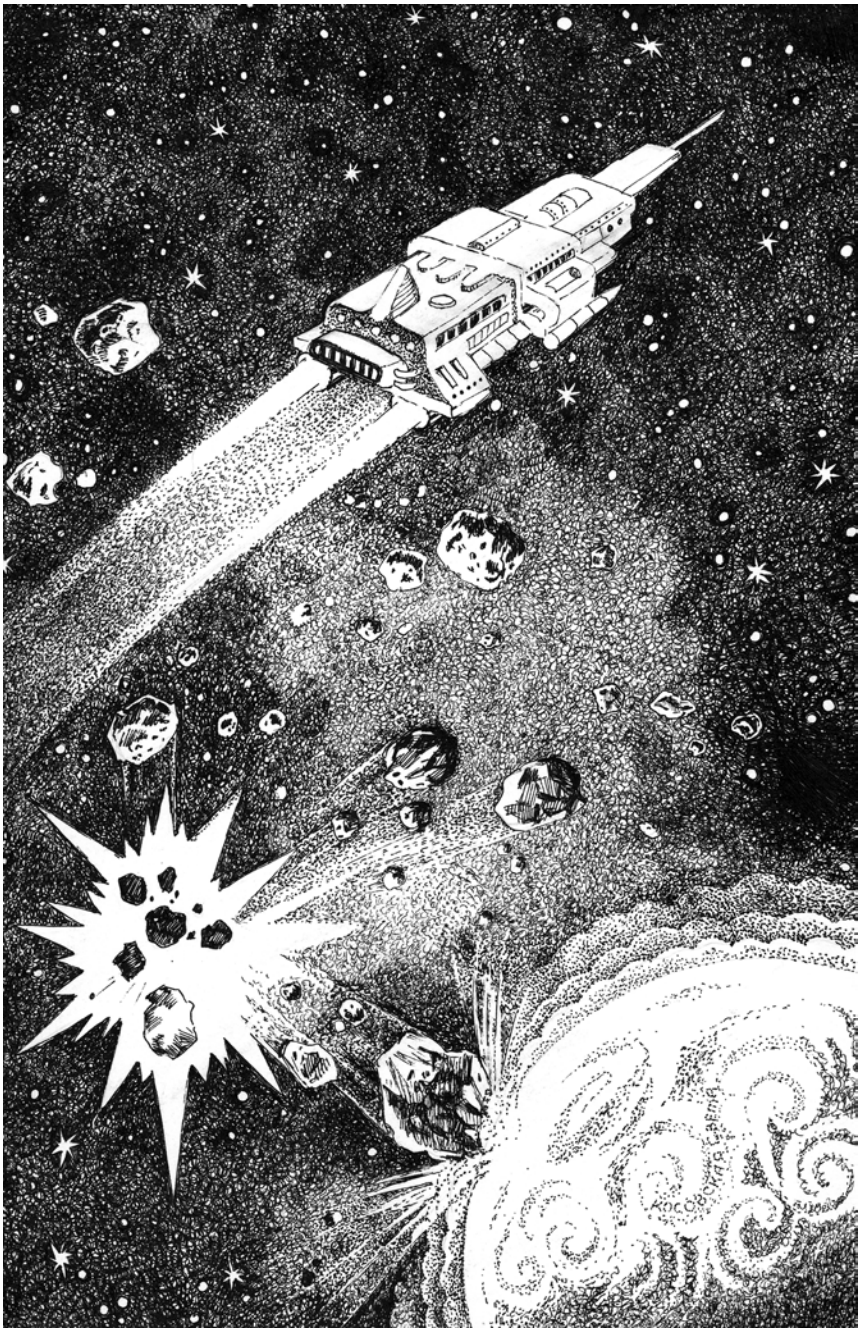
разбил Марлоу этот смехотворный довод, - а я, не сходя с места, придумаю их в два раза больше! Главное для нас с тобой - не противоречить потом друг другу в показаниях.

Они совместно выполнили расчеты, потом еще раз все проверили и ввели исходные данные в программу для автопилота. Дальше оставалось только уповать на удачу.

И, как всегда бывает при переходе в гиперсостояние, Пространство там, за обзорными экранами, стало белеть. И то непонятное - то ли поле, то ли материя - в котором происходит переход от бесконечно большого к бесконечно малому, необъяснимым образом поглотило перспективу и стеной поднялось впереди по курсу лайнера. Вот уже видна призрачно-белая и поразительно правильная, словно бы атомная, решетка - во всяком случае, такой ее изображают в учебных пособиях по ядерной физике: плотно прижатые друг к другу матовые шары, вокруг которых носятся по круговым орбитам сложно закрученные мерцающие образования. Однажды Марлоу спросил у пилота-тинтянина, который знает абсолютно все на свете, что собой представляют эти крутящиеся тела. Тот ответил кратко: «Звездные парусники». И от дальнейших объяснений уклонился, сославшись на то, что основу Вселенной объяснить невозможно, как невозможно объяснить Разум.

Марлоу много раз проходил Стену, но опять холодок пробежал по коже от ощущения неминуемости катастрофы - казалось, лайнеру невозможно протиснуться сквозь эту плотную решетку, невозможно избежать столкновения. И, как всегда, обошлось - вот уже, судя по буйству красок на экранах, близится выход из гиперпространства.

Но, стоило экранам налиться всепоглощающей чернотой Великого Космоса, как он понял, что радоваться рано: все поле центрального экрана занимала огромная галактика. Хотя, скорее всего, она была и не крупнее других - просто оказалась близко, как никогда прежде. Марлоу показалось даже, что он ощущает каждой клеточкой своего тела расплющивающее притяжение ее невероятной массы и слышит гул от перемещения, трения друг о друга частичек всей этой материи. Хотя каждому известно, что даже теоретически невозможно слышать что-либо в абсолютном космическом вакууме, - тем не менее, гул словно бы проникал извне, оглушал, подавлял. На миг представилось, что это гигантский огненный волчок, раскрученный Создателем на неведомой тверди, а потом запущенный зачем-то в Космос. И нет теперь такой силы, которая смогла бы остановить его или, хотя бы, поколебать. Только время, измеряемое миллионами и миллиардами лет….



- А может, - это вселенский жернов перемалывает материю Великого Космоса, изрыгая и разбрасывая огненные искры-звезды? - вслух задал он вопрос и оглянулся, словно надеясь увидеть рядом всезнающего тинтянина - но вместо этого поймал немного насмешливый взгляд штурмана.

«Что их лайнер - песчинка от самой мелкой песчинки, перемолотой таким вот жерновом. И что тогда они с Лиснеем? Не говоря уже о проклятом коммерсанте...» - закончил он мысль, но уже про себя.

- Мы пройдем через самый хвост этой «улитки», - то ли успокоил, то ли предостерег штурман. - Похоже, что выигрыш во времени окажется не таким уж и большим, ведь придется долго маневрировать, чтобы выйти на прямую для последнего прыжка...

Марлоу несколько раз изменял курс, пока в центре экрана не образовалось довольно большое темное пятно. Осталось всего лишь проскочить мимо желтой звезды средней величины. Он невольно обратил внимание на необычайно красивую третью планету звездной системы, потому что из-за кромки ее прозрачной атмосферы как раз выплывал ослепительно сияющий крупный спутник. Не удержавшись, Марлоу дал увеличение: поверхность спутника оказалась изрытой метеоритами, обезображенной глубокими кратерами, но планета... Планета была прекрасна: голубой океан омывал изумрудно-зеленый материк, гряды белых чистых облаков разбегались от экватора, сгущаясь к полюсам... Нетронутая, первозданная природа!

Нахлынули ностальгические воспоминания первых разведывательных полетов, и Марлоу вдруг подумал, что Синси никогда не видела ничего подобного. Чем может удивить ее Джинжей? Галантными манерами, пустой болтовней, набором привычных развлечений? А он имеет редкую возможность привести свою жену на эту чудесную планету, чтобы провести незабываемый медовый месяц. Придется, конечно, постоянно охранять ее от здешней флоры и фауны, но некоторое преобладание острых ощущений над восторгами должно еще больше сблизить их...

- Определи-ка координаты этой звездной системы, - попросил он штурмана.

- Зачем? - спросил тот недоуменно.

- Да надумал привезти сюда Синси в свадебное путешествие. Представь себе: нас только двое на необитаемой планете...

- Я думаю, что вас будет значительно больше, - Лисней, уже несколько успокоившийся, впервые расплылся в улыбке. - Планета, скорее всего, очень даже обитаема, причем разнообразными хищными тварями. И просидите вы весь отпуск под силовой защитой. Хотя, для

молодоженов это как раз то, что нужно! По крайней мере, она от тебя никуда не сбежит. Бедняжка Синси...

Лисней осекся, потому что на пульте яростно замигал сигнал опасности, и на экране, прямо по курсу, возникла плотная группа крупных астероидов.

- Как будто специально подстерегали, - процедил штурман. - Это что же - опять все сначала, опять маневрировать?

- Только не это! - взмолился Марлоу. - Тогда не успеем. Лучше расшвырять их термоядерной торпедой!

- Ну что ж, - неожиданно согласился Лисней, - любое нарушение правил неизменно влечет за собой следующее. Выпускаю торпеду...

Экран озарился яркой вспышкой, значительно приглушенной светофильтром, и сразу же стал белеть, обесцвечивая черноту Великого Космоса. И снова все происходило как обычно, включая последний выход из гиперпространства.

- Эту историю я когда-нибудь буду рассказывать своим детям, - философствовал довольный Марлоу. - Нашим с Синси детям... Ведь если бы я не рискнул, их отцом запросто мог оказаться Джинжей. А сейчас все получается просто прекрасно.

- Ну, не совсем, - заметил Лисней. - Свадебное путешествие на ту замечательную планету все-таки придется отложить. Я тут просчитал траектории: один из камешков мы отбросили точнехонько на нее, на зелено-голубую красавицу.

- Я думаю, что один астероид не доставит ей особых неприятностей?

- Это как посмотреть: чувствительная встряска, повреждение поверхности, смещение орбиты, изменение климата, флоры...

- Не пытайся испортить мне настроение, - отмахнулся Марлоу. - В конце концов, это - пустяк, по сравнению с предстоящей свадьбой!

* * *

А на Земле рушились и образовывались горы, перемещались материки, извергались тысячи вулканов. От раскаленной лавы кипела вода в реках и морях, вулканический пепел заполнял атмосферу, на много месяцев погружая планету в сумерки. Огонь безжалостно пожирал бескрайние леса, ядовитые газы и кислотные дожди умерщвляли все живое. Обезумевшие от страха властелины суши - динозавры, мчались неведомо куда, задыхаясь в дыму и проваливаясь в разверзшиеся трещины. На планете, погруженной в ужас и мрак, начиналось Великое оледенение. Появление будущей человеческой цивилизации в один миг была отброшено на миллион лет...

КОСМОС: ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ НАШЕЙ ЭРЫ

А что если наша Земля - ад какой-то другой планеты?
Олдос Хаксли

Космолет с Земли уже который месяц продолжал поиск рационально развивающихся цивилизаций в выделенном ему секторе. Земляне совсем недавно были приняты во Всегалактическое объединение технически развитых цивилизаций, поэтому участок Галактики для обследования им достался поблизости и, откровенно говоря, завалящий - неперспективный. Сейчас космолет выходил на круговую орбиту вокруг одинокой планеты в захолустной звездной системе, обозначенной в каталоге просто шестизначным номером.

- Искусственный радиофон планеты равен нулю! - доложил Инженер.

- Концентрация промышленных газов равна нулю, хотя для жизни атмосфера вполне пригодна! - доложил Биолог и неуставно, от себя, добавил: - Неинтересная планета: опять жуткие заросли, хищные химеры, и, в лучшем случае, первобытные люди...

Тем не менее, с космолета стартовал разведывательный бот с тремя космолетчиками на борту и, образовав обширную дыру в озоновом слое, сотрясая атмосферу планеты ревом двух реактивных двигателей, устремился к поверхности. Едва улеглась поднятая тормозными двигателями туча дыма и пеплп, как появилась толпа аборигенов. Одеты они были в довольно экзотические одежды, если вообще можно считать одеждой легкие набедренные повязки и многочисленные яркие украшения на шее, руках и ногах. Аборигены как будто поджидали космических пришельцев и, без излишних эмоций и церемоний, стали складывать подле ракеты свои примитивные подарки.

- Туземцы встречают богов - посланцев неба, - глубокомысленно изрек Командир.

- Нужны ответные дары. Учитывая уровень их интеллекта, побольше всяких блестящих штуковин, - предложил Психолог.

- Однако не вижу должной радости со стороны населения этой отсталой, обойденной прогрессом планеты! - с некоторым недоумением отметил Биолог.

- Для этого надо на этих... туземцев произвести неизгладимое впечатление, - пустился в рассуждения Психолог.

- Может, просто напугать?! - живо предложил Командир.

- Для начала лучше удивить, - проявил осторожность Психолог.

И представление началось: мощный вездеход вырвался из десантного люка и, кромсая гусеницами изумрудно-зеленую траву, описал большой круг, потом взмыл геликоптер, и с оглушительным ревом, проникающим, казалось, даже не через внешнюю слуховую систему, а даже через металлическую обшивку бота, пронесся на самой малой высоте. Экипаж, наблюдавший все это на экранах обзора, ожидал, что туземцы - как метко с самого начала окрестил их Командир - падут ниц, но те лишь подняли к небу лица, на которые осел жирный дым, оставленный геликоптером. Так что эффект запечатлелся на лицах и в прямом, и в переносном смысле.

Даже после фейерверка из сигнальных ракет коленопреклонения так и не последовало, только первоначальное оживление явно пошло на убыль. И тогда земляне, гордые за свою развитую - не в пример местной - цивилизацию, вышли из ракеты в сопровождении робота, которому, в целях лучшей психологической совместимости, были приданы отдельные индивидуальные черты каждого из членов экипажа.

- Чтобы расположить их к себе, - глубокомысленно изрек Психолог, - надо оказать внимание их подношениям.

Дары туземцев представляли собой причудливые раковины, друзы переливающихся всеми цветами радуги кристаллов, изящные каменные и деревянные статуэтки, изощренные украшения.

- Замшелый примитивизм, - констатировал Биолог. - Ни одного, хотя бы простейшего, механизма.

Робот поставил на траву коробку с ответными подарками. Тут были: несколько запасных панелей из полированного металла, перегоревшие стеклянные индикаторы, поврежденный шлем от запасного скафандра и прочий ненужный хлам.

Туземцы, рассматривая подарки, оживленно о чем-то переговаривались, а когда один из них примерил шлем, то раздался взрыв смеха.

- Восторгаются, как малые дети, - умиленно произнес Командир.

- Первобытная непосредственность, - подчеркнул Биолог.

После обмена дарами и должна была последовать, по уверению Психолога, переговорная часть, но несколько туземцев, ничуть не

стесняясь присутствием инопланетян, тут же стали украшать панелями и индикаторами невысокое суковатое деревце.

- Потом на этом месте возведут гигантский памятник или даже храм, - заверил Психолог.

Робот, несомненно, произвел большое впечатление - значительная группа туземцев собралась вокруг и с удивлением взирала на его усыпанную приборами грудь. Наконец - когда космолетчики от их невнимания уже стали испытывать раздражение - вспомнили о гостях: откуда-то появились три ажурных плетеных кресла, которые с легким полупоклоном были предложены им гибкой, как лоза, аборигенкой. Тут же наметился некоторый порядок, а распоряжался всем высокого роста и могучего телосложения туземец с густой сединой в волосах. Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы понять - у местных он пользуется непререкаемым авторитетом, почти таким же, как Командир - у членов экипажа.

Психолог тут же определился, что именно с этим атлетом предстоит вести переговоры и про себя окрестил туземца Предводителем. Правда, он толком не помнил значение этого слова, еще в школьные годы почерпнутого из какого-то исторического романа - просто очень нравилось само его звучание: «Пред-во-ди-тель...» - почти что «выпрямитель» или «ускоритель».

Когда интерес к роботу и подаркам значительно ослабел, Предводитель дал знак - и туземцы живо образовали полукруг, геометрическим центром которого являлись земляне. Сначала очень тихо, но с каждым мгновением нарастая, заполнила пространство то ли музыка, то ли песня, напоминающая по звучанию шум морского прибоя.

- Концерт, что ли, для нас устраивают? - недоуменно обратился к коллегам Командир.

- Должно быть, воздают хвалу?.. Или молятся?.. - не слишком уверенно предположил Психолог.

- Может, шибанем по их первобытным мозгам порцией испытанного военного марша? - предложил Биолог. - А если еще и на предельной громкости!..

Между тем, плавно изгибаясь в ритме звучащей мелодии и, словно бы плывя по воздуху, к ним приблизилась высокая туземка в голубой искрящейся накидке. Замерев в трех шагах от гостей, она плавно подняла руки - и на ее ладонях неведомо откуда появились фрукты. То, что это фрукты, Биолог определил по сладкому аромату, просочившемуся даже через многослойные фильтры скафандра. «Немного натуральных

витаминов и, в придачу, несколько миллионов, нет, миллиардов микробов на кожуре... - произвел он в уме быстрый расчет. - Хотя, если подвергнуть высокотемпературной обработке, то можно будет попробовать в пищу...»

Еще одна туземка - очень молодая, всю одежду которой составляла набедренная повязка и тоненькая ниточка разноцветных бус на шее - поставила к их ногам три корзины, замысловато сплетенные из тонких прутьев. Словно два голубых крыла, взлетали рукава накидки - и каждый раз корзины пополнялись разного цвета и формы фруктами.

- Что-то вроде цирка, - сделал, наконец, заключение Командир. - У нас на Земле фокусники показывают трюки и похлеще.

- Надо бы их спросить, - рассуждал вслух Биолог, - эти фрукты съедобны или все-таки украшения?

- Скорее всего, съедобны, иначе нашему железному другу тоже поставили бы корзину, - предположил Психолог, кивнув в сторону робота.

Заметив жест, туземка живо повернулась к роботу. Протянув к нему руки, она сделала трудноописуемое движение ладонями и... рядом возник металлический двойник. Еще одно движение - и третий заморгал информационными экранами.

- Вот это уже стоящий фокус! - обрадовался Командир.

- Какое-то надувательство, - Психолог хмыкнул, - но смотрятся вполне натурально.

Когда пение закончилось, туземцы раздвинулись, и группа мужчин с длинными тонкими шестами в руках выстроились в одну линию.

- Они тут молодо выглядят, - отметил Командир. - И не обижены здоровьем. Прямо-таки гвардия!

- Ерунда! - возразил Биолог. - Просто не доживают до старости: непосильный физический труд, болезни, хищники.

Между тем туземцы стали метать свои длинные штуковины в квадратную плетеную мишень. Несмотря на значительное расстояние, все добрасывали до цели, что говорило о недюжинной физической силе. А каждое меткое попадание сопровождалось одобрительными восклицаниями.

- Изображают сцену охоты, - предположил Биолог. - Ведь едва ли не единственная цель их жизни - это добывание пищи.

- Лично у меня этот турнир не вызывает спортивного интереса, - заявил Психолог, - но вы взгляните на представительниц слабого пола - некоторые из них очень даже недурны собой.

- Чепуха! - возразил Командир. - Что привлекательного можно найти в дикарках? Это все равно, что влюбиться в земную мартышку.

- Так уж и в мартышку? - оскорбился Психолог.

- Тебе затуманила мозги экзотика, - поддержал Биолог. - Взять хотя бы вон ту, с волосами до пояса или вон ту, длинноногую, увешанную побрякушками - во всем этом нет и зерна рациональности. На первый взгляд, действительно, эффектно, но если вдуматься - полнейшая безвкусица, даже бессмыслица. Красиво то, что рационально!

Тем временем Предводитель снял с дерева гирлянду пластмассовых изоляторов, которые по замыслу Командира должны были изображать бусы, - и провел по ним рукой. Тотчас пластиковые бляшки раскрылись ярко-красными и, вне всякого сомнения, живыми бутонами. На сей раз Биолог воздержался от комментариев, лишь покосился на членов экипажа.

- Вообще-то, в рамках Вселенной прогресс может развиваться в нестандартных направлениях... - начал мямлить Психолог, но тут же осекся под вопрошающим взглядом Командира.

А Предводитель подошел к самому меткому «охотнику» и возложил венок ему на голову, что было встречено гулом одобрения. Между тем соревнующиеся взяли в руки довольно большие дуги, концы которых были стянуты тонким шнуром, и при помощи их стали метать короткие стержни в подбрасываемые плетеные шары.

- Наконец-то вижу простейший механизм! - обрадованно воскликнул Командир.

- Пожалуй, мы многому могли бы их научить, останься здесь на короткое время, - сделал свое заключение Психолог.

- Нет, сюда имеет смысл прилететь лет этак через тысячу, - подытожил Биолог. А сейчас труба зовет нас в другие, в цивилизованные миры!

Командир случайно глянул вверх и увидел маленькое крылатое существо, порхавшее над их головами.

- Сейчас я их удивлю! Я им продемонстрирую настоящую охоту! - сказал он, вытаскивая из кобуры штатный офицерский бластер с радарным наведением.

Настигнутое лазерным лучем, летающее существо окуталось облачком дыма, и то, что от него осталось, обугленным комочком упало на траву.

- Жаль, цель мелковата! - воскликнул довольный Командир. - Я на Терре за один выход из-под силовой защиты сбивал этой игрушкой до десятка драконов. Вот это были трофеи!

Улыбаясь, он повернулся к туземцам. А те застыли в самых нелепых позах и с ужасом взирали то на обугленное существо, то на пришельцев.

Предводитель, придя в себя, решительно двинулся в сторону землян, на лице его была написана явная угроза...

- Ну ты, дикарь, поосторожнее! - повысил голос Командир и поднял бластер.

Туземец понял предупреждение и остановился. Потом, оглянувшись на своих соплеменников, поднял вверх руки, взмахнул кистями, и... Командир исчез, словно растворился. Та же участь постигла и других космолетчиков. Последовало еще одно движение - и от роботов осталась только примятая в трех местах трава. Энергичный взмах - и бот, бесшумно оторвавшись от поверхности, устремилась в зенит...

* * *

Экипаж космолета постепенно пробуждался ото сна, внезапно застигнувшего всех прямо на штатных постах.

- Не иначе, эпидемия какая-то, - размышлял вслух Командир, торопливо шагая по коридору к Центральному посту. По пути он заглядывал в отсеки, но везде было одно и то же: либо беспробудно спящие, либо бессмысленно хлопающие спросонья глазами люди. В конце коридора, подперев двери Центрального поста широкой спиной, похрапывал Старший помошник.

- Не космолет, а какое-то сонное царство, - пробормотал Командир, оттаскивая спящего от дверей. Потом, вспомнив о своей командирской миссии, разразился ругательствами: - Дьявольщина! Экипаж спит, а космолет мчится неведомо куда с сумасшедшей скоростью... Форменный бардак!

Из отсека десантных ботов выскочил Биолог, в глазах которого застыло крайнее изумление, если не сказать испуг.

- Командир! Если бы я не видел этих туземцев собственными глазами, то предположил бы...

- Доложите по форме! - рявкнул взбешенный Командир. - Что там еще!

- Это звучит дико, но их технический уровень, похоже, выше нашего, - Биолог перевел дух. - В нашем разведывательном боте сейчас находятся три совершенно идентичных робота!

- Не просто выше. Я подозреваю - значительно выше, - поправил возникший в дверях Центрального поста Штурман. - Мы со сверхсветовой скоростью мчимся обратным курсом, хотя двигатели космолета выключены. И, после пробуждения, я не смог их запустить, как ни старался – наглухо заблокирован доступ к центральному компьютеру? Похоже, они предприняли все, чтобы мы не смогли посетить эту «отсталую» планету еще раз...

АДАМ И ЕВА

Кто не любит, тот не познал Бога,
потому что Бог есть любовь.
Апостол Иоанн - 1-е соборное послание.

Решимость ее, как оказалось, не окрепла еще до твердости правоты, потому Лия неосознанно оттягивала момент встречи с Раем. Именно по этой причине и не воспользовалась скоростной линией, а взяла маленький одноместный электромобиль. Нет, вовсе не затем, чтобы иметь последнюю возможность передумать в пути - просто это было как бы неторопливым - в мыслях - прощанием с сыном Адамом. С ее замечательным, не похожим на своих сверстников и... ничего не подозревающим мальчиком. И она снова и снова задавала себе одни и те же мучительные вопросы: «А если бы сын все узнал? И, может быть, Рай напрасно держит его в неведении? А как бы она повела себя в юном возрасте в подобной ситуации?..»

Трудно отделить реальное от надуманного, особенно если это касалось лично тебя и происходило давным-давно. Но ведь она в детстве тоже заметно отличалась от сверстников... Хотя, непохожесть эту замечала не столько сама, сколько педагоги, товарищи, просто окружающие люди. Ее тесты постоянно шокировали психологов - при редком физическом здоровье она была легковозбудимой, ненормально впечатлительной и непоседливой. Такой же, как ее сын Адам сейчас... По всей видимости, она научилась бы не выделяться из окружения, быть почти такой же, как все, если бы... Да, если бы перед самым окончанием Высшей Школы не испытала потрясения. Это сокрушающее предрассудки и, одновременно, окрыляющее душу - почти забытое людьми, поэтому называемое в старых книгах то половым влечением, то любовью чувство… И любовь эта явилась незванным откликом, эхом на опаляющие душу чувства Рая к ней. Лучшего выпускника легендарной Академии Космолетчиков и... живорожденного.

Все последующее было словно волшебный сон, причем настолько яркий, что свершилось и реальное чудо - у них родился ребенок. За весь тот год на Марсе появилось только трое живорожденных детей... А через

несколько лет неожиданно вспыхнувшая страсть утихла, и она вдруг стала ощущать себя всего лишь объектом сексуальной эксплуатации. Потом вернулись представления, внушаемые с детства; что человек - это продукты жизнедеятельности, микробы, болезни... От былого безумства сталась лишь любовь к сыну, вернее, всепоглощающая привязанность. Рай продолжал любить ее по-прежнему - но в ее душе уже не возникало отклика... Как-никак, она была клонированной, несмотря на все аномальные отклонения...

Остановив затуманившийся взгляд на часах, Лия обнаружила, что уже опаздывает. Набрала код Рая - и тотчас прозвучал сигнал ответа, а на экране возникло его обеспокоенное лицо.

- Что-то случилось? - спросил Рай взволнованно.

- Я... Я решилась! – поспешно. Слишком поспешно проговорила Лия, чтобы только не видеть немую боль в его глазах. - Но ты должен посвятить меня в детали. Не волнуйся - это единственное мое условие...

- Ты сейчас едешь ко мне? - голос Рая зазвучал ровнее, но лицо продолжало оставаться каким-то настороженным.

- Да, - сказала она и сразу успокоилась, потому что теперь и последний, призрачный путь к отступлению был отрезан. Напряженная пружина внутри, сжимавшая все последние дни сердце, ослабла - Лия даже откинулась на спинку кресла и стала смотреть по сторонам.

Электромобиль скользил по оси главной магистрали подземного города, сонный покой которого давно уже не будоражили ни людские страсти, ни социальные потрясения, ни даже природные катаклизмы. Лишь роботы-уборщики нарушали неподвижность ярко освещенных улиц, да одинокий пассажирский электрокар с эмблемой Совета бесшумно и неспешно выплыл на автостраду - и тут же, словно испугавшись неожиданной встречи, устремился под арку между зданиями... Лия отметила про себя, что там расположен «Мемориал Фаэтона». Должно быть, педагоги повезли в музей группу учащихся Начальной Школы?.. Она тоже несколько раз сопровождала в музей Адама, готового бывать там хоть каждый день... Ведь Фаэтон - это его детская сказка, его неосуществимая юношеская мечта!..

К сожалению, самая героическая страница их истории обернулась жуткой катастрофой для двух планет. Хорошо еще, что смерть половины населения привела не к вражде, а к запоздалому примирению. Недаром поэтическое сказание об этом событии, нарушая хронологию, открывает учебник истории Марса.

Лия попыталась вспомнить заученную в детстве поэму: «...Опрометчиво поклялся бог Солнца Гелиос сыну своему Фаэтону исполнить

любую просьбу: юноша пожелал одного - самому прокатить колесницу Солнца по небу! Но не справился самонадеянный Фаэтон с четверкой крылатых коней, и ужас объял его. Понеслась колесница, не разбирая дороги - от низко опустившегося Солнца пламя охватило Марс, гибли города и целые племена, горели леса, кипели реки, пересыхали моря. В густом дыму Фаэтону и вовсе не разглядеть пути. И тогда сам Зевс-громовержец разбил своей могучей молнией шальную колесницу. Фаэтон с горящими кудрями пронесся подобно падающей звезде и рухнул в волны реки Эридана. В глубокой скорби Гелиос целый день не появлялся на небе, и лишь пожары освещали Марс. Плачущих сестер-гелиад боги обратили в деревья. Падали их слезы-смола в скорбную воду Эридана и превращались в прозрачный янтарь...»

Повторяя эти прекрасные строки, маленькие дети наполняются гордостью за своих предков - первопроходцев Фаэтона, и лишь в старших классах узнают часть правды: о смелом порыве к свободе половины человечества и, как оказалось, - роковом их шаге к закату цивилизации. Учебник умалчивает, как задолго до этого произошел раскол между клонированными и живорожденными, чуть не приведший к гражданской войне... Ведь самый первый шаг к вселенской катастрофе был сделан, когда все кресла в Совете заняли клонированные: тогда еще обладавшие сильной волей, здоровым телом и мощным разумом, наследственно передающимся каждому последующему клону. И они возомнили себя избранными, а живорожденных причислили к людям низшего ранга. Они кичились своими знаниями, не подозревая, что яркость восприятия, страстность души и увлеченность жизнью ими уже утрачена... И потому, когда живорожденные решили колонизировать цветущий Фаэтон, никто из клонированных не захотел покинуть своей благоустроенной планеты, хотя и видели признаки надвигающейся экологической катастрофы. И даже, когда последние колонисты покидали Марс, оставшиеся радовались, предвкушая грядущий покой. Ослепленные гордыней, были слишком самоуверенны - считали, что решение любой задачи им по силам. И не могли предвидеть, что вскоре частью их, а потом большинством потомков овладеет скука. Но, когда умирает интерес к жизни - умирает и разум. Конечно, если бы Фаэтон не погиб, живорожденные смогли бы спасти свою праматерь, свою оставленную планету, возродить марсианскую цивилизацию...

Пока Лия поднималась по ступенькам, чувство неуверенности снова просочилось тонкой леденящей струйкой из глубины души, и тут же лихорадочно забилась мысль: «Может ли всего от двоих живорожденных начаться новое человечество, в буквальном смысле новое?» И снова,

в который уже раз, убедила себя: «Рай - настоящий ученый. У него, в отличие от большинства коллег, есть великая цель. Кроме того, он не станет бессмысленно рисковать собственным сыном. А если все получится - следом отправит других...»

Рай ожидал ее в своем кабинете. Он сидел в высоком антигравитационном кресле за старинным столом - деревянным, довольно громоздким и нелепым. Вдоль стен - стеллажи старых книг. На экранах обозрения, за его спиной, была включена верхняя панорама: там ветер и солнце перестраивали изменчивую мозаику красного песка. Лишь бесконечные крутые дюны простирались до самого горизонта, и величественный шар вечного светила висел в темном небе... Так было и год назад, и десять лет, - и вообще, сколько она себя помнит, внешний мир ни разу не изменил своих красок. Лишь эти цвета мертвой природы были постоянны там, наверху, да еще Древний Город...

- Ты все-таки решилась, - произнес Рай вместо приветствия. - Что же тебя, наконец, убедило?

- Просто я не верила в удачный исход, но вчера вдруг поняла, что иного пути нет. А это пусть маленький, но шанс...

- Ты говоришь «вчера»?..

- Да, вчера я водила подростковую группу в зоопарк - и вдруг осознала, что с каждым годом группы катастрофически уменьшаются, клонированные дети становятся все инфантильнее. Среди них давно нет ни одного живорожденного! А эти уже ничем не интересуются! Словно маленькие старички, равнодушно проходят мимо клетки с драконами. Единственный всплеск эмоций - даже не эмоций, а мимолетного внимания - возле клетки с человекоподобными обезьянами. И то лишь потому, что те резвились, гримасничали, пялили любопытные глаза. А дети смотрели на них не глазами, нет - приемниками зрительной информации...

- Да, марсианской цивилизации нужна свежая кровь и нужна великая цель. Мы много узнали, но, одновременно, состарились душой. Лекарства есть - это любовь и каждодневная борьба за существование, но к нам они уже неприменимы. Слишком поздно... И не употребляй слово «живорожденные», для меня привычней звучит - природные!

- И где ты собираешься проводить свой... эксперимент? - не ответив, задала вопрос Лия.

- На соседней Земле. Правда, она уже поделена собственными разумными существами: в лесах обитают человекоподобные лешие, воду заняли хвостатые русалки, так что свободными остаются только вершины гор да малообитаемый остров посреди океана. Я назову его

Атлантидой - в честь наших могучих предков. И сделаю из него цветущий сад, самое уютное место на планете - этакий человеческий заповедник?

- Ты уже все детали обдумал?

- Нет, пока что фантазирую, но понимаю, что времени на раздумья остается все меньше и меньше.

- А если, все-таки, попробовать еще раз здесь, на Марсе?! Объединить лучших ученых...

- К сожалению, в создании людей с беспокойной душой и горячим сердцем наука оказалась бессильной. Но это запросто могут сотворить любящие мужчина и женщина...

- А с этой... Евой, как ты думаешь, - у Адама получится?

- Учитывая их вспыхнувший взаимный интерес, надеюсь, что да. И, кроме того, не забывай, что им придется рассчитывать только на самих себя. И во всем опираться друг на друга.

- Ты долго убеждал ее родителей?

- По счастью, совсем не убеждал... Хотя, выражение «убеждать» здесь и не уместно… В общем, с родителями Евы мне не пришлось обсуждать этические проблемы - она сирота. С матерью произошло то, что чуть не случилось с тобой - умерла при трудных родах. Не выдержала психика - она ведь была клонированной. Отец попал в Древнем Городе под метеоритный дождь.

- А ее согласия ты тоже не спросил?

- Так же, как и согласия Адама... Пусть история их жизни начнется на Земле, и они сами ее напишут. Главное, чтобы наша умирающая цивилизация не тянула их назад, в пучину тоски и уныния.

- Но ты же заведомо лишаешь их родины!

- Наоборот, я дам им родину, которую легко любить! Там все принадлежит им, и, кроме того, здоровая жизнь среди первозданной природы - никаких транквилизаторов, никаких стимуляторов...

- И при этом сокращение продолжительности жизни...

- В определенной мере. С другой стороны, только тогда начинаешь соизмерять отпущенное время и поставленные цели, когда понимаешь, что жизнь быстротечна. Им каждодневно придется разграничивать задачи на главные и второстепенные. Конечно, какое-то время мне придется им диктовать...

- А что ты еще у них отнимешь? Знания нашей цивилизации, память о родителях? - резко спросила Лия, ощутив непонятное раздражение и даже обиду. - Не слишком ли самонадеянно - все заменить своей безграничной властью?

- Отнимаю наш многовековой опыт, - ответил Рай, словно не замечая ее состояния. - Для того, чтобы жизнь казалась интересной, надо, чтобы человек был уязвим и часто ошибался.

- Я, конечно, должна доверять твоим знаниям и потрясающей интуиции, но не слишком ли многого ты их лишаешь?

- Пойми, - стал мягко убеждать Рай, - их жизнь превратится в нескончаемый процесс познания, и на окружающий мир они до старости будут смотреть удивленными, восторженными глазами. Я осознанно иду на то, что после сеанса глубокого гипноза они позабудут свое прошлое, а в настоящем будут только планета Земля и я - их создатель и учитель. Я научу их любви, которая до сих пор живет в моем сердце...

- Достаточно нескромно с твоей стороны, но я им, в общем-то, завидую, - неожиданно для себя сказала Лия и, смутившись этого неожиданного проявления глубинной своей слабости, повернулась к западным обзорным экранам - будто бы для того, чтобы увидеть извечно прекрасный закат Солнца.

Там, наверху, от полузасыпанных священных пирамид стремительно вытягивались извилистые остроконечные тени. Гигантский сфинкс - творение древних марсиан - печально смотрел в небо, тень от каменной слезы, как и бесчисленное число раз до этого, скатывалась по его щеке в лучах быстро заходящего светила. Давно уже он оплакивал не только ушедших из жизни, но и саму жизнь, уходящую с древней планеты. И даже, когда сойдет в могилу последний житель оплота марсианской цивилизации - ее столицы - он все так же будет ронять свои не содержащие влаги слезы на раскаленный красный песок...

Лия провожала взглядом край скрывающегося за барханами солнца и думала: «Пройдет совсем немного времени, и она останется одна - потому что Рай не берет ее на Землю. Наверное, он прав, ведь там предстоит совершенно новая, непривычная жизнь, а она, Лия, не сможет себя изменить. Единственное, на что она способна, это на то, чтобы помнить о самых близких ей людях и верить в удачу... Отныне единственным ее жизненным стимулом остается вера...»

* * *

«...И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...»

Так закончилась жизнь детей человеческих на Марсе, и наступил их первый день на Земле. И было утро...

СТАРОСТЬ ДОН ЖУАНА
(Рассказ)

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,
Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.
Николай Гумилев. Дон Жуан.

В Чертоге сумятица, ибо Создатель в страшном раздражении. Ангелы-хранители Земли и Эндера с опаской возникли пред Его всевидящим взором.

По своему обыкновению, Создатель начал издалека - чуть ли не с сотворения мира:

- Из Великого Хаоса я создал прекрасную Вселенную и решил населить ее столь же совершенными, как и мы, существами - людьми. Но благим помыслам моим не суждено было осуществиться - я даже предположить не мог, что будут творить эти людишки!.. Хорошо еще, что хватило разума заселить всего лишь две планеты, два антипода: Эндер - Рай и Землю - Ад. Я говорю «хорошо» не в смысле хорошо, а в том смысле, что всего только две. Как это ни печально признавать, но люди не оправдали надежд - они постоянно нарушают мои заповеди, они кощунствуют, они расшатывают устои самой Вселенной...

Хранители понимающе переглянулись: столь пространное вступление могло означать только одно - опять ЧП с какой-то из мусорных «черных дыр», и срочно нужна «светлая материя» на восстановление Пространства.

- Создатель уже признает самую незначительную из своих ошибок, но в том, что само создание Вселенной – просто глупая прихоть, Он не признается никогда… - вырвалось у Хранителя Земли, знающего, что во время своих пространных проповедей Создатель не слышит ничего, словно земная птица глухарь.

- И бесчисленность галактик только подтверждает череду Его неудач. А теперь попробуй, за всем этим уследи…

- Репутация Создателя была бы лучше, если бы Его вовсе не существовало.

- Да, Создатель - не ангел…

- Но, согласись, нам значительно труднее было бы вынести такого Бога, которого сами и выдумали?

- Понять Бога легко, если только не пытаться Его объяснить.

- Ну, Бог, которого можно понять – уже не Бог!

- А я считаю, что Всевышний – это комедиант, чья публика боится громко смеяться, – съязвил Хранитель Эндера.

- А ты не боишься, что Он и на самом деле вездесущь? И, вдруг, не настолько всепрощающь?..

- ...Очередная междоусобица на Земле дала такой приток черной энергии, что нарушила установленный мной Всемирный Закон Равновесия, - продолжал вещать Создатель. - Я же, как вы помните, сгоряча дал зарок никогда не вмешиваться в их внутренние дела. Но сейчас возникла насущная необходимость вмешаться, потому что нависла угроза над самим мирозданием. Посему... - Создатель многозначительно откашлялся, - нужно срочно получить дополнительно один квазиимпульс светлой материи. Такое количество материи под силу выдать как Эндеру - планете неограниченных наслаждений так и Земле - планете выстраданной любви. Кто из вас выполнит эту почетную миссию - не важно. Благодарность моя не имеет границ - и свершившему воздастся по его заслугам!..

- Создатель ясно дал понять, что можно ожидать некоторые привилегии, - сказал Хранитель Эндера, когда они остались вдвоем. - Эта брешь, конечно, не первая и не последняя в сложном организме мироздания. В Его владениях чего только не случается... Я, наверное, до конца Света не забуду, как в результате набора моментальной критической массы «черной дырой», сколлапсировало целую звездную систему. Мне тогда пришлось изрядно потрудиться и устроить на Эндере настоящую оргию развлечений…

- И мне ничего другого не оставалось, как учредить Ночь вседозволенной любви... - погрузился в воспоминания и Хранитель Земли.

- Сегодняшнее задание не в пример легче... Можно, конечно, бросить жребий, и положиться на волю случая - чья очередь выпадет... Но можно сделать лучше!

- Пока не вполне понимаю, к чему ты клонишь, Хранитель Эндера?

- Просто я предлагаю пари. Чтобы было интересней, и было что вспомнить! Я, со своей стороны, отыскиваю человека, пресытившегося всеми развлечениями на свете, а ты со своей - человека, практически утратившего возможность, вернее, потребность любить. Немного времени у нас есть: если кто-то из нас сумеет своего расшевелить - тот и заслужит признательность Создателя.

- Твое предложение, конечно, заслуживает внимания, но мне почему-то кажется, что именно этого Создатель от нас и ждет?

- А вот мне порой кажется, что Творец очарован нашей ангельской монархической системой, в которой Бог царствует, но не управляет!

- Что ты имеешь в виду?

- Просто у меня он ассоциируется со сферой, центр которой везде, а окружность – нигде.

- С твоими ассоциациями можно очутиться не просто нигде, а там, конкретно под землей… - задумчиво проговорил Хранитель Земли, ткнув пальцем под ноги.

- Возможно и ад был результатом первой, неудачной попыткой сотворения рая? – Хранитель Эндера ничуть не смутился и даже улыбнулся. – Зато там можно наслаждаться обществом королей, герцогов и красивейших женщин, тогда как рай населен одними монахами и нищими.

- Господь охотнее терпит тех, кто его вовсе отрицает, чем тех, кто его компрометирует.

- Прости меня, Господи! - Хранитель Эндера истово перекрестился. - Одним и тем же мозгом приходится и мыслить, и верить…

* * *

Дон Жуан полулежал на своем непритязательном ложе в лесной хижине и бездумно смотрел в окно: на выплывающее из-за кромки леса причудливое облако, на колыхаемые утренним ветерком ветви деревьев, на почти затянутую травой тропку, прихотливо повторяющую изгибы невидимого ручья. Он неспешно, чтобы растянуть удовольствие, пригубил кубок дешевого красного вина - и грезы сладостным туманом начали заволакивать сознание. В мире грез становились призрачней мысли, ярче краски окружающего мира, даже старческие чресла как будто наливались молодой живительной силой...

Однако скептический разум даже под действием вина оставался мудрее тела, поэтому, как всегда, - на грани реального и нереального - чертик неверия и сомнения нагло высунул свою бесовскую рожу и начал задавать свои ехидные вопросы:

- Вот ты лежишь сейчас в убогой хижине, старый и несчастный. Неужели тебе не обидно?..

- Нет. Итог сей неизбежен - старость приходит ко всем, и она очень кратковременна по сравнению с предыдущей жизнью...

- Пусть так, но ведь одиночество никак не назовешь наградой для старости?..

- А я и не одинок - со мной всегда мои мысли, воспоминания о прожитом...

- Ты столько грешил в своей долгой жизни и даже сейчас, у смертного одра, продолжаешь грешить в мыслях. Когда в бессонной ночи ты перебираешь четки мыслей, не страшишься предстать после смерти пред судом Создателя?

- То был не грех, ибо греховна похоть, а я любил всех своих женщин - любил искренне. Не моя вина, что каждая последующая оказывалась прекраснее предыдущей.

- Но ты же искушал их!

- Нет, это Создатель, чьи помыслы неведомы, постоянно искушал меня, а я - любил всей душой, всем сердцем! И сейчас продолжаю думать, что любить или не любить женщину - на это была лишь моя воля, но не Его.

- Несчастный!.. Ты еще и кощунствуешь.

- Нет, я счастливей многих богачей, растративших жизнь на приумножение богатства! Они любили одно лишь мертвое золото, а я любил живые сокровища и прожил счастливую жизнь, которая прекрасна даже в воспоминаниях...

- И что же ты приобрел? Ни почестей, ни, хотя бы, сытой старости?..

- Старику нужно не так уж и много...

- Но, если бы появилась возможность попросить Создателя - о чем бы ты молил?

- Еще об одной, последней любви! И тогда, поверь мне, закат жизни будет не печальным, а прекрасным...

- Но ведь ты мечтаешь не о божественной любви?

- Земная любовь выше, потому что в любой момент я готов был умереть во имя ее. А все святоши страшатся смерти, ведь неискренность - их главный грех...

- Ты молил об этом сотни раз. Неужто никогда не казалось, что это - награда, полученная без заслуг. Ты получал невыстраданные чувства, обкрадывал чью-то судьбу...

- Обкрадывал?.. Я отдавал, а не брал! Мера любви - это любовь без меры. И разве любовь можно вымолить? Создатель справедлив - он всем людям отмеряет поровну.

- Но ты же утверждаешь, что был счастливее многих?!.. Значит, ты просто обокрал их! Или твой источенный старостью разум - уже вдовец логики?

- Твое умозаключение и вопрос тоже не отмечены изяществом...

- Ладно, признаю. Но, признай и ты - в твоей жизни все было как бы предопределено: каждое твое увлечение, каждая новая женщина? Словно неизбежность, будто рок...

- Да, что-то подобное мелькало порой в мыслях... Но ведь у меня всегда оставался выбор?! Я не хотел золота, славы - я выбирал женщину.

- Ой ли? Когда каждая последующая женщина прекраснее предыдущей - тут заведомо нет выбора!

- Это ты считаешь, что Божьей воли нет, но твое мнение для него совсем не обязательно.

- Вот ты и попался! Философским словоблудием обычно подменяют отсутствующие аргументы.

- А Елена?.. Красивые женщины созданы для людей без воображения, но только некрасивые способны любить по-настоящему, потому что не влюблены в себя. Все говорили, что она дурнушка, но я любил ее, может быть, даже сильнее других.

- Положим, исключения только подтверждают правило. И потом: вот ты сказал «все говорили», а сам-то что - не видел? Или, как в Библии сказано: «Идущий во тьме не знает куда идет»?..

- Вот это и подтверждает, что я ее любил, потому как женщина, которую любишь, всегда прекрасна! Ей хочется петь серенады, посвящать сонеты!

- «Тот холмик небольшой, мхом нежным опушенный, с пунцовой посреди чертою проведенной...» Это написал, правда, не ты, но ведь хотелось пропеть что-то подобное?

- Неправда, я любил в них душу и воспевал в сонетах красоту женской души.

- Согласно Библии женщина - это последнее, что творил Создатель. Дело было в субботу вечером, и усталость дала себя знать. Так что насчет души позволь тебе не поверить - все ты делал только для того, чтобы понравиться и добиться желаемого. Того самого...

- Нет, для того, чтобы прославить их в веках!

- Допустим, что твое воображение на короткое время преобладало над разумом. Но ведь их было так много, и тела их мало чем отличались!.. Я хочу понять - в чем ты находил разнообразие?

- В сказочности мыслей и чувств. Любовь настолько многогранна, что ее нельзя объяснить.

- Объясни другое. Если это было угодно Создателю, то зачем ему все это нужно? Зачем он вложил в твою душу и тело столь греховное предназначение?

- А зачем нужны поэты? Любовь вечна, меняются только возлюбленные... Ага, молчишь! И ты не прав в самом главном - истинная любовь не может быть греховной...

- Ты просто льстишь себе, и не хочешь признать истину. Твое увлечение Еленой – это всего лишь поиск разнообразия. Когда красивые женщины приедаются, нужно переспать с дурнушкой, чтобы начать отсчет своих побед снова с нуля. Ты ведь никогда не любил большие числа?..

- В Елене была невероятная внутренняя красота. Только поэты могут ее разглядеть, потому что только поэты умеют любить искренне и бескорыстно.

- Эти ветреники? Женщине они изменяют с Музой, Музе – с бутылкой вина…

- Они дарят женщине Вечность, ведь и через тысячу лет в ее запечатленный образ будут влюбляться пылкие мужчины. Это ли не мечта каждой женщины?

- Еще бы, ведь единственное, что ты мог им предложить – это вечность. Хотя, честно признаться, твое предложение впечатляет даже меня. Очень красивая приманка, вернее, обманка…

- Я никого не обманывал, и ничего им не обещал. Они это чувствовали своим сердцем. Женские сердца очень чувствительны к правде и лжи.

- Если бы так… Нет ничего проще, чем обмануть женщину. Если они заглатывают даже то, что невозможно проверить. Вечность – она на то и вечность, что у нее ни точки отсчета, ни конца, ни начала…

- Мечта – вот тот маяк, который не дает им заблудиться!

- Ты меня насмешил! Женщины мечтают о богатом муже, об уютном доме, о ласковых детях, наконец! Богатый и не очень старый муж – вот основа всему!

- Ты не прав. Любая из них готова была оставить богатство и уйти со мной…

- Но ведь не ушла же! И кому будут нужны твои стихи через сто, через тысячу лет? Никто не знает, какими будут люди через тысячу лет.

Даже сейчас дон Жуан – один, а людей, думающих лишь о деньгах – миллионы…

- В далеком будущем все будет не так. Я уверен, что, пока существует женщина – будет существовать и поэзия. Пусть я сейчас один, но я заронил в людские души зерно…

- Положим, не только в души, а и кое-куда еще…

- Я заронил зерно, которое когда-нибудь, пусть даже через тысячу лет, даст урожай. И тогда ценность прожитой жизни будет измеряться не золотом в сундуке, а написанной поэмой о высокой любви, либо портретом прекрасной незнакомки… Как жаль, что мне подвластны лишь слова!

- Наивный, самовлюбленный стихоплет. Ты посмотри на себя. Ты думаешь, что все захотят стать нищими и одинокими?

- Возможно, я что-то сделал не так, но ведь через тысячу лет люди будут разумнее…

- Людская наивность. Почему Создатель должен любить вас всех, если ни от одного из людей он не в восторге?

- Я думаю, что Создатель, несмотря ни на что, любит своих детей. Богу - богово, кесарю - кесарево, а что же тогда остается простым людям?.. Я уверен, он каждую минуту помнит о них.

- А я думаю, что Создатель смеется, потому что заранее знает, чем все закончится. Посуди сам: в театре меняют сцену, но оставляют актеров, Создатель же, заметь, поступает наоборот…

Взгляд дона Жуана упал на окно, бесцельно скользнул дальше: на деревья, на тропинку, на идущую по ней женщину... Нет, еще не женщину! Хотя до нее было далеко, но, судя по легкой походке, это была все-таки девушка. О, эта изящная, гордо поднятая головка, эта короткая стрижка! Свободная белая накидка и высокая трава скрывали остальные формы, но воображение услужливо обрисовывало их до мельчайших деталей. Как волнующи эта хрупкость, этот высокий стан, эти по юношески узкие бедра... Чем ближе она подходила, тем сильнее колотилось сердце дон Жуана - девушка была прекрасна!

* * *

- Ты почти добился цели, - сказал Хранитель Эндера с усмешкой. - Но, почти - это еще не означает добиться. Он слишком стар: его сердце не выдержит, или душа устанет и остынет раньше, чем сформируется энергетическое поле...

- Только женщина может временно остановить время.

- Конечно, в этом мире все от Бога, за исключением женщины, но ведь она царствует, а не управляет. Когда жизнь едва теплится,

последняя искра слишком дорога, чтобы бросить ее под ноги второй ошибки Бога…

- Старики знают, что старость – это остров, окруженный смертью…

- И главное развлечение старости – флирт со смертью, но не с женщиной!

- Но ты все-таки признал, что я почти добился своего?

- Я просто восхитился твоим изящным ходом. Любой житель Эндера отдал бы то, что у него есть за то, чего у него нет. Их желания ограничены только моими возможностями. Но только не подумай, что мне легче выиграть пари! Когда есть все, то больше уже ничего не надо. Если бы абсолютно все желания жителей Эндера исполнялись, их жизнь давно стала бы адом. Возможно, она уже и является таковой…

- Ага, ты готовишь почву для отступления, чтобы не так обидно было проигрывать?

- Я еще не проиграл! Хотя, в самом деле, бывает обидно, что они хотят завладеть всем, будто у них есть время этим всем обладать. Мне, в отличие от них, нужно так мало…

- А вот любовь каждый день начинается с нуля. Это такое чувство, которое если ежедневно не возрождается, то ежедневно умирает…

* * *

- Благодарю тебя, Создатель, за эту последнюю радость! - прошептал дон Жуан, глядя просветленными глазами в окно.

Но опять, как всегда не к месту и не ко времени, подал голос неугомонный противник:

- Зачем она тебе, ведь ты даже не сможешь обладать ею?!

- Но никто, как я, не сможет ценить ее красоту! Молодость любит с закрытыми глазами, а старость - с открытыми.

- Она молода, и твои восторги ей быстро наскучат. И тогда появится желание иметь просто сильного молодого любовника, а не немощного, пусть и восторженного, старого волокиту.

- Но молодой любовник просто не способен оценить ее по достоинству! А если не любишь слишком, значит любишь недостаточно.

- Зато он способен на все остальное. А молодости и не нужны красивые слова - она жаждет плотских наслаждений. Разве твоя прежняя жизнь не служит ярким подтверждением тому?

- Нет, я помню, что и в юные годы любовь для меня была путеводной звездой...

- Гораздо выгоднее любить себя. В этом случае есть и еще одно преимущество - мало соперников! Ведь женщина всего лишь играет

роль зеркала, наделенного пусть обманчивым, но притягательным свойством: отраженная в нем фигура мужчины в несколько раз больше натуральной его величины…

Дон Жуан хотел было возразить, но подумал, что возобновлять привычный спор бессмысленно - и замолчал. Он просто ждал, когда ангел во плоти откроет дверь его жилища, он ждал чуда.

И вот за дверью послышались легкие шаги, и чарующий слух голос спросил:

- Позволено ли будет войти в обитель достопочтенного дон Жуана тому, кто послан скрасить его старость?

- Значит, прав-то оказался я! Тебя просто используют! - самодовольно воскликнул чертик, но дон Жуан даже не удостоил его вниманием.

- Войди, прелестное создание, - промолвил он зачарованно.

Дверь проскрипела ржавыми навесами, и в ее проеме возникло юное лицо.

- К тому же, это еще и юноша! - чертик дико захохотал. - Конечно, тебе же ни к чему теперь женщины! Создатель наградил тебя новой любовью! Не ее ли ты просил?!

И тут дон Жуан словно бы впервые увидел прожитую жизнь чужими глазами - глазами вечного своего оппонента, а может, глазами самого Создателя, взирающего через окно Вечности на крохотную никчемную букашку из своего бескрайнего мира.

«Тебе недостаточно унижения тела, теперь понадобилось унизить мой дух?!» - хотел прокричать он туда, где над ветхой крышей должен был находиться синий купол неба. Но слова проклятия замерли на губах, а в сердце вдруг родилась теплая точка - словно зажегся крохотный язычок пламени на лампаде. И чем пристальней вглядывался он в не очень красивое, но такое знакомое лицо юноши, тем жарче разгорался огонь внутри...

* * *

- Ничего не понимаю, - сказал Хранитель Эндера. - Ты сделал хороший ход с юношей, но даже для этого твой дон Жуан слишком стар. И мне понятен смысл проклятия, застывшего не его губах... Я не понимаю только, откуда взялась «светлая материя»? И это после того, как он утратил Веру…

- Он чуть было не потерял веру, потому что обрел уверенность…

- Здесь ты не прав, ибо гордыня сжигает не только материю, но и саму душу… Бог творил человека по своему образу и подобию, а твой подопечный отплатил ему тем же! – Хранитель Эндера рассмеялся.

- Я говорю не о гордыне, а об уверенности в том, что жизнь прожита не напрасно. Он теперь свободен от сомнений и счастлив.

- Но невозможно стать свободным в один миг. Человек – это дерево с корнями: чем длиннее жизнь, тем глубже уходят корни.

- Ты же прекрасно знаешь, что светлую материю могут рождать только два духовных процесса: либо истинные удовольствия, либо истинная любовь…

- Вот это мне и непонятно. Судя по мощности потока, речь может идти только о сильной любви. Но здесь какое-то странное чувство: без умопомрачающей страсти, без испепеляющего вожделения, без малейших признаков корысти...

- Это называется родительской любовью.

- Так значит, этот юноша сын его и...

- Елены.

- Да… Сегодня ты превзошел меня по всем статьям.

- Ты согласен, что проиграл?

- Признаю, - согласился Хранитель Эндера. - Я проиграл с самого начала, ибо не учел, что в любви сливаются не только тела, но и души, и тогда даже слишком много кажется недостаточным. Для души ведь не существует такого понятия, как старость… Пока на твоей Земле будут существовать мужчина и женщина, и у них будут рождаться дети - Вселенная в безопасности.

НАВАЖДЕНИЕ
(Рассказ)

До чего же спать хочется... И голова трещит... Лопата со вчерашнего дня словно вдвое потяжелела, да еще укатанная машинами земля по твердости сродни асфальту. И во всем теле такая разбитость... Но виду показывать нельзя, ведь Капитоныч при приеме на работу предупреждал о сухом законе. Выгнать не выгонит, но потом долго придется восстанавливать его расположение...

С такими мыслями работа, конечно, не в удовольствие, а если быть точным - то истинная каторга. Вчера вечером Семен отпросился на танцы, и так уж получилось, что вернулся только на рассвете. Едва лишь голову успел на подушку положить, как археолог Капитоныч скомандовал подъем. А теперь вот приходится старательно скрывать, что смертельно хочется спать...

После окончания первого курса Красноярского «политеха» Семен приехал домой на каникулы, чтобы подзаработать. Собственно, они собирались поехать со стройотрядом, если бы у Иришки не заболела мама, и ей по этой причине пришлось остаться в Красноярске... А его родители писали, что летом на строительство Саянской ГЭС принимают практически всех. Но, приехав, он в первый же день столкнулся в магазине с Татьяной. Начав расспрашивать о местных достопримечательностях и деревне Сизой, она как-то незаметно перешла к археологии.

- А у меня дома настоящий каменный топор лежит, - похвастал Семен.

- Интересно бы взглянуть, - заинтересовалась Татьяна.

Топор он нашел несколько лет тому назад в подмытом береговом обрыве на противоположном берегу Енисея, но в школьный музей, где хранились разные древности, не понес - оставил себе.

Татьяна долго разглядывала камень, потом уверенно заключила:

- Не спорю - самый настоящий каменный топор. И лет ему этак тысяч пятнадцать-двадцать. Если не жалко, может, пожертвуешь для науки? Хотя, знаешь, в здешнем регионе это не такая уж и большая редкость...

- Тогда я его еще у себя подержу, - сказал Семен. - Приятно осознавать, что к этому камню человек прикасался еще в каменном веке.

Тут-то, как бы между прочим, Татьяна и сосватала его оформиться рабочим в археологическую экспедицию. Семен согласился, не задумываясь. Конечно, на строительстве он мог заработать больше, но, зато, провести лето с ленинградцами на раскопках представлялось более интересным. Правда, все оказалось намного прозаичней, чем он ожидал: серые кости, невзрачные глиняные черепки. Лично он за месяц откопал лишь бронзовый серп, да еще «керамический сосуд баночной формы», как охарактеризовал его Капитоныч. Зато сколько земли вперемежку с древесными углями перелопатил по всему периметру вала! Должно быть, остатки сгоревших крепостных сооружений...

Сейчас бы в тень... Или в Енисей... Похоже, только холодная вода способна взбодрить вялое тело, тем более, что далеко идти не нужно: вот она - всего в полусотне метров. Решившись, Семен воткнул лопату в отвал и стал снимать одежду. Неторопливо спустился с невысокого берегового обрыва и по теплому песку подошел к реке. Постоял, настраиваясь - и с разбегу кинулся в воду.

Холод ощутил не сразу. Мощное течение подхватило и с силой потащило вдоль берега: быстрые струи оплели тело, замельтешила в прозрачной воде и помчалась навстречу разноцветная галька. Но уже через несколько десятков метров кожу будто кипятком ошпарило - и Семен пулей вылетел на берег. Невольно подумал, что, случись сейчас переплывать на противоположную сторону Енисея, до которой всего ничего - каких-то три сотни метров, мог бы и не доплыть. Что и говорить, холодна теперь водичка из глубины Саянского водохранилища!..

- Что так слабо? - съехидничала наблюдавшая за ним из палатки Татьяна. - Сибиряк-то ты сибиряк, но, оказывается, комнатный...

- Да и у нас, сибиряков, говорят, что лучше северный Кавказ, чем юг Красноярского края, - отшутился Семен.

Проходя мимо Капитоныча, замедлил шаги и принюхался к костровым запахам. Археолог уже с полчаса сидит со своими бумагами возле выложенного из камней очага - сегодня его очередь варить завтрак, вернее, и завтрак, и обед одновременно. Время от времени он черпаком перемешивает в закопченном казане плов. Рядом кипит вода в чайнике. «Сейчас бы кружечку крепкого чаю!» - мечтает Семен.

Словно уловив его мысли, Капитоныч между делом бросает:

- Ну, что, бугровщик, попей чайку, пока плов доходит!

- Звучит, как «гробовщик»... - бурчит Семен, садясь на складной походный стул.

- Потому, что смысл у этих слов один, - Капитоныч отрывается от своих записей. - Археологом, извини, назвать не могу, потому как у тебя образования не хватает, а рабочий, по большому счету и моему разумению - это не профессия. Но браконьерскую специальность гробокопателя ты уже освоил в полной мере.

- Это, как я понимаю, замаскированное оскорбление падшей личности? - подает голос Татьяна.

- Ничуть. Была, Семен, такая профессия - по теперешним понятиям браконьерская, - Капитоныч садится на своего конька и, по этому случаю, даже откладывает в сторону тетрадь. - Сколачивали артель, находили нераскопанный курган, сверху били колодец - «дудку» по-тогдашнему, а потом беспардонно грабили захоронение.

- Чего там грабить: черепки да допотопные ножи бронзовые? - искренне удивляется Семен.

- Не скажи. Одно время по вине бугровщиков в Красноярске даже золото обесценилось. Историк Сибири Миллер написал в начале восемнадцатого века: « В здешних курганах найдено столько золота и серебра, что, по словам красноярского воеводы, золотник чистого золота продавался по 90 копеек». Так-то вот... Зато ныне, в нашем просвещенном веке, еще ни одному археологу не удалось найти в Сибири не разграбленный курган...

Об истории здешних мест Капитоныч рассказывает увлеченно и всегда очень интересно. Семен его рассказы впитывает, словно губка - будет что друзьям в общежитии порассказать. Он наливает в кружку кипящий чай и старательно дует на него.

- Хоть бы огурчик малосольный принес, - морщится археолог, - а то возле тебя сразу закусить хочется!

- Да всего-то по стаканчику вина выпили, - оправдывается Семен. - Дружок в отпуск из армии приехал...

- По твоему виду не скажешь, что одно вино пили, - археолог неодобрительно качает головой. - Смотри, Семен, не то помрешь прямо в раскопе, а лет через триста археологи раскопают культурный слой - и будут головы ломать, отчего их молодой, цветущий предок преждевременно скопытился...

- Скажут, раз кости целы, значит потому ласты склеил, что пил, курил, и не по-товарищески относился к женщинам, - не преминула вставить слово Татьяна, раскладывающая по пакетам черепки.

Сказала и взглянула с любопытством, проверяя реакцию. Семен, однако, на провокацию не поддался - промолчал. Он давно раскусил ее хитрую игру, но строил из себя этакого наивного деревенского простака. Пристальное Татьянино внимание его практически не трогало - уж больно она была некрасива: остроносая, худая и черная, словно головешка. Он мысленно представил ладную Иришку - и вздохнул. Так что археологиня его своими прелестями нисколько не привлекала - не женщина, а супнабор говяжий.

- Это не по адресу - я не курю, - попытался отбиться от въедливой археологини Семен.

- Долго ли? - не соглашается Татьяна. - Пить ты уже начал...

«Достала, вобла сушеная!» - выругался про себя Семен и поднялся.

- Слушай, а у меня бутылка пива есть, - вкрадчиво говорит Татьяна. - Уступить, что ли? Выпьешь пивка - глядишь и полегчает?..

- Спасибо, если, конечно, не жалко. Буду должен.

- Долг нагишом платят! - Татьяна засмеялась. - Да ладно, не красней - это шутка!

После таких слов Семен, забыв даже об обещанном пиве, спешит к спасительной лопате.

- Ты куда? - кричит вдогонку Татьяна. - Пиво-то забери...

- Сама его пей!

- Ах, ах! - издевается археологиня. - Еж - птица гордая: пока не пнешь, не полетит...

Семен ожесточенно и без перерывов копает траншею, пока Капитоныч не зовет к завтраку.

- Вспотел, бедненький... - тянет Татьяна, и непонятно, то ли, в самом деле жалеет, то ли готовит очередную шпильку. - Надо ударно работать, пока прохладно, а днем можно и солнечный удар заполучить.

- Сама-то когда поднялась... Я уже копал давно.

- Я - другое дело, я - женщина. Наш женский девиз: кто рано встает, тот рано помрет.

- Учту на будущее...

Капитоныч прячет в бороду улыбку и одним глазом подмигивает Семену - мол, все я прекрасно понимаю, а ты перед ней не тушуйся. Потом говорит:

- Мы с Татьяной после обеда на ее раскоп уедем, так что до моего приезда останешься здесь за хозяина. Обойдешь эту странную могилу канавой, но в центр не залезай. Если на что-нибудь интересное наткнешься - периметр в этом месте увеличишь. Все понял?

- Понял.

Семен непредвиденному одиночеству даже обрадовался. Капитоныч, как всегда, вернется только под вечер, так что можно часок поспать, а потом, по вечерней прохладе, наверстать объемы.

- Глянь, какая красивая женщина! - Татьяна вертит перед Семеном на ладони череп. - Надбровные дуги слабо выражены, нос прямой, все зубы целы... Правда, скуластенькая немного. Добавь нежную кожу и длинные светлые волосы...

- Как говорил небезызвестный доктор Ватсон, «я, конечно, готов всему поверить, но...», - Семен скептически усмехается.

- Можешь верить, - утвердительно кивает Капитоныч, - мы черепа с подобных курганов в Ленинграде антропологам показывали. А еще, арабский географ ал-Омари в начале четырнадцатого века писал: «Нет красивее их телом, фигуры их - совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые»...

- Позвольте добавить, - Татьяна поднимет кверху длинный и тонкий, с обломанным ногтем, палец. - Средний рост тутошнего древнего народца где-то под метр восемьдесят. Так что тебе подстать...

- Просто красавица, - с усмешкой соглашается Семен. - И совсем не старая - всего каких-то несколько сотен лет.

- Со-о-тен... - Татьяна презрительно кривит губы. - Да этой девушке две с половиной тысячи лет. Она из Означенского кургана, откуда ты сбежал.

- Не сбежал я, просто и здесь кому-то надо работать...

- Сбежал, сбежал! А там находки поинтересней здешних камней да углей. В углу, где ты делал расчистку, я ожерелье из кабаньих клыков нашла и бронзовое зеркальце. Так-то вот!

Семен, действительно, со степного раскопа сбежал. И не столько из-за назойливой археологини, а потому, что отсюда совсем близко до родительского дома. В принципе, он мог бы жить не здесь, в лагере, а у себя в деревне Сизая, но тогда пришлось бы все время подстраиваться к распорядку дня Капитоныча. А так они живут в одной палатке, по единому лагерному расписанию, по вечерам ведут долгие беседы. А уж собеседник из ленинградского археолога знатный...

- Я всегда был уверен, что здесь с незапамятных времен жили хакасы, - признается Семен.

- Так оно и есть - предки хакасов жили, - подтверждает Татьяна.

- Но ведь сами говорите, что светловолосые и голубоглазые...

- Китайцы их называли «дин лин» - то есть люди-журавли, - снова отрывается от своих записей Капитоныч. - Но потом, начиная

с четырнадцатого века, монгольские завоеватели за триста лет сформировали центрально-азиатский физический тип... Кстати, ты себя считаешь русским?

- Естественно, - удивился Семен.- И фамилия самая что ни на есть русская - Балакин.

- Ну, тут позволь не согласиться. Корень «бала» в тюркских языках означает «ребенок», - Капитоныч расплывается в довольной улыбке. - Так что, скорее всего, твой предок был тюрком. Хотя, - он окидывает высокого светловолосого Семена взглядом, - славянской крови в тебе уже больше.

После завтрака настроение несколько улучшилось, но, все равно, копать тяжело - укатанную дорогу приходится долбить кайлой. Собственно, именно из-за проселочной дороги и обнаружили эту странную отдельную могилу - проступил деревянный сруб. Возможно, когда-то здесь был и небольшой курган, но машины и грейдеры разровняли его до основания. Раскопки земляного вала, которыми занимается Капитоныч, они закончили, так что случайно обнаруженное захоронение - это что-то вроде последнего штриха в обследовании крепости.

Бросив взгляд на лагерь, Семен видит, как Капитоныч в палатке рисует чертежи вала и одновременно наговаривает на диктофон отчет. Когда же они уедут? Семену жарко: пот струйкой скатывается по животу, а на спине, под рубашкой, собирается в горячую и липкую массу...

- Эй, бугровщик! Надумаешь ко мне возвращаться - скажи. Я замену пришлю.

Это Татьяна кричит уже из машины. Собрались, наконец-то!

Когда «Уазик», посигналив на прощание, поехал вдоль берега, Семен прибавил темп, но, едва машина скрылась из виду - бросил лопату и подался к палатке. По пути убрал от огня горячий котелок с чаем, а раскатившиеся головешки придвинул к центру костра.

В палатке почти прохладно - порывистый ветерок, слабо шевеля брезентовыми створками, пробивается внутрь. Укладываясь поверх спального мешка, Семен ощутил под головой что-то твердое. Ага, диктофон Капитоныча! Что он там интересного наболтал?

Отмотав пленку назад, он накинул ремешок на шею и, надев наушники, улегся поудобнее.

- Сооружение, известное еще Палласу как «Омайтура», а местному населению как «Лубсанов вал», расположено на восточном берегу Енисея, на низком месте под горой, - голос Капитоныча в записи не

очень-то узнаваем. - Вал вытянут от скал до русла реки и перегораживает всю правобережную часть долины. Общая длина его двести пятьдесят пять метров... - в разрывах между словами хорошо слышно, как трещит костер, как в отдалении скрежещет по галечнику кайла Семена. - Можно предположить, что вырытый вдоль всего вала ров сообщался с Енисеем и был заполнен водой. Высота сооружения с дополнительными конструкциями была, вероятно, не менее трех метров. Учитывая глубину рва, высота фортификации составляла приблизительно шесть метров, а может быть и более... Летом вал можно взять только штурмом, зимой же, когда река замерзала, положение обороняющихся должно было осложняться... Целый ряд противоречий не позволяет с уверенностью датировать начальный этап возведения... Кроме того, обвалованное, почему-то с юга, озерцо представляло собой явную помеху для обороняющихся. Остается неясным и назначение частокола-тына за спиной защитников, остатки которого обнаружены...

На этом запись обрывалась, и Семен выключил диктофон. Порывы усиливающегося ветра время от времени откидывали брезент, открывая видимость на сплошь заросшие таежным лесом окружающие горы. Почти у самой воды они обрывались голыми и неприступными с виду скалами. Действительно, лучшего места для оборонительного вала не выберешь! Светло-коричневые траншеи археологических раскопов сейчас выглядели следами гигантских когтей - этакими рваными ранами земли. Распуская сизый шлейф дыма, потрескивал разгоревшийся костер...

Спал он совсем недолго - чувство долга поднимает лучше любого будильника. От былой усталости не осталось и следа, однако подыматься не хотелось - чтобы не утратить ощущение приятной истомы во всем теле. Но тут ветер откинул брезент, и Семен увидел возле костра незнакомого человека, сидящего спиной к палатке. Любого из деревенских он узнал бы и со спины, а на этом, к тому же, была надета непонятного фасона не то островерхая шапка, не то шляпа. Да и заплечную берестяную торбу он, почему-то, не снял. Присутствие постороннего в лагере было явным непорядком, и Семену волей-неволей пришлось вставать.

На его «здрасте» человек посмотрел так, будто не понял. Потом просто кивнул головой. По внешнему виду Семен принял его сначала за хакаса, потом, присмотревшись повнимательнее, за тувинца - пожалуй, больше всего из-за островерхой войлочной шляпы на голове. И вообще, одеяние незнакомца было довольно необычным: отделанная полосками кожи куртка из грубой ткани, на украшенном латунными бляхами поясе

большой нож в деревянных ножнах, на ногах мягкие кожаные сапоги. Охотник, не охотник?.. Одежда была далеко не новой, а по смуглому обветренному лицу практически невозможно было определить и возраст самого незнакомца. Во всяком случае, был он не молод.

- Вы, как будто, нездешний? - спросил Семен, чтобы начать разговор. - К кому-то идете?

- Я уже пришел, - даже не повернув головы, ответил тот глухим, как будто простуженным голосом и замолчал.

Семен, раздув угли, подбросил в костер дров и повесил чайник. Когда молчание стало казаться слишком затянувшимся, он снова попытался разговорить собеседника:

- Чаю хотите?

Незнакомец не ответил, лишь отрицательно покачал головой. Так они и сидели: глядели на огонь и молчали. Вдруг незнакомец поднял пронзительно-черные, как будто бездонные, глаза на Семена и медленно выговорил:

- Нехорошо... умерших тревожить.

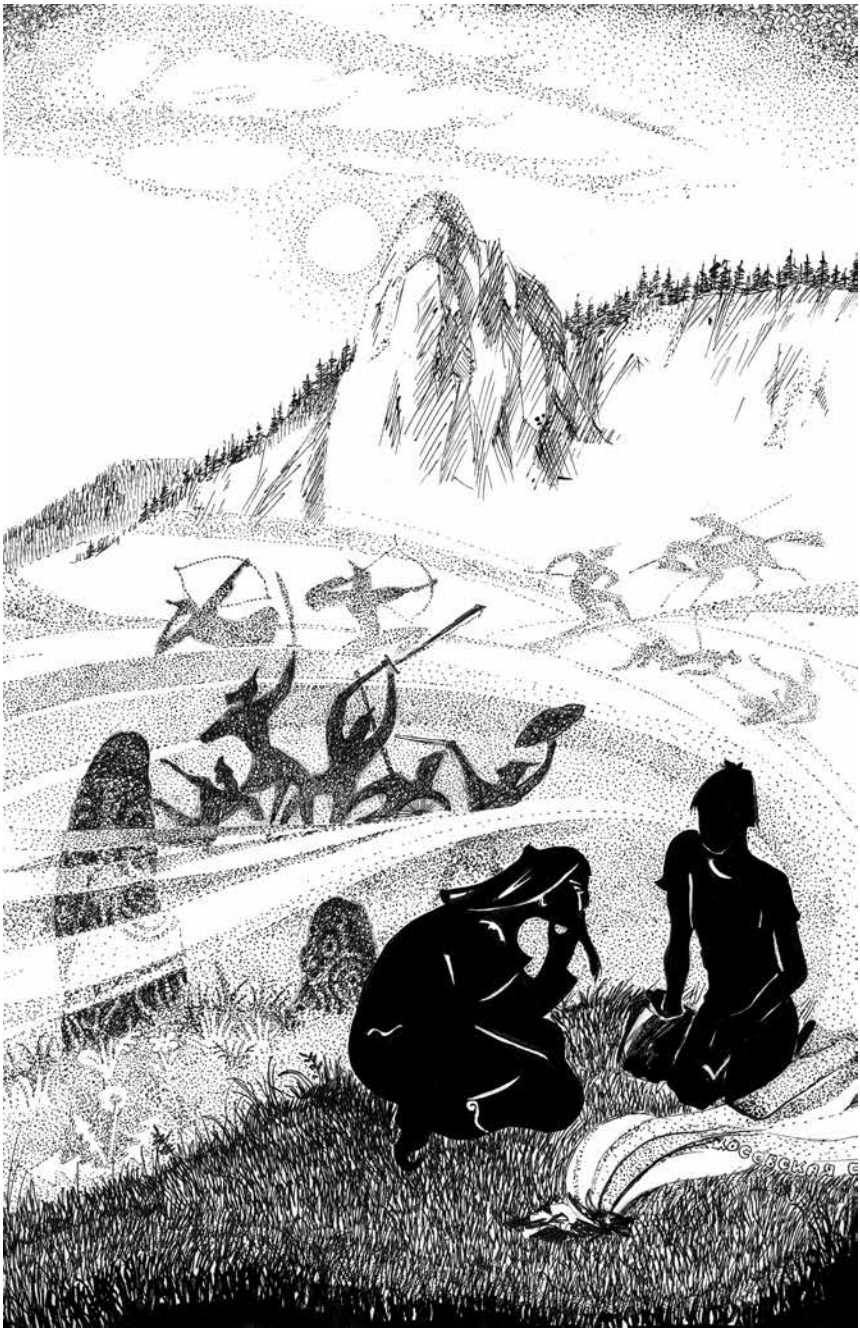
- Знаю, что нехорошо, - признался Семен и стал оправдываться словами археолога, - но через год здесь водохранилище Майнской ГЭС плескаться будет, а так хоть какая-то страничка истории Лубсанова вала откроется. Ведь уйдет под воду - как будто и не было его никогда...

- Да-а, очень давно все было, - согласился собеседник, - никто уже и не помнит... Победители воспевают собственных героев, а побежденные о своих вынуждены забывать... Ведь у победы много отцов, а пораженье - всегда сирота...

Помолчав, он продолжил:

- Когда Лоджан-тайджи после отца своего Омбо-Эрдени стал третьим из алтын-ханов, войско монголов было сильным и быстрым, как снежный барс, что живет на самых высоких здешних горах. Бесстрашные хотохойты и урянхайцы сражались с русскими казаками, осаждали их крепости-остроги. И Лоджан вырос великим воином. Он был с отцом своим, когда тот с пятитысячным войском настиг в Хакасской степи ненавистного племянника Мерген-тайшу. В ужасе разбегались враги, едва завидев алтын-ханов. Но уже сильный противник подрастал в Джунгарии, где ойраты создали свое ханство...

Голос незнакомца, звучавший вначале невнятно, окреп, и Семен, завороженный напевностью его и самим рассказом, замер, боясь пропустить хотя бы слово. Он вдруг вспомнил про висевший на шее диктофон - и незаметно надавил кнопку записи.



- Богат был Лоджан. По всей Хакасии правили кыштымами-хаасами наместники его - зайсаны, ежегодно собирали богатый албан. Князья рода Кыргыз присягали ему верой - налив в чашу вина и, золота положа, выпивали. Послы далекой Москвы не раз приезжали на озеро Упсунур, ища союза с ним. И тем московским послам говорил гордый алтын-хан: «Когда царь царю бывает в подданстве? - Когда царь царя возьмет войною, тогда и бывает в подданстве. А я прихожу в Хакасию на свою землю и сойду собою...» И приходил не раз, и даже к стенам крепости русской - Красноярска...

Откуда-то из глубин сознания Семена всплыла уверенность, что он уже слышал это сказание, эту легенду. Слышал когда-то очень-очень давно, а потом забыл.

- Алтын-хан не был жестоким, - продолжал собеседник, и голос его звучал напевно, отовсюду, словно посвист окрепшего ветра, - просто само время было жестоким. Он даже с врагами поступал, как настоящий батыр, поэтому жена его Цецек - прекрасная, словно весенний цветок - и под полуденным солнцем, и при масляном светильнике в белой юрте смотрела на него глазами, полными женской любви. И за это Лоджан одевал ее в мягкие собольи шубы и готов был умереть за нее, и воины его, и слуги его тоже...

Голос рассказчика задрожал, и маленькая слезинка скользнула из-под ресницы по смуглой щеке, но он, похоже, не замечал этого.

- Триста лет назад, в начале десятой луны года желтой овцы, преследуемый кровожадной сворой джунгар, пришел алтын-хан на это место и стал строить крепость Омай-тура. Хотел он закрыть путь в Хакасию для врагов своих и спасти от разгрома малочисленное войско свое, а земли своих кыштымов от разорения. Но прискакал посланник от джунгар и передал послание, что, если не может алтын-хан победить противника, то может перейти на сторону его. И ответил Лоджан словами великого Чингиз-хана: «Боялся - не делал бы. Сделал - не боюсь»...

Семен хотел подбросить в костер дров - и не смог пошевелиться. Странное оцепенение овладело им. То ли так заворожил напевный голос рассказчика, то ли собственный разум на время утратил связь с телом, погрузившись в самые потаенные глубины памяти, где пытался отыскать связь с рассказываемым.

- Но не успел Лоджан закончить сооружение крепости, так как ранней весной пришел Сенге-тайджи с великой силой. И донесли лазутчики, что хакасский князь Инерек, имея родство с хунтайджи, бывая в Джунгарии и живя там подолгу, обещал ударить в тыл монголам.

И стали воины алтын-хана возводить частокол за спиной своей, но слишком мало оставалось времени. Тогда сели они на коней и встретили врагов лицом к лицу...

Рассказчик пристально смотрел куда-то за спину Семена, нервно поглаживая правую руку. Только сейчас Семен разглядел, что вместо правой кисти у него была культя, к которой ремешком был привязан костяной крючок - что-то вроде протеза.

- Это была великая битва достойных противников. Словно две живые бурные реки схлестнулись в скальной теснине. От звона железа о железо стонал воздух и дрожали окрестные горы, от криков воинов стыла кровь в жилах зверей и птиц лесных. Само солнце померкло над Омай-турой, когда окрасились багрянцем трава и песок, когда смешались с енисейской водой красные струи... И твой предок тоже участвовал в этой битве...

Он говорил, а позади Семена нарастал шум битвы: топот коней и крики ярости, лязг железа и вопли боли. Вот, коротко свистнув, длинная стрела с черным опереньем вонзилась в сосну за костром - граненый железный наконечник наполовину ушел в ствол, брызнули кусочки коричневой коры. Что-то там, за спиной, определенно происходило. Семен попытался обернуться, посмотреть, но странное оцепенение безволием наполнило тело. Собеседник тоже бегло глянул на стрелу и продолжил:

- Но даже могучий барс не может долго противостоять волчьей стае. Быстро таяли ряды воинов алтын-хана, и вся земля от воды до подножья горы была устелена телами батыров. Утратившие же волю кидались в реку, чтобы переплыть на другой берег - и многие нашли в воде свою смерть, еще раньше став мертвецами от страха. Сенге приказал взять Лоджана-тайджи живым. Немалому числу охотникам стоило это жизни, но опытные звероловы, в конце концов, всегда настигнут зверя... Пленили алтын-хана - и закончилась кровавая охота. А когда увидел Сенге прекрасную Цецек, сказал Лоджану: «Вот самая ценная моя добыча. Пусть это будет твоим албаном...»

Рассказчик опустил глаза и стал задумчиво смотреть на угли костра. Семен вдруг обратил внимание, что все звуки позади его стихли. В наступившей тишине стало слышно даже, как шуршит колеблемый ветром брезентовый полог палатки.

- Ночью выскользнула Цецек наружу, - снова заговорил рассказчик, - поднялась при свете луны на скалу Хабыйос, что означает «стерегущий герой», и прокричала с высоты слова, которые услышали и побежденные, и победители: «Прощай, мой любимый! Я навсегда останусь только

твоей!» И полетела вниз подстреленной белой птицей... Молчали джунгары, потеряв дар речи. Тут вырвал Лоджан у стражника острую сулему и кинулся, чтобы либо убить Сенге, либо умереть с честью. Что пользы, если ты сохранишь тело, но потеряешь душу? А смерть - последний довод всему. И не смогла охрана противостоять ему, как нет разъяренному барсу равных в ярости и ловкости. Много куяков и панцирей разрубил он, но переломился клинок - и тогда сбили его с ног джунгары. И приказал Сенге-тайджи отсечь по завить руку, поднявшую на него оружие и собачье мясо велел алтын-хану в рот класть. А потом надели ярмо на непокорного Лоджана и держали его, словно скотину, в позорном плену...

Лицо рассказчика на несколько мгновений словно закаменело.

- После восьми долгих лет рабства и унижения пришел Лоджан - третий из алтын-ханов - на место своей последней битвы, чтобы остаток жизни жить и умереть возле Цецек. Потому, что пока жив хотя бы один из любящих, история их любви продолжается...

Он замолчал и, как понял Семен, надолго. Странное оцепенение начало проходить, так что уже можно было пошевелить пальцами рук и ног, но вот поднять руку или повернуться - сил пока не хватало.

- Да-а, уходить надо... - проговорил вдруг собеседник и поправил кожаные лямки торбы.

Семен сразу не спросил, куда уходить, а потом, через некоторое время, вопрос звучал бы просто неуместно. Тем более, что незнакомец поднялся и пошел туда, куда был устремлен его взгляд - за спину Семена.

Трудно сказать, сколько еще времени Семен сидел бы неподвижно, страшась сделать усилие и подняться, если бы не подъехавшая машина - на сей раз Капитоныч вернулся довольно рано.

- Эй, бугровщик, ты часом не уснул!?

Семен встрепенулся, завертел головой. И силы вернулись, и все остальное было, как обычно: возвышалась над деревней Сизая скала Хабос, шумел по гальке широкий Енисей, чадил прогоревший костер, улыбающийся археолог вылезал из машины... «Пригрезится же такое, - подумал Семен. - Просто наваждение. Похоже, я и в самом деле уснул?..»

Подхватив лопату, Семен поспешно принялся за работу. Он не вполне осознавал, что делает, потому что странные видения то и дело возникали перед глазами: то он почти явственно видел деревянную стену крепости на высоком валу, то себя самого, копающего траншею -

но уже как бы с вершины вала. И еще, что-то слабое и пока еще неясное, словно зеленый росток, рождалось в душе его. Семен не мог объяснить, откуда бралась его уверенность, но он твердо знал, что это и есть самое нужное, самое ценное в его жизни...

Отбрасывая лопатой песок, вдруг заметил продолговатый бурый предмет. Подняв его, сразу понял, что держит в руках заржавленный наконечник стрелы.

Повертев в руках наконечник, Капитоныч констатировал:

- Ориентировочно - семнадцатый век. Довольно хорошо сохранился. Хотя, здесь сухой песок... - потом оживился: - Ты только представь себе, что стрела летела прицельно на сто пятьдесят метров. Дальше, чем пуля из охотничьего ружья! На оперенье чаще всего использовали перья орла, причем только шесть перьев с каждого крыла...

Но Семен не слушал. Где-то он уже видел такой наконечник! Не в школьном ли музее? Нет, там были костяные и бронзовые, да, к тому же, другой формы... Ах да, точно такой же торчал в дереве! Семен вспомнил о видении и, ни слова не говоря, направился к сосне. Внимательно ее осмотрел - никаких следов на коре не было. Конечно же, все ему просто приснилось!..

Когда Семен вернулся, Капитоныч озабоченно спросил:

- Ты не заболел? Бродишь, как лунатик...

- Это так... Не выспался.

- Ну, для такого молодца ночь не поспать - пустяк! Понимаешь, хотел эту могилу на завтра оставить, но там Татьянины рабочие интересные вещицы обнаружили, так что надо бы поспешать. Там отоспишься...

- Золото нашли? - встрепенулся Семен.

- Далось тебе это золото... - археолог досадливо скривился. - Ритуальное оружие откопали, а, главное, необычную керамику.

- А-а-а... Бесценные черепки, - разочарованно протянул Семен.

Вдвоем работа пошла быстрее. Подкопав, извлекли остатки лиственничного сруба, потом стали аккуратно обрушивать и просеивать землю, пока не добрались до костей. Кроме них, собственно, да обросших зеленью бронзовых бляшек, украшавших когда-то одежду либо оружие, ничего интересного в захоронении не оказалось. Уже укладывая останки в ящик, Капитоныч вдруг сказал:

Должно быть воин тут захоронен - одной кисти нет. Но не из очень знатных - скромно снарядили.

Упоминание об отсутствии кисти отозвалось внутри Семена неясным эхом, но он как раз в этот момент с ожесточением разрубал

на поленья притащенный от воды плавник - начинало смеркаться, и следовало поторопиться с ужином.

Капитоныч возился в палатке, подсвечивая себе фонариком. Вдруг он выглянул оттуда и спросил:

- Семен, признавайся, ты с диктофоном баловался?

- Да я не... - начал Семен и осекся, потому что только сейчас вспомнил, что включал его.

- Что ты тут мне понаписал? Я хакасский мало-мало знаю, но здесь даже смысл большинства фраз уловить не могу. Это на каком же языке?..

Семен ощутил, как покрывается холодной испариной. Он подошел на негнущихся ногах к археологу и попросил сдавленным шепотом:

- Мо-можно послушать?..

Надев наушники, он включил диктофон. Невнятно звучавший голос принадлежал странному старику, хотя говорил тот на совершенно незнакомом Семену языке. Иногда, словно приносимые порывами ветра, возникали звуки кристальной чистоты: «Цецек... Цецек... Цецек...» Но было нечто такое, что поразило Семена еще больше - в разрывах между словами был явственно слышен шум большой битвы...

СКАФАНДР ДЛЯ ГЕНИЯ
(Маленькая повесть)

Перелет Лидию утомил. Из Санкт-Петербурга до Красноярска, она, правда, летела с комфортом, но потом вымотало многочасовое ожидание рейса в Туруханск. А в завершение - еще и крайне тесное кресло в натужно гудящем, загроможденном чемоданами и какими-то тюками, да, вдобавок, заиндевелом, как будто беспрепятственно пропускающем через обшивку забортный холод, Ан-24.

Уже через десять минут ей наскучило глядеть на проплывающую внизу мутно-белую землю с неряшливыми серыми пятнами леса, на замысловатые - напоминающие полустертый магический орнамент - ленты скованных льдом рек и речушек. Все тайга, тайга: ни дорог, ни поселков, лишь прорезают ее через определенные интервалы тонюсенькие, уходящие в бесконечность линии - не то лесоустроительные, не то пожарозащитные просеки.

«Как параллели и меридианы на географической карте...» - подумала Лидия и, отвернувшись от иллюминатора, закрыла глаза.

Вскоре она задремала. Нет, даже не задремала, а, закоченев, погрузилась в состояние анабиоза. Пришло обманчивое безразличие к холоду, и она незаметно ушла в мир обрывочных - роящихся над тонкой гранью сна и сознания – грез, вперемежку с воспоминаниями...

Вот она будто бы сидит в актовом зале НИИ на научно-технической конференции и слушает доклады, некоторые подробно конспектирует. Она специально - и не без труда - пробилась на эту конференцию, чтобы выбрать тему для дипломной работы, а сейчас растерялась: одно сообщение интересней другого... И вдруг замечает молодого мужчину, который невозмутимо и увлеченно читает какую-то книгу. Непонятно почему, но время от времени ее взгляд возвращается к нему, и когда тот переворачивает очередную страницу, Лидия успевает разглядеть, что это стихи. Чудак какой-то! И тут он отрывается от книги, и взгляды их встречаются...

В перерыве он подходит к ней и, обращаясь как к старой знакомой, говорит:

- Что-то Вы, сударыня, слишком много записываете. Не иначе - студентка?

- А Вам, кажется, здесь совсем неинтересно? - парирует замечание незнакомца Лидия.

- Ни капельки не интересно, - признается тот, - потому, как все это - уже вчерашний день!..

После конференции они с Владимиром, так зовут ее нового знакомого, идут по вечернему проспекту к станции метро. Завтра Новый Год по старому стилю, поэтому кажется, что Санкт-Петербург старательно приукрашивается накануне. Как по заказу: и подморозило, и сыплет крупный, словно конфетти, не тающий снег. От этой праздничной искристости и белоснежной чистоты настроение у Лидии тоже праздничное...

- Приезжайте на нашу озерную станцию, - убеждает Владимир, - и я гарантирую, что лучшей преддипломной практики Вам нигде не пройти. Во-первых, Камчатка, это... В общем, куда бы ни глянул, - сам себе говоришь, что такого в природе просто не бывает. Во-вторых, какие там замечательные ребята!.. А уж тему Вам подкинем - потянет не меньше, чем на кандидатскую! Если согласны, то я прямо завтра иду в деканат вашего Гидрометеорологического института и оставляю персональную заявку...

«Чудак, конечно, но уж очень необычный - не похожий ни на одного из знакомых парней!» - думает она, чувствуя, что впитывает, словно губка, каждое слово Владимира, и нет у нее ни малейшего желания мчаться в вагоне метро, а хочется идти медленно и неспешно по белоснежному асфальту до самого дома, слушая увлеченный рассказ о сказочном крае...

И вот она на Камчатке. Действительно, до самого возвращения не уставала восхищаться вулканами, гейзерами, невероятной природой. Вместо ожидаемой напряженной работы - вдруг увлекательный и довольно беззаботный отпуск. Только через месяц опомнилась и заикнулась, что пора собирать данные для дипломной работы, на что Владимир, как всегда шутливо, ответил: «Не забивайте, сударыня, свою красивую головку гнетущими мыслями - их потом оттуда мне архитрудно изгонять. Обещаю, что, без малейшего умственного напряжения у Вас будет лучшая работа на курсе. Живите по принципу великого жизнелюба Козьмы Пруткова: если хочешь быть счастливой - будь!» Но, к концу второго месяца Владимир все же стал, как бы между делом, подсовывать то сводную таблицу, то график, причем каждый раз с шутками, вроде:

- Это, возможно, недоступно женскому уму, но сие есть истина, рождающаяся, как известно, всегда как ересь, но умирающая - уже как предрассудок.

Или:

- Сие, сударыня, в корне противоречит прослушанным Вами лекциям, но судить о чем бы то ни было следует, опираясь на разум, а не на общее мнение.

Хотя предлагалось все это как бы мимоходом, она понимала, что за каждым графиком, за каждым обобщением стоит либо огромная исследовательская работа, либо прозрение. Быстро и легко оформившаяся дипломная работа, вне всякого сомнения, претендовала на кандидатскую, поэтому Лидию вскоре начали терзать угрызения совести. В конце концов, она не выдержала и заявила Владимиру:

- Да не могу я пользоваться таким материалом - слишком уж напоминает самый беспардонный плагиат. Тут же чья-то готовая диссертация!

В ответ Владимир рассмеялся и успокоил:

- Девочка моя, ты умнеешь не по дням, а по часам: тут, действительно, - диссертация! Но я могу прямо сейчас предложить тебе пять, десять таких разработок, потому что для меня это - вчерашний день, и я иду дальше. А ты сделаешь нужное дело, если приведешь мои черновики в маломальскую систему. Может, еще кто-то прочитает эту дипломную и учтет твои выкладки в своей работе. Поверь, это ты делаешь мне великое одолжение!..

И тотчас всплыла в памяти камеральная богиня - надменная и ослепительно красивая программистка Виктория. Она обрабатывала очередные данные для дипломной работы Лидии и вдруг - ни с того, ни с сего - холодно обронила:

- Везет некоторым. То есть даже представить себе не могут, как везет...

- Почему, я представляю, - отозвалась Лидия, понимая, что этот камешек в ее огород. – Прекрасно представляю, но я-то здесь поскольку постольку - Владимир Иванович сам на теме настоял.

- Да причем здесь твоя тема!?.. - Вика окидывает ее уничижительным взглядом. - И чем только взяла - не пойму?

- Что взяла? - Лидия никак не может сообразить, о чем идет разговор.

- Что ты дурочкой-то прикидываешься? Будто никто не видит, как он на тебя смотрит!

И тут последние месяцы как бы просвечиваются насквозь ярким прожектором: каждый прожитый здесь день, каждая встреча с Владимиром, каждое его, будто бы случайно сказанное, слово. «Боже, а ведь, действительно - какая же я дура!..» - понимает она...

…Начинает давить на уши - значит, самолет уже снижается. Лидия встряхивает головой, пытаясь согнать остатки дремоты, и тут же зябко кутается в шубу, сразу почувствовав холод! А мысли продолжают течь все в том же направлении...

Она тогда словно прозрела: ведь, что греха таить, приехала не только из-за дипломной работы, но и для того, чтобы еще раз увидеть запавшего в душу чудака, и радуется всему окружающему - каждой минуте, проведенной на станции - потому именно, что рядом Владимир. И те мысли, которые она так старательно прятала в самую глубину подсознания - эти мысли тоже о нем...

Свое возвращение в институт она оттягивала до предела, даже подала телеграмму руководителю дипломного проектирования, что работа полностью готова, и что она прилетит за две недели до защиты. И все равно, времени не хватило - последние два дня они почти не выходили из комнаты Владимира: не могли расстаться друг с другом, заверяли, что умрут если не в день ее отъезда, то потом - обязательно, не выдержав двухнедельной разлуки. Лидия пообещала, что, сразу же после защиты вернется. И тогда Владимир признался, что со дня на день ожидает перевода на метеостанцию под Туруханском. И увлеченно, не вполне связно, заговорил о своем открытии, для проверки которого нужно непременно попасть туда - в центр Сибири. «Ну и пусть - она поедет и туда!»

И тогда, целуя Лидию, он поклялся, что примчится на ее защиту, и в Туруханск они полетят вместе... Но. Вопреки обещанию, не появился, лишь прислал телеграмму: «Поздравляю уверенностью успехе тчк скучаю безумно». Лидия даже обиделась. И когда, прямо на защите, ей предложили аспирантуру - неожиданно для себя самой, согласилась. А Владимир все не прилетал, лишь присылал длинные письма: сначала о том, что скоро опубликует сообщение об открытии, которое должно перевернуть мир и изменить направление развития цивилизации, а потом - с каждым разом все больше и восторженнее - о том, какое замечательное место, эта метеостанция, и что он теперь не представляет их жизни в каком-то ином месте. И в каждом письме звал к себе...

…Ан-24 шел на снижение над заснеженной и бесконечно-широкой, как показалось Лидии, рекой.

- Енисе-е-ей... - уважительно протянул сосед, глянув в иллюминатор, потом, словно бы поправляясь, уточнил: - Енисей-батюшка.

На трапе она замешкалась, ослепнув от бьющего в глаза яркого солнца и невероятной снежной белизны - и тут же очутилась в руках коренастого крепыша в лохматой шапке и меховой куртке. Его красное, как у индейца, лицо хранило неизгладимый отпечаток величайшей доброжелательности и столь же безграничного жизнелюбия. «Самый настоящий, продубленный ветрами и морозами северянин», - с восхищением подумала она, даже не пытаясь высвободиться из крепких рук.

- Лида?! - то ли спрашивая, то ли утверждая, обратился тот. - Владимир Иванович попросил Вас встретить! Подходи, говорит, к самой красивой девушке - не ошибешься.

- А что с Володей? Что-нибудь случилось? - испугалась она.

- Все окей! Он ждет на метеостанции, а здесь Вас ожидает персональный вертолет. Подробности по пути. Вещи в багаже есть?

Выпалив все это без остановки, он осторожно поставил Лидию на ноги тут же, возле трапа и ринулся внутрь самолета. На верхней ступеньке все же затормозил на секунду, ткнул себя пальцем в могучую грудь:

- Зовут Семеном!

«Почему же Владимир не встретил сам?.. - мучила себя одним и тем же вопросом Лидия. - Может, его отношение ко мне изменилось, ведь целый год прошел? Но письма, его письма...»

Со скрипом откинулся грузовой люк сбоку самолета, оттуда высунулся довольной жизнью и собой Семен, замахал рукой:

- Лида, что тут Ваше?

Отыскав сумку, он - округло-бесформенный в своих мехах и громадных собачьих унтах - довольно легко спрыгнул вниз и, бросив коротко «За мной, славяне!», резво устремился к видневшемуся неподалеку бело-красному вертолету. Едва поспевая за Семеном, Лидия подумала, что своим воистину южным темпераментом он совсем не вписывается в нарисованный ею первоначальный образ, и только экзотическим нарядом вполне соответствует «киношному бравому полярнику», переживающему перед съемочной камерой сезон лютых морозов. Последнее, правда, вызывало у нее черную зависть, потому как ее искусственную шубу и супермодные, по петербургским меркам, сапоги здешний мороз всерьез не воспринимал.

Помогая Лидии подняться по трапу в вертолет, Семен не уставал вдохновенно тараторить:

- Как поет Костя-остяк: самолета харашо, парахота нечево, а вертолета лучче всево... И это правда: у нас же, как в столичном такси - отправление немедля по посадке, маршрут - строго по прямой и точнехонько до получателя, к тому же с максимально возможным сервисом! На Севере первое пожелание пассажиру: «мягкой посадки и недолгой отсидки»!

Через несколько минут, закутанная с ног до головы в невероятных размеров собачью доху, Лидия уже провожала взглядом уходящее вниз поле аэродрома. Дальше - хаотично разбросанные прямо среди леса домики. «Надо же, - почему-то удивилась она, - и здесь кто-то живет, работает. Морозы, безлюдье - все им нипочем. Вот такая наша бескрайняя страна: на юге еще загорают, на западе льют дожди, а здесь - уже глубокая зима...»

Вертолет прошел над крутым береговым обрывом, над рядом стоящих под ним рыбацких сараюшек-балков, над торосистым, отнюдь не кажущимся с небольшой высоты гладким, льдом, потом над пологим противоположным берегом, густо поросшим кустарником. А дальше - только лесотундра, без конца и края...

Унылое однообразие ее Лидии тут же наскучило, и она стала думать о предстоящей встрече с Владимиром. Свидание это уже не представлялось таким счастливым, как прежде - внутри с каждой минутой разрасталась родившаяся на аэродроме обида. Не встретил, перепоручил какому-то суматошному краснокожему вертолетчику...

Неожиданно рядом появился Семен и, тыча пальцем вниз, закричал, перекрывая шум двигателя:

- Посмотри, лоси внизу! Ло-си!

Лидия прильнула к иллюминатору, но ничего не увидела, кроме все того же серого мелколесья с пятачками темно-зеленого, низкорослого пихтача.

- Сейчас Леха еще на один кру-уг зай-дет! – громко пообещал Семен.

Вертолет накренился, стал разворачиваться, одновременно снижаясь. И тогда она увидела трех лосей: массивного, несуразно мощного в холке горбоносого быка и двух поменьше, поизящнее - самок. Вертолет пронесся в сотне метров над головами животных, но, когда Лидия снова смогла увидеть их, - лоси стояли в тех же позах.

- Не боятся, черти! - восхищенно крикнул Семен. - Их тут, кроме нас никто не беспокоит - проклятое место. Так и пасутся возле метеостанции!

- Проклятое? - переспросила Лидия, подумав, что ослышалась.

- Охотники так говорят! - Семен наклонился к самому ее уху. - Костя-остяк хотел еще в самом начале, после открытия станции, в гости заехать, так у него «Буран» заглох. Километрах в пяти. Пошел дальше пешком - собака упирается, воет. А для него собака дороже жены - одну ни за что не оставит. Только «Буран» развернул - завелся, как часы. Он к метеостанции - глохнет. Шибко плохое, говорит, проклятое место...

- Второй Бермудский треугольник!? - Лидия рассмеялась.

- Бермудский не Бермудский, но что-то там определенно есть! Мы тоже будем в стороне садиться, хотя возле дома посадочная площадка расчищена. Пару раз пытались - на подлете двигатель начинает перебои давать. Того и гляди, гробанешься! Мы, вертолетчики, народ не менее суеверный, чем остяки!..

- А когда площадку делали - не знали про аномалию!? - ехидно спросила Лидия, уверенная, что Семен над ней подшучивает. – Техника не глохла?..

- Да кто ж мог знать - там прежде никто и не жил, - сказал Семен и, видимо устав кричать, махнул рукой и удалился в кабину.

Вертолет резко нырнул вниз. Лидия поискала глазами, но ни малейшего намека на метеостанцию не увидела - лишь большая заснеженная поляна внизу, окруженная кольцом густого пихтача.

Вынырнув из теплого тулупа, она перебралась к противоположным иллюминаторам - но рассмотреть толком метеостанцию уже не успела: и дом, и разноцветные будки-ульи скрылись за кромкой леса, лишь высокая мачта радиостанции видна была еще несколько секунд, пока пилот приноравливался для посадки.

Как только двигатель смолк, Семен вновь очутился рядом и сразу же задал вопрос, видимо с самого начала мучавший его:

- А что, Вы Владимиру Ивановичу, в самом деле, невеста?

- Пожалуй... - ответила Лидия не совсем уверенно.

- Сейчас он примчится - с метеостанции вертолет и слышали, и видели. А мы дальше полетим, потому, как Вы числитесь всего лишь в качестве дополнительного метеорологического оборудования для Владимира Ивановича. Ну а метеоролог он, я Вам скажу!.. Бог! Или шаман?! Буран лютует, а он по рации вызывает и говорит, что погоду гарантирует. И что бы Вы думали - тут же солнце по всему маршруту! За полгода ни одной осечки. А до него тут один работал... Что ни пообещает - все наоборот! Как в анекдоте: мол, ваши незначительные осадки сутки всей семьей выкачивали из подвала...

Лидия вполуха слушала местные байки и ощущала, как растет в ней и без того не оставлявшее весь долгий день волнение: будто все в их отношениях с Владимиром должно сегодня начаться сначала, а будущее, как и тогда, в их первую встречу - зыбко и неопределенно. Действительно, все будет зависеть от первого слова, от первого взгляда. Может быть, этим же вертолетом она улетит назад?.. Что-то уже сейчас начало ее разочаровывать. Ощущение неясной опасности, родившееся из прежних страхов, впервые коснулось сердца острыми коготками...

Поймав вопросительный взгляд Семена, она спросила первое, что пришло на ум:

- У Владимира Ивановича здесь, наверное, много друзей?

- Да я бы не сказал. Мужик он, действительно, мировой, но живут они с Максимом на станции, как отшельники. Гостей здесь практически не бывает, да им и взяться неоткуда, сами тоже - никуда. Ну, мы иногда прилетаем, да и то загащиваться некогда: наше дело - продукты, оборудование разгрузил и айда назад. Еще Костя-остяк иногда для обмена рыбу привозит... Ну, еще весной - все больше гусей, а осенью - оленину, глухарей доставит... Но, из-за суеверия своего, товарообмен прямо тут, на площадке производит, дальше ни-ни – проклятое, говорит, место!

Из-за пихтача вынырнул синий юркий снегоход и, вздымая позади себя шлейф снега, устремился к вертолету.

- Во, Владимир Иванович! - обрадовался Семен. - Я же говорил, что пулей примчится! Лично я бы ни в жисть Камчатку на эту лесотундру не променял. А Вы, я слыхал, вообще - из Санкт-Петербурга? Как декабристка...

Но Лидия уже его не слушала, скатываясь по ступенькам прямо в объятия Владимира. Он подхватил ее, закружил в восторженном танце. И Лидия, сразу забыв обо всех своих сомнениях, зажмурила глаза и летела, летела куда-то, счастливая и безвольная. Потом ощутила на своих губах его жаркое дыхание, а под ногами спасительную твердь земли - и бешено колотящееся сердце остановилось...

«Конечно же, я останусь здесь, я останусь с ним - наплевать на аспирантуру, наплевать даже на любимый Санкт-Петербург». Она прижалась щекой к его пахнущему морозом и бензиновой гарью полушубку и почувствовала, как слезы безграничной радости хлынули из глаз...

Обхватив Владимира сзади и прижавшись лицом к его спине, Лидия ничего не видела вокруг. Когда буквально влетела с мороза в спасительное тепло дома, то первое, что бросилось в глаза - это заставленный яствами стол.

- Однако вы живете... - невольно вырвалось у нее.

- Красиво жить не запретишь, - отозвался расположившийся на диване в вальяжной позе светловолосый парень. Отложив в сторону гитару, он с ленивой медлительностью распрямил свое почти двухметровое тело и представился: - Макс. Но не Маркс! И лучше бы без фамильярностей, а сразу на ты.

Потом было богатое сибирское застолье: шампанское, коньяк, закуски домашнего приготовления, всевозможная рыба - и непринужденная беседа вперемежку с песнями под гитару. Лидии нравилось все: и тающая во рту строганина из мороженой нельмы, которую она пробовала впервые, и нежная, отдающая дымком копченая осетрина, и заледенелая - прямо с мороза - клюква. И то нравилось, как Макс исполняет старинные романсы, и как смотрит на нее Владимир. Не столько от выпитого, сколько от переполняющей радости, кружилась голова, а сердце сладко замирало от одной только мысли, что этот вечер скоро закончится, и они с Владимиром, наконец, окажутся вдвоем...

Взявший на себя роль тамады, Макс неспешно произносил остроумные тосты и внимательно следил, чтобы все после этого выпили. Если не брал в руки гитару, тут же снова наполнял бокалы доверху - и начинал следующий тост-притчу:

- Я, как приехал на Север, в первый вечер гостевал у Кости-остяка. На столе было почти то же, что и сейчас, а в центре то-о-ненько нарезанная колбаса. Я, конечно, сразу же и от души на нельму да на осетрину налег. Когда стали прощаться, Костя - а он мужик бесхитростный - мне и говорит: «Ты, Максима, в гости часто ходи. Ты шибко хороший гость: колбасу не ел, водка совсем маленько пил...» Пол осетра, что я съел – для него не в счет! А то, что мне колбаса в городе осточертела, откуда ему знать… И что под такую закусь водку пить - только зря добро переводить…Вот я и предлагаю тост за то, чтобы пить нам в жизни только коньяк, а закусывать исключительно икрой, причем отнюдь не кабачковой! Кушай, Лидочка, строганину – и, уверяю, тебя никакой алкоголь не возьмет! Как говаривал один мой знакомый, «алкоголь малыми дозами безвреден в любом количестве»…

- Что-то сам ты не следуешь столь разумным рекомендациям, - заметила Лидия, видя, что Макс почти ничего не ест и хмелеет на глазах.

- Лично у меня другой принцип, - Макс как-то неожиданно пьяно расхохотался. - Зачем было впустую спиртное переводить, если с застолья трезвым уходишь?

- А вообще-то, чем вы здесь время занимаете, чтобы не заскучать? - поинтересовалась Лидия.

- Вообще-то, вроде как работаем... - ответил Макс, состроив простовато-недоуменную гримасу.

- Ну, а после работы?

- А после работы немного отдохнем - и поскорее снова за работу, - вставил Владимир, подмигнув Максу.

- Ладно, - она рассмеялась, - сформулируем вопрос конкретней: в чем заключается ваша работа после того, как текущая информация обработана и передана?

- У нас здесь давнишний уговор, - Макс погрозил пальцем, - когда вот так отдыхаем, то о работе ни слова.

- Уговор, так уговор, - легко согласилась Лидия. - Тогда подведем предварительные итоги: за встречу и за гостью - то бишь за меня - тосты были, посему предлагаю самый последний: «За хозяев!» И оставшиеся бутылки убираем подальше. Да, еще за этот гостеприимный дом, который вы, должно быть, сами строили?

- Нет, нет! - Макс хмельно отмахнулся. - Чего не дано, того не дано! Как говорится: «Богу - богово, кесарю - кесарево». А нам все готовенькое привезли: где-то собрали, потом аккуратненько разобрали и здесь заново возвели. Местные собирали, а так как место у них пользуется славой дурной, то, естественно, шибко торопились. Так что кое-что потом самим доделывать пришлось...

- А место это я выбрал, - дополнил Владимир. - Старая метеоплощадка крайне неудачно была расположена - в низине, а тут и пригорок, и озерцо по соседству... В общем: глянул вокруг - и понял, что хочу жить и работать именно здесь!

- Еще бы: на одном подножном корме можно жить: и клюква, и брусника, и грибов не меряно. А в озере рыбы - как в аквариуме! А охота!.. - Макс энергично разводил руками, показывая размеры рыбы и дичи. - Как говорит Костя-остяк, маленько фарт имеем.

- Этот Костя-остяк - прямо-таки легендарная личность! - заметила Лидия. - Все о нем только и говорят.

- Костя - это челове-е-ек. И собака у него - зве-ерь! Едут на «Буране»: впереди он, позади на сидении – собака, лапы на Костиных плечах лежат. Куда там цирку!.. - Макс взглянул на Лидию затуманившимися глазами и, вдруг, ни с того, ни с сего, грустно произнес: - Гляжу я на тебя, Лидочка, и чувствую, что мысли мои сейчас только о женитьбе. Из своего великого города с печально-областной судьбой привези ты мне

невесту. Непременно красивую, можно даже очень - потому как здесь все равно отбивать некому. И чтобы непременно умела рыбу и грибы солить, пироги печь, песни грустные петь... Но, главное, чтобы не умнее меня была, а то от комплекса неполноценности запью по-черному.

- Слишком много условий, - Лидия рассмеялась

- Тогда вези любую, какая согласится. И пусть будет чуть посимпатичнее мартышки. Еще Сократ говорил своим ученикам: «Женитесь, не задумываясь: достанется хорошая жена - превратитесь в счастливых семьянинов, попадется плохая - станете истинными философами».

- Не ты ли мне еще утром глаголел, будто так хорошо одному, что не стоит делать жизнь еще лучше? - Владимир похлопал Макса по плечу. - Ладно, на сегодня - хорош, а завтра... нет, послезавтра устроим семейный пикничок на берегу озера. А это, сударыня, - он взглянул на Лидию, - такое место, скажу я Вам!.. Обалдеете!

- Ладно, я удаляюсь почивать. Буду обнимать ту, что приснится, - забрав гитару, Макс направился в свою комнату, но в дверях остановился и на прощание дурашливо пропел:

Цели нет определенной,
Но пузырь тоски зеленой
Мы раздавим под огурчик,
Под соле-е-ный...

Все, наконец-то они с Владимиром остались вдвоем...

* * *

Довольно большое озеро правильной овальной формой и белыми заснеженными склонами напомнило Лидии фаянсовую селедочницу. Густое мелколесье окружало его со всех сторон, но на ровных и довольно пологих откосах - почему-то ни деревца, ни кустика.

- Это и есть мое девятое чудо света, - сказал Владимир, сделав несколько шагов вниз по склону.

Лидии подумалось, что «чудо света» чересчур уж напоминает искусственное водохранилище, и еще удивило, что половина озера оставалась не замерзшей - и это несмотря на державшийся последние дни тридцатиградусный мороз. Может, потому, что из-под снега, прямо меж корней деревьев сбегал вниз ручей? Откуда он, обманувший снег, мороз и саму зиму может брать свое начало?

- Да-а... Интересное место, - согласилась она. - Но, раз это девятое чудо, где же восьмое?

- Восьмое чудо света - это, конечно же, ты! Тебя я открыл раньше... Кстати, как и тебя, эту жемчужину природы я нашел в первый же день

после приезда: решил пройтись на лыжах - и заблудился, - Владимир вскинул руку в направлении Лидии и застыл в позе указующей скульптуры. - Необъяснимая сила, подобно путеводному компасу, каждый раз вела меня к заветной цели...

- А мне почему-то казалось, что это я тебя старательно манила, подобно коварной сирене. Признайся, что на компас ты и не взглянул?

Они рассмеялись и, взявшись за руки, сбежали вниз по едва заметной тропинке, ведущей вдоль ручья. Прозрачная, почти невидимая вода, неприметно струилась поверх мелкой бирюзовой гальки и лишь кое-где искрящимися на солнце водопадами перекатывалась через покрытые изумрудно-зеленым мхом камни. На присыпанном девственно-белым снегом склоне ручей этот выглядел как-то уж чересчур, по-бутафорски живописно.

- Слишком уж тут хорошо. И тепло, - сказала Лидия, отдышавшись. - Словно в ином мире...

- Ну и, слава Богу! - произнес Владимир и облегченно, как ей показалось, вздохнул. - Значит, ты из нашей компании. А то приезжим новичкам тут, почему-то, плохо становится.

- В каком смысле плохо?

- В прямом, - отозвался идущий позади Макс. - Тут ко мне сестра приезжала, так у нее, ни с того, ни с сего, страшно голова разболелась, а у главного метеоролога, что из управления с ревизией прилетал, вот на этом самом месте микроинфаркт случился.

- Может, радиация? Вон и ручей не замерзает... - Лидия от такого предположения даже остановилась.

- Мы тут каких только замеров не делали: и на радиацию, и на химанализ, и даже на гравитацию и электромагнитные поля. Ничегошеньки! Прямо загадка природы. А на отдельных индивидуумов, - Макс рассмеялся, - как раз наоборот - очень даже плодотворно действует: и в труде, и в любви!

- А вот и врата Рая! - напыщенно, будто со сцены театра, произнес Владимир и остановился, так что идущая следом Лидия чуть не уткнулась носом в его спину.

Каменная, чуть выше человеческого роста, отвесная стена блестела, словно полированная. Она как бы специально отгораживала небольшую треугольную площадку там, где ручей вливался в озеро. Всю площадку затянул зеленый и пружинящий, словно ворсистый палас, моховой покров. На плоском камне со словно бы специально сделанной посредине выемкой - кострище. Лидия тут же поймала себя

на мысли, что ей хочется упасть на эту манящую природную постель и лежать долго-долго, никуда не спеша, ни чем не думая...

- Как говорится, не верь глазам своим! - воскликнул вдруг Владимир удивленно. - Но мне всегда казалось, что здесь могут улечься только двое, а сейчас прикидываю, что и трое вполне комфортно разместятся...

- Привезете мне невесту, так и на четверых места хватит, - сказал Макс и расхохотался.

По этому беспричинному смеху и по слишком громкому голосу Лидия вдруг поняла, что Макс уже успел выпить. Похоже, это было его обычное состояние.

Владимир, влекомый рыбацким азартом, не теряя времени, уже раздвинул складное удилище и торопливо привязывал мушку-обманку. Макс же, вытряхнув из рюкзака ровно наколотые березовые полешки, стал охотничьим ножом от одного из них щепать лучину для разжигания костра. По его размашистым и не совсем уверенным движениям Лидия еще раз заключила, что Макс «на взводе», причем основательно.

«Словно алкаш - пьет с утра и в одиночку, - подумала она с раздражением. - Что же Владимир его не одернет?»

Неприятное открытие так поразило ее, что настроение сразу ухудшилось. Решив, что возле костра ей пока делать нечего, Лидия отправилась прогуляться вдоль странного озера. Перебираясь через мелкий ручей по мшистым камням, она наклонилась и зачерпнула рукой горсть голубоватых камешков. Поднесла к глазам - и удивилась их похожести, одинаковости. Более того, они словно бы изготовлены были по двум стандартам: голубые - по форме напоминали кристаллы с правильными гранями, белые же - в форме пуговицы или, скорее даже, монетки. Геометрически слишком правильные, слишком одинаковые... Что-то в этой схожести, в этой завершенности ей не нравилось.

Возле самого ручья, за границей мха, по-летнему зеленела полоска низкорослой травы, которая дальше, вдоль кромки озерной воды, топорщилась серым будыльем. Выше по склону из снежной крупы уже торчали лишь отдельные былинки, а еще дальше - не затронутое ни ветром, ни звериным следом снежное покрывало.

Чем дальше уходила она от ручья, тем глубже становился снег: вот он доходит до середины голенища, вот уже - до верха сапог. Но зато и кромка льда, сковавшего почему-то лишь половину озера, тоже все ближе. Там, за границей странно задержавшейся осени законно хозяйничает зима... А ведь действительно, возле ручья было совсем тепло, а здесь мороз уже легонько щиплет щеки, покусывает кончики

пальцев сквозь тонкие шерстяные перчатки - особенно ту, в которой зажаты камешки. Размахнувшись, Лидия швырнула их в воду - прямо туда, где закуржавела кромка льда. Проследила взглядом за цепочкой фонтанчиков-всплесков и повернула назад.

Пока аккуратно ступала в старые свои следы, какая-то неясная мысль не давала ей покоя. Лидия пыталась вспомнить - что же ее опять насторожило? Перед глазами возникла ледяная кромка, фонтанчики воды на месте падения камешков, круги на воде... Круги! Дальние не были кругами - они расходились только в одну сторону, а полоска воды вдоль льда так и оставалась неподвижной. Но ведь так в природе не бывает!..

Когда схлынуло секундное замешательство, Лидия со страхом огляделось, боясь увидеть еще что-нибудь непонятное, ранее незамеченное. Нет, все по-старому, и времени прошло совсем немного: Макс все так же сидит на корточках возле воды и чистит картошку для ухи, Владимир вываживает согнувшейся в дугу удочкой бешено рвущуюся рыбу. Ничего не изменилось, во всяком случае, внешне... Кроме ее самой.

Никто не обращал на Лидию внимания, и она, набрав побольше странных камешков, снова пошла туда. На сей раз стала бросать по одному - все дальше и дальше. Слабо булькнув, они вздымали фонтанчик брызг - разбегались концентрические круги, которые, удаляясь от центра, постепенно теряли свою выпуклость и правильную форму. Но, когда всплески стали приближаться к ледяной кромке, геометрия кругов начала изменяться: волна как бы натыкалась на невидимую преграду и, даже не отразившись, пропадала.

Когда очередной фонтанчик поднялся в паре метров ото льда, то на воде родилось полукружье, расходящееся лишь в направлении берега. Замирая от предчувствия чего-то ужасного, она, тем не менее, продолжала свой эксперимент.

Очередной камешек упал, должно быть, на лед? Лидия поискала его глазами - не нашла и швырнула следующий, который тоже исчез. То же случилось и с третьим, и с четвертым. Пятый, брошенный немного ближе, нарисовал все ту же половинку круга.

Отказываясь верить, она бросала еще и еще... Какая-то невидимая и необъяснимая граница делила озеро на две части. Убеждая себя, Лидия твердила, что этого не может быть - потому что этого не может быть никогда! Если только... Вот именно: если только там не проходила граница какого-то иного измерения? Существуют же и неопознанные летающие объекты, и неземные гуманоиды из летающих тарелок...

Это могло хотя бы чуть-чуть объяснить случившееся - но ведь там, снаружи, земное небо, знакомые деревья в снегу, там сибирская зима, в конце концов... А это значит, что именно они трое находятся сейчас в нереальном чужом измерении!

Назад к костру Лидия почти бежала: скорее, скорее - к людям... То, что она увидела, не может являться произведением природы - это явно нездешнее, неземное: и противоестественная красивость, и то, что озеро не замерзает в морозы, и камешки, будто сошедшие с конвейера...

Ее опять поразило, что возле костра ничего не изменилось: кипела вода в котелке, дым поднимался вертикально вверх, дремал, привалившись спиной к скале, Макс, а Владимир вытаскивал на берег очередную добычу - на лице восторг, охотничий азарт...

Ей же абсолютно все теперь виделось чуждым, ненастоящим. И даже, когда торопливо перебиралась по камням через ручей, показалось на миг, что струи свиваются в правильный геометрический орнамент. Кинулась к Владимиру, еще не зная, что скажет, и осеклась, увидев, как удивленно вытягивается его лицо.

- Лида, что-то случилось? С тобой?..

- Нет, со всеми нами! - почти закричала она. - Надо скорее отсюда уходить!

- Да что произошло?! - в глазах Владимира испуг.

- Я не знаю! Но это место страшное - оно в каком-то ином измерении...

- Ну, начинается, - Владимир облегченно улыбнулся. - И ты туда же! Отвыкла за год от настоящей природы. Да мы здесь с Максом через день бываем - и все нормально, и ничего с нами не делается. А расслабляемся так, как ни на каком курорте не отдохнешь...

Его слова словно открыли Лидии глаза.

- Конечно, ведь это место специально создано для отдыха, и все здесь именно для этого приспособлено. Ты же сам говорил, что места едва хватало для двоих, а теперь - уже и для троих. Не могла же площадка расшириться сама?!

- Ладно, иди к костру, - Владимир успокаивающе погладил ее по плечу. - Я еще парочку муксунов поймаю и потом все твои доводы развею в пух и прах. А то от Ваших испуганных глаз, сударыня, меня даже в жар бросило!

Он скинул куртку и остался в одной рубашке, а Лидия не то, чтобы совсем поверила, но к костру все-таки пошла - ровный голос Владимира внушил некоторое успокоение.

Макс дремал. Лидия еще раз внимательно осмотрела площадку. Место посидеть, место для костра, место, где удобно зачерпнуть из озера воду... Подняла мох - скала под ним оказалась не блестящей, а шероховатой, серостью своей напоминающей бетон. Что же, это все - искусственное?.. И почему тогда Владимир с Максом не замечают? Может, находятся под гипнозом? А она? Не потому ли с самого начала она насторожилась, что, в силу своего характера, не любит завершенности, не любит сухого рационализма?.. Конечно же, она просто-напросто взглянула на это озеро под иным, чем у них, углом зрения!

Она нашла глазами на берегу Владимира - и даже вздрогнула: в лучах низкого солнца всю его фигуру облегал голубой полупрозрачный скафандр. Именно скафандр - угадывалась даже застежка-молния на спине. «А может, и не голубой вовсе, - мысленно поправила себя она, - просто оттеняет его голубая рубашка?»

Лидия отвела взгляд, опустила его - и встретилась с почти трезвыми, внимательными глазами Макса.

- Все увидела? - спросил он тихо. - По лицу вижу, что увидела. Я тоже какое-то время сомневался, но две замеченные случайности - это уже явление, а потом все больше и больше - как лавина...

- А ты давно узнал... об этом? - спросила в свою очередь Лидия.

- В общем-то, не очень. С месяц... или два.

- И что все это означает?

- Подозреваю, что райский уголок, созданный кем-то для двоих мыслящих. Не оставляя одинокими, охраняют наше одиночество...

- Но кто его сделал? Зачем? - Лидия вдруг почувствовала, что, вместе с приходящей ясностью, внутри растет возмущение и злость.

- Ну, этот вопрос и для меня остается открытым. Если придерживаться основополагающей концепции любезного Владимира Ивановича, к которой, кстати, я тоже все больше склоняюсь, то наша Земля в космическом мире является мыслящим образованием...

- Это уже было у Герберта Уэллса! - Лидия разозлилась, подумав, что Макс, как обычно, начинает ее разыгрывать. - Называется, по-моему, «И вздрогнет Земля...»

- Я не говорю живая, я говорю - мыслящая, - продолжил Макс, не обращая внимания на ее реакцию. - Никого же не удивляет, что металлы запоминают приданную форму, а кристаллы хранят информацию с древнейших времен?.. А знаешь, чем мыслящее неживое отличается от живого?

- По-моему, жуткой фантазией - как у тебя!

Лидия уже полностью пришла в себя и слушала этот, как ей казалось, пьяный треп с раздражением.

- Именно. Фантазия - это присуще только хомосапиенсу. Неживое не может, например, любить...

- Я думала, ты говоришь серьезно! - опять вышла из себя Лидия, - А ты юродствуешь, как всегда...

- Извини - увлекся, - Макс даже не обиделся. - Говорю серьезно: живое совершенствуется в миллионы раз быстрее. И вот представь, что у мыслящей планеты не остается времени на совершенствование - допустим, близится катастрофа, или еще какая заморочка... Что ей остается?

- И что же ей остается? - переспросила Лидия, все еще сомневаясь, всерьез говорит Макс или разыгрывает. - Срочно стать живой?

- Тепло. Вот только превращение из неорганической материи в органическую происходит за миллионы лет. Допустим, такой срок не отпущен - и тогда проще создать еди-и-ный организм. Именно так - не по велению Божьему, а по насущной необходимости появилась на Земле органическая жизнь...

- Ну, положим, есть и другие мнения, - Лидия, видя, что ничего необычного больше не происходит, и Владимир с Максом не ощущают ни малейшего дискомфорта, немного расслабилась. - Но, во-первых, ты уклоняешься от темы, а, во-вторых, не дождавшись толкового разъяснения, я бы хотела слышать, по крайней мере, доказательства к вашим теориям.

- А Владимир Иванович буквально в каждой своей работе приводит доказательства! Почитай... И вся природа нужна была только для того, чтобы создать условия для существования человека. Потому как только «человек мыслящий», заботясь о сохранении своей, прошу прощения, задницы обязан спасти ту планету, на которой живет. Логично?..

- Логично-то логично, но на великое открытие, по-моему, не тянет.

- Ну, это теоретические предпосылки, а суть в практическом подходе: как у любого мыслящего существа или образования - это уж как тебе больше нравится - у планеты должны быть организующие центры. Логично? Обеспечения или того же управления – неважно, как назвать... Магнитное поле, биосфера, погода... И если меня с моим развитым мыслительным аппаратом поместить в такую точку, я как бы начинаю воздействовать на волю планеты... Это вроде замены допотопного арифмометра компьютером последнего поколения.

- Говоришь долго и красиво, но непонятно о чем. Какие тут могут существовать доказательства?

- В том-то и дело, что существуют. Возьмем нашу метеостанцию, которая находится как раз в одной из таких - причем многочисленных - точек: у нас с Владимиром хорошее настроение - погода классная, настроение портится - бац, погода тоже!..

- А если наоборот - ваше настроение зависит от капризов погоды?..

- Тут все перере... перепроверено, - Макс зевнул. - Допустим, начинается пурга - а мы специально вызываем вертолет. В ожидании его настроение поднимается - и, пожалуйста, через полчаса ясная погода. Именно от метеостанции до Туруханска. И ни одной осечки!

- Не очень-то убедительно...

- Ну, один глупец может задать такой вопрос, на который десять мудрецов не ответят... - сказал Макс раздраженно. Похоже, ему эта беседа уже наскучила.

Случайно бросив взгляд на берег, Лидия увидела, что Владимир собирает удилище и поспешно спросила:

- А он?.. Он тоже знает, что все здесь ненастоящее?

- Владимир - гений, посему, как все великие, не от мира сего. Я пытался пару раз поговорить - но он лишь посмеивается да крутит пальцем возле виска: мол, полный чайник молчит, наполовину пустой - шумит... Слушай, а может, у тебя получится?.. Я-то понял, что нам по своей воле отсюда не вырваться никогда, потому и пью... А ты, девочка, если сможешь - беги и не оглядывайся! Блажен, кто знает сладострастье высоких мыслей и стихов...

Макс устало закрыл разом помутневшие глаза и бессильно откинулся спиной на скалу. И Лидия вдруг тоже почувствовала, что теряет силы, теряет сознание...

…Рядом полные ужаса глаза Владимира, его срывающийся голос:

- Что случилось? Тебе плохо?

- Мне плохо... Потому, что ты ничего... вокруг не видишь. И не веришь мне... Все кругом искусственное, а тобой просто управляют, как марионеткой...

- Выбрось эту чушь из головы, - снова начал уговаривать Владимир. - Я понимаю, у каждого свой пунктик, но у тебя, по-моему, перебор... Ну, пусть моя жизнь предопределена, как и твоя, между прочим, пусть даже кто-то ведет меня. Тогда он очень хорошо знает мои потребности и свое дело. Ведь мы с тобой тоже встретились не случайно!..

- На тебя даже скафандр надели...

- Где ты его увидела?

- Там, на берегу.

- Ну и пусть! Но это вовсе не скафандр - это моя аура. Ты ведь читала, что такое аура? Она и у тебя есть. Если мы их потеряем, то погибнем, потому что перестанем быть составляющей нашего замечательного мира. И ты красива, потому что совершенна, и это озеро... Сейчас мы пойдем на метеостанцию, и ты отдохнешь, успокоишься.

- Совершенство не в максимальной приспособленности природы к человеку. Сними свой скафандр и пошли наверх - там настоящая красота, а здесь эрзац!

- Если ты этого хочешь, пожалуйста... Только успокойся.

Невесомый голубой комбинезон удивительно легко сполз, и Лидия с сожалением подумала, что Владимир слишком легко одет для прогулки: джинсы и голубая рубашка в мелкую клетку - куртка осталась там, на берегу. Но в ней жила уверенность, что именно сейчас ей отступать нельзя. С радостным чувством свободы, она беспрепятственно поднималась вверх по склону. Было удивительно тихо, мягкий и чистый снег искрился в греющих почти по-весеннему лучах солнца, стайка ярко окрашенных птиц вспорхнула из-под самых ног...

Словно страшась своей свободы, Владимир вдруг замер, оглянулся назад, но Лидия, взяв его под руку, повлекла дальше. От полузабытого ощущения независимости хотелось петь, танцевать, дурачиться. Она случайно взглянула под ноги и увидела, что позади остаются ярко-красные следы. Ягоды... Брусника! Под снегом спелая брусника! Они с Владимиром стали рвать твердые бордовые горошины, горстями заталкивали их в рот, хохотали, глядя друг на друга.

До чего вкусны, до чего ароматны переспелые ягоды, вот только зеленые и глянцевые твердые листочки, словно маленькие ножички, царапают, режут кожу пальцев. И почему-то пятна от раздавленных ягод так сильно напоминают кровь! А лицо у Владимира все сильнее белеет, и снег на волосах больше не тает - смерзается коркой...

И тогда Лидия до жути пугается, что он сейчас замерзнет в своей слишком легкой одежде. Ей так не хочется возвращаться, но Владимиру все хуже - лицо приобрело уже страшный синюшный оттенок. И, обреченно, она поворачивает назад - из царства зимы и снега в комфортный, благоустроенный мир. Скорее, скорее - они уже не просто спускаются по склону, а катятся по снегу вниз. Там Владимиру ничего не угрожает, там он снова станет здоровым и жизнерадостным! Но почему же тогда колючий комок растет в горле, а слезы набухают в глазах? Это потому, что она сдалась, она подчинилась...

И снова наполненные страхом глаза Владимира.

- Тебе лучше? Как же ты меня напугала...

- Ты выздоровел? Я вижу - ты выздоровел...

- Да уж я-то забыл, когда и болел в последний раз! А вот у тебя, сударыня, температура. Мы с Максом по очереди несли. Бегом... Слава Богу, что все обошлось!

- Но мы ведь рвали бруснику из-под снега?

- Далась тебе эта брусника! Ты и в бреду все время про нее.

- Покажи руки.

Владимир недоуменно пожал плечами и показал ладони.

- А откуда... эти порезы?

- Наверное, когда рыбу чистил?..

- А это пятнышко на манжете?

- Похоже на какой-то сок...

- Ты ничего не помнишь... Ни-че-го...

* * *

Лидия находила глазами разбросанные в самых неожиданных местах свои вещи и складывала их в сумку. Владимир, стоя возле окна, неотрывно следил за ней, и в преданном этом взгляде недоумение было смешано с надеждой.

- Объясни же мне, наконец, что произошло? Чем я тебя так обидел?

- Вы оба хороши. Макс такой еще молодой, но эта его бесконечная пьянка при твоем попустительстве...

- Ну, во-первых, ему уже сорок, как и мне. Все как-то не решался тебе сказать о возрасте ... Тебя это сильно пугает?

- Теперь уже меньше всего. Да я это, к тому же, давно подсознательно чувствовала. Здесь происходят вещи пострашнее...

- Это всего лишь твои домыслы. А Макс в состоянии, так сказать, легкого подпития путешествует сознанием в иных цивилизациях. Тебя же не пугает медитация, хотя в ней тоже много необъяснимого?

- Это что же, он таким образом развлекается?

- А если скажем так: работает. Ведь там другие разумные существа, другие отношения. А потом он эти чужие знания систематизирует и записывает. Куда там современным фантастам! За одну лишь Максову запись любой из них отдал бы все!

- А ты? Ты тоже путешествуешь?

- Но я не встречаюсь с другими сапиенсами. Я перемещаюсь только во сне и вижу почему-то лишь пространственные неорганические

формы: внутримолекулярные или глобальные космические. Зачастую непонятные. И каждое мое путешествие - всего лишь попытка разгадки чего-то. Иногда удается - иногда нет. Тот невидимый разум, который отвечает на мои вопросы, просто не в силах мне все объяснить, как невозможно растолковать питекантропу устройство телевизора...

- Макс говорил только о воздействии на погоду.

- Он не хотел тебя пугать. Метеорология - это как бы побочный эффект. Правда, не знаю - лишь в этой точке Земли или и в других тоже.

- Допустим, все так, хотя не очень-то верится. Но где же тогда ваши с Максом глобальные открытия?

- Ну, положим, открытий предостаточно, но они пока не очень значимы, потому что именно сейчас происходит переход количества в качество. И зреет, поверь мне, нечто глобальное!

- Допустим. Хотя и в это я не очень верю. Похоже, тебя манят чем-то неведомым, а, на самом деле, просто-напросто держат под колпаком, чтобы не просочилась малозначащая, по твоим словам, информация. Примером тому моя безуспешная попытка увести тебя отсюда. Я говорю о бруснике...

- Опять ты о ней... - Владимир хотел еще что-то добавить, но, спохватившись, прикусил язык. - Это был просто сон.

- Какой там сон, - возразила Лидия, - если и у тебя и у меня листьями пальцы изрезаны.

- Здесь бывают странные сны. Макса во сне на другой планете цапнула какая-то тварь - так утром шрам на полруки. А к вечеру только рубец остался...

- Это парапсихология, я про такое читала. Когда Горький писал сцену убийства в «Деле Артамоновых», то у него тоже появился шрам, он еще жаловался жене: «Ты не представляешь, как это больно - ножом в печень!»

- Послушай, тебя невозможно ни в чем убедить, - удивился Владимир. - К каждой моей фразе ты относишься с предубеждением. Ты что, нарочно противоречишь или уже ненавидишь меня?

- Не говори ерунды. Просто до последнего времени мне казалось, что ты сильный, что ты все можешь... - Лидия говорила, а сама боялась заплакать.

- И чем же я Вас, сударыня, разочаровал?

- Я думала, что это и так понятно. Высокие фразы, как ты любишь повторять, не для женского ума, но я скажу - жить надо через «не могу».

Больно, страшно, один закроет глаза и плывет по течению - все равно куда-нибудь принесет, а другой напряжется так, что кровь из-под ногтей брызнет - и против течения, против судьбы.

- Красиво, но это что же: рекорд во имя спортивного интереса? И какое отношение сказанное имеет ко мне?

- Может, и рекорд! Потому что слабые ни за что не выплывут, им главное - чтобы их не трогали, а кто сумеет, только тот и вправе говорить: «Я - ученый! Я - мужчина!»

- Да все это слова: и о праве, и о мужском достоинстве. Даже не ты их придумала - а только повторяешь. Как раз слабаки-то и лезут в горы, накачивают мускулы на тренажерах, потому что у них больше нет ничего за душой - это для них единственный способ самоутвердиться. А я тем временем спокойно делаю свое дело, которое им, как ни накачиваются, все равно не по силам. Нет у меня времени на авантюры! Понимаешь, нет?!..

- Я не о том! Я, наверное, неправильно объяснила... Просто в науке нужна не только железная воля, но нужно еще и рисковать, когда выбираешь самое главное, первостепенное. А ты просто-напросто состаришься здесь - и ничего после себя не оставишь. Ничего из своих хваленых разработок, потому что они - всего лишь наброски и предположения. Ведь ты даже не ищешь доказательств! Скажешь, что гению достаточно прозрения?! А если все это - лишь бред сумасшедшего?

- Честное скорпионское, при случае схожу к психиатру, но ведь и ты не в себе, потому как явно хочешь меня разозлить? - краска прилила к лицу Владимира, но он еще пытался отшутиться.

- Да, хочу! И еще хочу услышать хотя бы одно доказательство твоих «великих идей и открытий»!

- Ну, это - проще простого. С утра была прекрасная погода, а как только мы с тобой начали конфликтовать - она испортилась. Пока еще в одном лишь нашем регионе, но, когда Вы, сударыня, окончательно загубите мне настроение, фронт непогоды будет расширяться до масштаба всей планеты...

- Мне Макс уже об этом говорил. Не верю!

- Пожалуйста, другой пример. Тут, в центральной Сибири - в районе Минусинской котловины располагается природный энергетический центр. Я его сначала вычислил, а потом стал собирать всевозможные печатные данные. И оказалось, что Рерих по соседству - в горах Алтая - искал легендарную буддийскую Шамбалу, где белые воины-полубоги

заботятся о спасении человечества. Это еще что: в четвертом веке до нашей эры китайский философ Лао-цзы предсказывал, что в этом месте произойдет окончательная битва Добра и Зла, а у древних индусов Катунь считалась священной рекой. Представь: где Китай, где Индия - и где Сибирь, где Катунь? А немецкий философ Шпенглер уже в начале нашего века писал, что из центра Сибири выйдет новая совершенная человеческая раса. У древних...

- Любой факт, даже опровергающий теорию, можно, при желании, вписать в свою концепцию, - перебила Лидия.

- Да у меня по этому поводу есть письмо археологов. Они нашли там, возле поселка Майна, глиняную статуэтку возрастом шестнадцать тысяч лет. Назвали Майнской Венерой, потому что она - первое известное произведение искусства... О чем этот факт говорит? Да о том, что человек творческий возник именно там, в Сибири - Владимир говорил взволнованно, жестикулировал. - Вот, у меня карта Земли, - он достал из стола зеленую картонную папку, - на которую я нанес все главные центры, в том числе и Майну. Раз Макс делился с тобой, то он, наверняка, говорил и о них...

- А ты сам-то уверен, что это не бред? Макс общается с иными цивилизациями, ты говоришь о человеке созданном... И тут же тащишь теорию эволюции Дарвина. Твоему питекантропу с художественными наклонностями шестнадцать тысяч лет? Тоже мне, величайшее открытие!

- Да заставь маленькую группу цивилизованных людей жить в необитаемых джунглях - они в пятом поколении растеряют все знания, а в десятом одичают. Останутся лишь легенды о предках-богах...

- На Камчатке ты занимался делом, а здесь... разумными планетами. Прогресс?.. Сомневаюсь.

- Не знаю, разумное ли образование Земля, но она управляется какими-то силами извне, а вычисленные мной точки - просто уязвимые места... - дождавшись, когда Лидия успокоится, продолжил Владимир.

- И никто до тебя об этом, конечно же, не догадался?

- Да наличие любой из них легко проверить. Главное - это знать, что искать! Их до сих пор не обнаружили просто потому, что не подозревали о существовании.

- Хорошо! И ты готов это опубликовать? Или снова скажешь, что пока всего лишь черновик?

- Да хоть сейчас! И десять, и двадцать публикаций! Вот, хотя бы сама возьми, почитай мою теорию монокристаллической структуры

силового поля Земли… Все эти центры в точках схождения граней кристалла... Смотри, я кладу папку в твою сумку!

- Ты должен знать, что такое «эскапизм»?

- Бегство от действительности. Но ко мне это тоже не относится - я не являюсь убежденным отшельником.

- И ты можешь меня сейчас заверить, что готов полететь в Питер? Полететь вместе со мной и выступить у нас в институте, в Академии?

- Запросто! Хотя бы для того, чтобы доказать, что никто меня здесь не удерживает насильно. А если отчасти и держит - то это лишь комфорт, ведь здесь прекрасные условия для работы и для жизни. Ни в каком другом месте я бы не успел столько сделать. Да тебе же и самой поначалу здесь так понравилось!?..

- Вначале понравилось. А теперь ощущение, будто я в больничной палате: тепло, стерильно, прекрасное питание, выверенный распорядок... В общем, здоровье поддерживают на уровне, настроение тоже, развлечений отмерено, сколько надо...

- Согласись, что большинство людей просто мечтают о такой жизни: чтобы отдохнуть от неурядиц, от сумасшедшего ритма, чтобы делать то, что хочется?..

- Но я-то уже отдохнула! И теперь для меня между твоей больницей и тюрьмой нет особой разницы. Можно, наверное, привыкнуть - ты же привык, а я не хочу!

- Ладно, не будем спорить на эту тему. Вспомни, хотя бы, что ты просто в отпуске - и для нас двоих здесь маленький уютный рай. Ну, и почему ты не хочешь им воспользоваться?

«Действительно, почему? - подумала Лидия. - Неужели я боюсь, что уже не смогу отсюда вырваться? Макс смирился, Владимир пока витает в облаках, и сколько это у него еще будет длиться - неизвестно... Если я отсюда уеду, то вытащу и его, чего бы мне это ни стоило!»

- Давай, уедем! - сказала она умоляюще. - В Петербург, на Камчатку, к черту на кулички - куда угодно. Я брошу аспирантуру, буду заниматься домом, буду варить тебе обеды... А здесь нам нельзя оставаться - я это чувствую!

- Давай, уедем, только немного попозже, - вдруг покорно согласился Владимир. - Я ведь тоже не могу без тебя, просто не сумею больше жить один. Всю эту неделю во мне крепнет чувство, что ты - какая-то жизненно важная часть меня, как воздух, как природа...

- Как деталь окружающего тебя комфорта, - добавила Лидия с горечью.

Она снова поймала себя на мысли, что хочет разозлить Владимира, пробить брешь в этом его защитном скафандре, который сейчас, правда, невидим, но который, наверняка, присутствует. Нужно поколебать его уверенность, нужно сделать больно хотя бы словом, поступком... Она уже не верит в его желание уехать, начинает сомневаться в собственных силах...

Но, заметив, как Владимира передернуло от ее слов, и сразу забыв обо всем, Лидия обхватила ладонями его растерянное лицо и стала целовать в губы, в щеки, в висок, чувствуя, как растет внутри безграничная бабья жалость, как катятся из глаз слезы бессилия...

- Глупенький ты мой, я же тебя так люблю... Только, все равно, здесь не останусь. И тебя им не оставлю... Я тебя буду ждать. Если понадобится, буду ждать долго, очень долго, только ты приезжай...

* * *

Телефон умолк, но через минуту снова принялся трезвонить. Ректор Санкт-Петербургского гидрометеорологического института, оторвавшись от бумаг, поднял трубку.

- Здравствуйте. С Вами говорит мама аспирантки Лиды Панкратовой... Лидочка очень расстроена, поэтому звоню я. Дело в том, что врачи рекомендуют ей взять академический отпуск, хотя бы на год...

- А что случилось? Что-то серьезное?

- У нее амнезия - частичная потеря памяти. Это случилось в самолете, когда Лида возвращалась из отпуска. А в остальном Лида абсолютно здорова.

- Да, да, я помню эту аспирантку. Что ж, будем надеяться, что через год она сможет продолжить учебу? Будем рады ее снова видеть.

- Врачи обнадеживают, что через год все должно быть нормально. Она и забыла-то лишь события последнего года, начиная где-то с преддипломной практики на Камчатке...

- Хорошо, пусть подает заявление на мое имя.

- До свидания. Большое Вам спасибо, а то Лидочка так расстроена. Учеба для нее - все! Тут, было, замуж собралась - а теперь даже не вспоминает. Я, чтобы не расстраивать, ни о чем и не напоминаю...

Ректор положил трубку и посмотрел в окно. Долговременный прогноз предсказывал весь конец месяца солнечным и ясным, но уже который день небо было непроницаемо-хмурым. Мелкий сеющий дождь с утра сменился мокрым снегом. Люди ежились под зонтами, медленно ползущие машины разбрызгивали серый снежный кисель. От одного взгляда на эту картину на душе стало зябко и неуютно - будто и слякоть эта никогда не закончится, и в будущем ждут только тоска и безысходность...

ДВЕНАДЦАТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Когда-то люди знали большее количество библейских заповедей - так, одиннадцатая предостерегала «Не бойся!» - но потом о некоторых забыли, и осталось только десять.

ЗАВЯЗЬ ПЕРВАЯ: ДВОЕ

Едва Нина переступила порог - Андрей сразу понял, что она не в себе, ибо давно научился очень точно определять ее настроение. Так же, как и предугадывать ее желания, интерес к чему-либо - в этом, наверное, и был залог их несколько странной дружбы. День за днем Андрей отмечал и анализировал сантиметры, даже миллиметры их сближения, а тут возникло чувство, что она появилась бесконечно далекой, и все нужно начинать сначала, с нуля.

Нина молча прошла на кухню, потом так же молча сидела и пила предложенное вино и, не то чтобы не слышала его, а вообще не слушала - думала о чем-то своем, явно неприятном. Потом неожиданно встрепенулась и, кинув взгляд на пишущую машинку с заправленной в нее бумагой, спросила:

- Написал что-то новое?

- Да... - Андрей замялся. - Пока только вступление к небольшому рассказу. Что-то вроде притчи.

- Прочитай!

Он вытащил из машинки листок и начал читать:

- И когда, расставшись с телом, вознеслась душа человеческая на небеса и предстала перед Господом, спросил он ее: «Я создавал человека по образу своему и подобию, почему же он забыл обо мне и стал насмехался над своим создателем и над самой верой в меня?» И ответила душа смиренно: «Он возомнил себя равным тебе и, раз ты Господь на небесах, он стал считать себя таковым на земле». И приказал Господь: «Пусть следующую жизнь Человек проживет в вере!» И когда снова душа человеческая предстала перед ним, возмутился Господь:

«Страшна вера бездумная. Он стал крестоносцем и именем моим пролил реки крови людской, и младенцев невинных бросал в огонь. Разве этого я хотел?» И ответила душа смиренно: «Он смирился и стал слугой твоим, и рабом твоим». И снова приказал Господь: «Пусть в следующей жизни печется человек о братьях своих, ибо все они плоть от плоти моей!»

Он покосился на Нину - слушает ли - и увидел, что она вот-вот расплачется. Не от читаемого им текста, конечно...

- Но, когда вновь предстала пред ним душа, молвил Господь опечаленно: «Разве милостыней, опущенной на паперти в руку нищего можно обмануть меня? Разве не своим стяжательством сделал он обездоленными всех этих калек и сирот?» И ответила душа смиренно: «Истинно благими были поначалу помыслы его, но величайший мираж Любви - любовь к богатству повела человека по жизни». И тогда приказал Господь: «Пусть в следующей жизни эта великая сила обращена будет к ближнему!» Но снова смущенно предстала душа человеческая перед Господом, и спросил он ее: «Неужто и на сей раз желание мое не было предельно ясным? Неужто любовь к женщине может затмить все остальные ценности? Разврат увел детей моих из храмов Господних, и вместо молитв я вижу оргии. Разве о такой любви я говорил?» И ответила душа смиренно: «Созданный тобой мир так сложен, и любовь в нем так многогранна... Истинную Любовь можно познать лишь пройдя путь ошибок...»

- А ты смог бы женщину делить с кем-то в постели? - неожиданно спросила Нина.

Андрей, честно говоря, вопроса не понял: то ли это был какой-то проверочный тест, то ли невероятное предложение группового секса?

- Любимую женщину никогда и ни с кем, - ответил он не раздумывая.

- Вот за это я тебя и ценю, - задумчиво произнесла Нина, и снова слезы навернулись на ее глазах.

- Что-то случилось? В семье? - наконец решился спросить он.

- Случилось то, что должно было случиться, - ответила Нина и, подняв на него глаза, вдруг медленно, как бы с трудом проговорила: - А ты возьмешь меня в любовницы?

- Я?.. - Андрей даже поперхнулся оттого, что вдруг сдавило горло и перехватило дыхание. - Я предлагал тебе стать моей женой. Правда, ты всерьез мое предложение не воспринимала... И сейчас снова предлагаю.

- Возьми пока просто в любовницы, - тихо произнесла Нина, - а там видно будет...

Она неотрывно смотрела сквозь слезы то ли на него, то ли просто на стену за его спиной, и вряд ли что-нибудь видела перед собой. Андрей не знал, как ответить, ибо с первой же фразы осознал, что не хочет никаких объяснений, ведь у него, наконец-то, появился единственный, долгожданный шанс. А там - будь что будет.

- Это мой самый счастливый день... - прошептал он, целуя ее губы, шею, волосы.

- Или самый несчастливый...

Он так и не понял, Нина это сказала, или промелькнула в сознании мысль - тут же отмахнулся от неуместной фразы.

* * *

Вот уже который день Андрей был безгранично, просто бессовестно счастлив. На улице сочувствовал прохожим с хмурыми лицами, на работе - сослуживцам с их кажущимися теперь такими мелкими потребностями и проблемами. Он был несоизмеримо богаче всех своих друзей вместе взятых... Едва проснувшись, начинал жить ожиданием предстоящей встречи с Ниной. И чем меньше оставалось до свидания времени, тем безрассуднее становился: раз за разом просчитывал варианты собственных действий, стараясь предусмотреть любые причины, могущие помешать встрече. Все, что с утра еще казалось важным и значительным, к концу рабочего дня виделось мелким и не заслуживающим внимания. Главное - это пораньше приехать с работы, а потом - дождаться ее прихода. Самым трудным промежутком времени был именно этот, последний: если Нина задерживалась - у него начинало непривычно болеть сердце. Казалось, что в их отношениях все опять переменилось, что она никогда больше не придет. Если опоздание было продолжительным - он уже не мог думать ни о чем другом, только неотрывно смотрел в окно, на видимый коротенький отрезок улицы. И когда, наконец, замечал ее фигуру - сердце останавливалось...

Сердце и потом не раз останавливалось, когда он ласкал желанные губы, плечи, грудь... Часы пролетали как одно мгновение, и Андрей потом даже не мог вспомнить, что делал, о чем говорил. И после ухода Нины, пока он не забывался в радостном сне, душа продолжала безнадежно тонуть в половодье чувств...

Сделав предложение, он с тех пор больше не заводил об этом разговора, оставляя последнее слово за Ниной. Напряженно ждал ее решения, в свою очередь ощущая, что Нина изучает его: она то исступленно отдавалась, то пыталась разозлить, достаточно резко провоцируя на ссору - будто определяла диапазон их будущих семейных взаимоотношений.

Как-то раз, будучи не в настроении, спросила довольно резко:

- И долго тебя может устраивать такое положение вещей? Нет ощущения, будто ждешь подачки?

- Просто я тебя очень люблю, - признался он и, смутившись глупого, как ему подумалось, ответа, попытался отшутиться: - Несмотря на то, что через твою милую мордашку иногда проглядывает чудовище и говорит: «Бу-у...»

Исправляя положение, сам задал вопрос:

- Ты и дома ведешь себя так же?

- Моя главная задача дома, это уползание из проблемной зоны - утром просыпаюсь чаще всего на диване. Это все, что тебе достаточно знать...

При этом она так резко и небрежно стряхнула с одеяла ласкающуюся кошку, что у Андрея на миг возникло ощущение: это Нина отмахнулась от него. Пытаясь сгладить бестактность, опять пошутил:

- Непонятно, почему большинство женщин любят кошек, ведь они - существа независимые: не идут, когда их зовут, любят шляться по ночам, а потом приходят только затем, чтобы поесть и завалиться спать на диване. В кошках женщины любят именно то, что ненавидят в мужьях...

- А я не люблю кошек! - вызывающе, как ему показалось, ответила Нина.

Такие перепады настроения он относил к той, другой ее жизни. И вынужден был мириться с тем, что любые разговоры о ее семье - запретная тема.

Когда же Нина появлялась в веселом настроении - вечер превращался в счастливый, безудержно веселый праздник. И Андрею тогда начинало казаться, что их любовные отношения длятся уже много-много дней. Но наступили выходные дни, и он с некоторым удивлением обнаружил, что с начала этого праздника не прошло еще и недели.

В рабочие дни Нина забирала дочь из детсада довольно поздно, но в субботу и воскресенье практически не могла вырваться из дома. Первые выходные стали для Андрея испытанием - даже настоящей пыткой, ибо он так и не смог ничем заняться - все валилось из рук. Но зато снова, как в молодости, наряду с прозой начал писать стихи...

* * *

Прошел месяц. Андрей боялся признаться себе в том, что уже ясно видел - порыв Нины постепенно слабел: она стала чаще опаздывать, чаще смотреть на часы, чаще останавливать на нем теперь уже не изучающий, а просто рассеянный взгляд. Осознав, что начинает терять ее, снова предложил:

- Знаешь что, выходи за меня замуж

- Ты хорошо подумал? - спросила Нина после довольно долгой паузы.

- Я предложил тебе это давно, и с тех пор ничего не изменилось. Только укрепился в своем желании.

- Ты меня плохо знаешь. Просто не хочешь отказаться от образа, который когда-то создал. Но ты же умный - на самом деле я совсем не такая, какой существую в твоем воображении.

- Я готов тебя любить любую.

- Вот только я, наверное, к этому не готова. Поверь, меня не за что любить. Я-то знаю, какая я - дрянь!

- У тебя опять что-то произошло дома? - спросил Андрей.

- У меня это давным-давно произошло. Нет у меня дома: дочка есть, квартира есть, а дома нет...

- Ну, тогда тебе нечего и терять. Еще раз прошу: выходи за меня замуж!

- И жить втроем в твоей однокомнатной квартире? - Нина остановила на нем подчеркнуто вопросительный взгляд.

- Через год-два можно купить двухкомнатную...

- Если бы только это... Ты даже не представляешь, что такое чужие дети. Шум, капризы! Да и я - тоже не подарок...

- Я готов...

- Чтобы больше не возвращаться к этой теме, - перебила Нина, - сейчас признаюсь, почему пришла к тебе. Понимаю, что это был подлый поступок...

Внутри Андрея все напряглось. Он хотел было сказать: «Не надо, ничего не говори!», но не смог выдавить ни слова, хотя и понимал, что сейчас Нина скажет нечто такое, что может навсегда перечеркнуть их прошлые отношения.

- Я в тот день пошла к подруге и сказала Олегу, что возвращусь не скоро, а вернулась где-то через час. Захожу домой, а они на кровати - голые. И он хоть бы растерялся, смутился - нет, машет мне рукой... Мол, присоединяйся! А я настолько была ошарашена, что стою и улыбаюсь, как дура. И потом, он хоть бы оправдываться стал! А когда его подружка ушла - у меня началась истерика. Выскочила на балкон и хотела вниз прыгнуть. Он удержал. Вот я тогда и пришла к тебе, потому что знала - ты единственный, кто меня по-настоящему любит...

- А теперь что же, ты его простила? - спросил Андрей чужим, сразу севшим голосом.

- Нет, не простила.

- Так в чем же дело?

- А я его наказываю. Собой...

- А я его ненавижу! - почти выкрикнул Андрей. - Нет, ненависть - это сильное чувство, я его просто презираю...

- Так оно и было поначалу, но, проводить ночи наедине со своей ненавистью - значит, все сильнее раздувать ее огонь…

* * *

После этого разговора Нина еще приходила, хотя и реже, но все его попытки к прежней близости категорически пресекала. Боясь потерять ее окончательно, Андрей ничего не предпринимал - терзался, ревновал, но все это прятал глубоко внутри. Зная, что ничего не может изменить, все же продолжал надеяться, что когда-нибудь наступит прозрение, и он поймет причину охлаждения - а, значит, найдет правильный путь к возврату былых отношений.

Теперь при встречах они просто сидели, пили кофе, разговаривали. Даже шутили, как прежде... И неизвестно, чего для Андрея было больше в этих беседах: надежды или горечи.

- Я, кажется, понял, в чем главная проблема ваших с мужем отношений, - заговорил он во время очередной встречи. - Когда-то сам прошел через нечто подобное. Может, и не стоило тебе об этом говорить - в конце концов, сама нашла бы ответ, или смирилась бы... С другой стороны, зная причину, тебе не надо будет напряженно искать, не надо будет дальше мучаться.

Ободренный тем, что Нина его внимательно слушает, продолжил:

- Знаешь, Олег простоват для тебя! Да, он молод, красив, ты по-своему даже любишь его, но что-то в нем постоянно тебя раздражает... Не так ли?

- Ну, ну, я слушаю... - подтолкнула к продолжению разговора Нина.

- Самое страшное, поверь моему опыту, что здесь ничего нельзя изменить - дальше будет только хуже. Можно, конечно, попробовать принизить свою собственную планку, но будут бесконечные психические срывы, или потихоньку станешь превращаться в противную, сварливую тетку с авоськами...

- Это ты сейчас самоистязанием занимаешься, - прервала его Нина. - Мне давно уже все с мужем ясно. А тебе просто зла не хочу. Так пусть уж лучше он мучается. Просто я не способна никого любить...

- От этой скуки ты уже собралась уходить от него, - продолжил Андрей, пытаясь закончить убедительную, по его мнению, мысль, - а

тут - у него вдруг женщина. И сразу в тебе проснулся интерес! Только, поверь мне, это ненадолго... А теперь реакция самого Олега: он уже устал от тебя, нашел себе другую - попроще, а тут ты срываешься, бьешь его, царапаешь, ругаешься... А он обрадовался - пусть такая вот, путь психопатка, но зато понятная ему. Потому, что обычно ты ему просто непонятна. А тут твоя планка сразу для него понизилась: «Ах, она такая же, как все, даже хуже!..» Получается, что чем ты хуже, тем для него лучше... А для тебя?

Он сбивался, терялся под пристальным взглядом Нины и, защищаясь, пытался ее разозлить.

- Ты будто пишешь роман, где я в главной роли, - неожиданно спокойно возразила Нина. - Пытаешься обосновать мои поступки, проанализировать слова. А я сама себя понять не могу! Дай мне время разобраться! И зачем ты мучаешь себя такими разговорами? Тебе-то зачем это нужно?!

- Хочу предостеречь от ошибки.

- Нашел бы себе молоденькую, симпатичненькую девчонку, - как будто не слышала его Нина. - Она бы от тебя, наверное, без ума была. Зачем я-то тебе такая понадобилась?

- Любят не за что-то, а потому что...

- Вот и найди, чтобы не только «потому что», но и «за что-то»! На внимание женщин тебе, вроде как, грех жаловаться... Мало тебе со мной сейчас проблем? Это еще моей взбалмошной дочки на твоей шее нет! Ты же будешь тогда связан по рукам и ногам!

- А я хочу быть связанным, я хочу о вас заботиться! Добиваться чего-то в жизни имеет смысл для любимой женщины, для детей, в конце концов... Ведь одному не так уж много и надо.

- Я уже не раз пожалела, что наши отношения зашли так далеко, - осадила его Нина. - Не нужна тебе такая обуза. А с Олегом сейчас все очень просто. Я поняла, что главное в нашей семейной жизни - это не раскачивать лодку, а держать равновесие. А ты настойчиво пытаешься стать единственным капитаном, этаким хранителем семьи. Поверь, одному тебе это будет просто не под силу...

- Но ты оставляешь мне хотя бы шанс? - спросил Андрей с надеждой.

- Почитай что-нибудь из своих последних стихов, - вместо ответа предложила Нина.

Андрей обреченно достал из ящика письменного стола верхний листок и стал читать подрагивающим голосом:

Улетела, все же улетела -
так недолго рядом пожила!
Песенку весеннюю допела,
и пропала - словно не была.
Расставаясь, мучилась? - Едва ли,
раз любви шальной не приняла...
Но из шкафа старого пропали
два моих припрятанных крыла...

- Можно, я возьму этот листок на память? - попросила Нина.

- Пожалуйста... Но я тебя увижу еще?..

- Я очень дорожу нашей дружбой, только давай дальше оставаться просто друзьями.

- Чтобы женщина стала другом, нужно перестать видеть в ней женщину. Может быть, это произошло бы само по себе, но для этого нужно много времени.

- Ты сильный. Поверь, пройдет не так уж много дней, и ты поймешь, что просто придумал меня.

- Когда ты была более искренней: когда предлагала себя в любовницы или сейчас? - обреченно спросил Андрей.

- И тогда... и теперь. Это все я.

Когда Нина ушла, он еще долго лежал без сна, упершись невидящим взглядом в темный потолок. «Все кончено? Он ее потерял окончательно? Да, это так. И возврата к прошлому нет!»

Но, несмотря ни на что, жило глубоко внутри невероятное предчувствие, что все, в конце концов, закончится хорошо. Предощущение чуда, что ли?..

* * *

Через несколько дней он совершенно случайно повстречал Олега на объездной дороге. Когда тот вскинул руку, останавливая машину, Андрей подумал, что Олег хочет поговорить о Нине. Оказалось, просто узнал - и попросил подвезти.

Вообще-то они были мало знакомы - так, виделись случайно несколько раз. Андрей всегда ревновал Нину к мужу и предпочитал не появляться в их квартире. А после Нининого откровения даже такая вот, случайная, встреча была ему неприятна.

Ехали молча. Вдруг Олег хмыкнул, провожая взглядом двух стоящих на обочине длинноногих девиц и, ни с того, ни с сего, сказал:

- Люблю такие вот кругленькие попочки!

Эта циничная фраза неожиданно взбесила Андрея, и он сорвался:

- Я бы на месте Нины тебя просто бросил.

- Это даже теоретически предположить невозможно.

- Будешь к ней так относиться - уведу.

- Ты?! - Олег обернулся и нагло, в глаза, расхохотался. - От меня женщины сами не уходят - это я их бросаю, когда захочу. Жди, может и подарю Нинку, когда окончательно надоест!

Это был рассчитанный удар. Андрея пронзила вспышка такой испепеляющей ненависти, что он пожалел о руле под руками - так хотелось ударить по этому отвратительно самодовольному лицу.

Ярость так же быстро схлынула, и он уже без прежней ненависти, а просто с неприязнью думал, что такие люди, как Олег, обычно очень боятся боли, бытовых неудобств, жизненных трудностей. Он достаточно хорошо представлял категорию удачливых холеных мужиков, которые никогда и ничего не делают даром, крайне заботливо относятся к своей внешности, здоровью, желудку...

Впереди замаячила «зебра» крутого поворота, и ему вдруг нестерпимо захотелось хотя бы на миг увидеть на лице Олега страх. Вместо того чтобы притормозить, Андрей сильнее надавил на педаль газа...

Он не рассчитал траекторию движения, вернее, не предусмотрел того, что мокрый от расплескавшейся лужи асфальт стал предательски скользким...

ЗАВЯЗЬ ВТОРАЯ: НАРУШИТЕЛИ

Ее сознание упорно отказывалось поверить в реальность произошедшего, и не только потому, что все произошло так неожиданно. То, что рушит наши планы, приводит к резким переменам в жизни, всегда случается именно так - вдруг. Так, мы почти уверены в собственном бессмертии, пока кто-то не умрет рядом с нами - и тоже неожиданно. И те же автомобильные аварии случаются довольно часто, но всегда где-то далеко и с кем-то малознакомым. А тут... И переворот автомашины Андрея вовсе не ассоциировался со страшным словом «авария» - лишь чуть промята крыша, а все стекла и фонари остались целы. Странным было и то, что в большей степени пострадал муж, во всяком случае, внешне - вон какая ссадина на лбу, а на Андрее ни малейшей царапинки.

Андрей даже в гробу выглядел просто спящим, и Нине все время казалось, что ему, в конце концов, надоест эта глупая роль - поднимется

и скажет: «Здорово я тебя разыграл? Это моя маленькая месть!» Но закончились похороны, чуда не произошло, и она сразу ощутила внутри себя звенящую пустоту, увидела впереди зияющую бездну. До этого момента она и не подозревала, насколько дорог ей был Андрей - но, самое ужасное, что теперь признаться в этом было уже некому. Словно бы оборвалась прежде незримая, но, оказывается, самая главная, связывающая ее с окружающим миром нить. Оборвалась беззвучно, неясно даже в какой именно момент, но дальнейшая жизнь после этого предстала пустой и почти бессмысленной.

Если бы не дочь, не каждодневная забота о ней, Нина впала бы, наверное, в полную депрессию. Как теперь оказалось, она, все-таки, любила Андрея, просто внешняя шелуха привычек и предубеждений не давала этому чувству вырваться наружу. Все труднопреодолимые, как ей когда-то представлялось, препятствия неожиданно предстали совсем незначительными, даже пустячными. Ну и пусть, думала она теперь, что Андрей был старше - зато на его опыт всегда можно было опереться. Не такой уж проблемой была и его маленькая квартира. Перебирая в памяти последний отрезок жизни, она с удивлением осознала, что практически всегда прав оказывался именно Андрей. Так что то, что она принимала за попытку подчинить ее, было просто его уверенностью в собственной правоте. Да, он предупреждал отдельные ее поступки, но, как это стало понятно теперь, только затем, чтобы она не наломала дров. При этом тактично отступал, когда надо, оставляя за ней право выбора. И неизвестно, как бы там, дальше, сложились их отношения, если бы Андрей не погиб...

Ну а муж после катастрофы стал вести себя довольно странно - будто постоянно ждал чего-то или прислушивался к самому себе. Первые дни она относила это к последствиям пережитого шока, к травме нервной системы, думала, что это ненадолго - пока окончательно не придет в себя. Но прошло несколько дней, неделя... Нет, в самом деле, он очень изменился: поубавилось самомнения, стал мягче, как будто даже внимательней. И, похоже, пытается писать стихи - Нина недавно обнаружила рифмованные строчки на полях газеты. Помнится, она где-то читала, что люди, выжившие после страшной авиационной катастрофы, либо спиваются, либо ударяются в несвойственное им прежде творчество. Человеческая психика преподносит порой необъяснимые загадки...

- Ты не помнишь, где лежат мои конспекты? - спросил Олег примерно через неделю, ни с того, ни с сего принявшись за разборку

книг на полках. - Надо бы закончить этот техникум, а там можно и в институт поступать. Надоело ходить в рабочих...

- Ты умнеешь прямо на глазах! Определенно, некоторым автомобильные аварии идут на пользу, - без видимой причины и неожиданно даже для себя сорвалась Нина.

Олег сжался, словно от удара, и Нина ощутила нечто похожее на угрызения совести. Впервые за последние месяцы она признала себя неправой, но переступить через все прошлые обиды, унижения и извиниться у нее не хватило духу...

Олег не отплатил обычной резкостью, а, потоптавшись возле книжного шкафа, молча ушел на кухню. При этом в выражении его лица, во всей фигуре сквозила такая беззащитность, что Нина на какой-то миг почувствовала прилив всепрощающей бабьей жалости. Даже шагнула было следом, но, наткнувшись на кровать, снова почти явственно увидела и его, приглашающе машущего рукой, и ту голую девку...

* * *

Спать она по-прежнему ложилась отдельно, на диван. Расстилая простыню и одеяло, каждый раз спиной ощущала взгляд Олега. И, лежа в темноте, по дыханию слышала, что Олег тоже не спит. Ждала его традиционных претензий, а следом грубых оскорблений, которые, как она считала, должны были, в конце концов, прорваться из прошлого. Но Олег молчал. Она всегда забывалась раньше его и видела беспокойные сны, в которых часто присутствовал Андрей.

По утрам Олег теперь не нежился до последней минуты, как прежде, а стал вставать первым, ставил чайник, потом умывался и заваривал кофе. И только после этого будил ее и дочку. Он подолгу занимался с ребенком, чего раньше никогда не делал: ходил с ней на прогулки, перед сном читал детские книжки. И только оставшись наедине с Ниной, замыкался, становился скованным, напряженным. Определенно, что-то с ним происходило...

Скорее по инерции, она еще исчезала из дома, уходя по вечерам поболтать к подруге, но, вернувшись домой, видела в глазах мужа такую бесконечную, хотя и глубоко запрятанную, тоску, что испытывала стыд. И все чаще оставалась дома...

Однажды она не стала застилать диван, а легла на кровать. Это еще не было прощением, скорее экспериментом над собой. Когда Олег выключил свет и осторожно прилег рядом - напряглась, как струна, готовая в любой момент вскочить и уйти на спасительную диванную территорию. Лежала и воссоздавала в памяти одну за другой самые

неприятные сцены их жизни, пыталась разбудить в себе неприязнь к мужу. Как ни странно, ничего большего, чем простое сожаление, не приходило, только сердце, почему-то, билось все сильнее и сильнее. Потом она повернулась и, как бы случайно, коснулась мужа рукой. И ощутила сотрясавшую его дрожь...

На сей раз это происходило совсем по-другому. Новизна настолько захватила ее, что Нина забылась, растеряв всю себя и в пространстве, и во времени. Именно так: не существовало больше ни прошлого, ни будущего, только настоящее, только ее обновленная душа, жаждущая счастья, и еще он - любимый и единственный... Лишь раз мелькнула случайная мысль об Андрее - настолько неожиданная и, в общем-то, неуместная, что она даже вздрогнула.

Испугавшись, что сделал ей больно, Олег замер, а потом стал ласкать губами тело, веки, безмолвно прося прощения. Только после этого Нина вынырнула из той глубины, где не существовало ничего, кроме собственных чувств, осознала реальность квартиры и всего происходящего. Нет, он сейчас не притворялся, как это делал раньше, приходя от другой женщины. Так исступленно ласкал ее прежде только Андрей - безгранично любящий ее мужчина, о котором она вспомнила сейчас не с сожалением, а со светлой грустью...

* * *

Новизна отношений все больше захватывала ее, и Нина уже с нетерпением ждала мужа с работы. Олег теперь нередко приходил с цветами или с бутылкой шампанского, и они, уложив дочь спать, вечер проводили при свечах, под тихую музыку. Даже танцевали, как когда-то давным-давно, еще до свадьбы. Она уже с удивлением вспоминала о том, что хотела с ним разводиться.

Нельзя сказать, чтобы Нина сразу и безоговорочно поверила во все перемены. Нет, она все ждала какого-нибудь подвоха или срыва, и, вместе с тем, была непривычно счастлива. Так, наверное, и должно быть - ведь к хорошему привыкаешь быстро. Она даже потихоньку стала вычеркивать из памяти все неприятное, пытаясь оправдывать прежнее поведение мужа. И винить себя... Нечто похожее на благодарность испытала к нему за то, что, наткнувшись однажды на случайно забытую ею на столе фотографию Андрея, муж ничего не стал спрашивать, а смущенно пробормотал: «Поверь, мне очень жаль...»

Может быть, пока ищешь свою любовь, необходим кто-то, кто бескорыстно любит тебя? Человек не может долго просуществовать, если его не окружает пространство любви. Пусть даже совсем крохотное,

пусть даже выдуманное... Получается, что она придумывала свои чувства к Андрею, спасаясь от тоски одиночества? Нет, ей не хотелось даже теперь открещиваться от того чувства! Оно было настоящим, просто... Просто судьба, или тот, кто распоряжается всем на небесах, решили по-своему...

Понимала, что с такими мыслями недолго и в Бога, и в преследующий рок уверовать, но возвращалась к ним снова и снова. Может быть, Андрей ушел из жизни потому, что она больше нужна была именно Олегу, который тоже боялся потерять ее? В истинных же чувствах мужа у нее теперь почти не оставалось сомнений. Настоящая любовь - это не та, которая выдерживает долгую разлуку, а та, что выдерживает долгую близость...

Она не гнала как прежде, подобные мысли, потому что они несли душевное очищение. Не было больше прежней растерянности - с каждым днем она ощущала себя все более сильной, более уверенной. Зато появилась боязнь... боязнь за мужа. С ним продолжало происходить что-то непонятное. Нина чувствовала, что душа Олега по-прежнему не на месте, что многое он не договаривает. Как в тот раз, когда пришел с работы весь в ссадинах и сказал, что поскользнулся на лестнице. А на другой день она узнала от знакомой, что Олега на улице сбила машина. Зачем он обманул ее: не доверял или не хотел пугать? Раньше она бы не ломала над этим голову, но теперь хотела абсолютной искренности, полного доверия. Размышляя об этом, она испытывала обиду...

* * *

Телефонный звонок разбудил ее под утро. Олег часто работал в ночную смену, но прежде он никогда не звонил среди ночи. Поэтому Нина подумала, что кто-то ошибся номером. Незнакомый сбивчивый голос подтвердил ее предположение, и она хотела уже положить трубку, когда до нее дошло, наконец, что звонят с завода. Говорили об Олеге:

- ...По касательной задело голову... травмировано плечо...

Она сразу перестала воспринимать смысл слов, потому что голову сдавило будто железным обручем. Острая боль пронзила и мозг, и сердце - через эту боль уже ничто не могло пробиться снаружи.

- Где Олег? Он жив?

- Да. Его «скорая» увезла...

- Куда?

- В центральную городскую...

На другом конце провода стали успокаивать, но она, бросив трубку, начала лихорадочно одеваться. Опомнилась уже в дверях, потому что подумала о дочери. Надавила на кнопку звонка соседней квартиры.

Ничего не понимающую спросонья соседку притащила за руку в комнату дочери и, не дожидаясь лифта, кинулась вниз по ступенькам. Потом, не ощущая мороза, по пустынным улицам бежала до больницы, барабанила в запертую стеклянную дверь, умоляла недовольную дежурную сестру пропустить ее в палату к мужу...

- Только на одну минуту, и чтобы тихо было - больные спят! - строго предупредила сестра у дверей палаты

Олег лежал на боку, спиной к ней, в какой-то неестественной позе. Поняв из разговора с сестрой, что муж жив, Нина немного успокоилась - а тут испугалась во второй раз. Медленно обойдя вокруг, склонилась, чтобы заглянуть в его лицо.

Увидев перед собой жену, Олег дернулся, пытаясь подняться - и тотчас скривился от боли. Но даже при тусклом свете ночника Нина увидела, какой радостью тут же засветились его глаза.

- Ничего страшного, - шептал он торопливо и радостно, как будто и не лежал сейчас на больничной койке. - Кости целы, тросом плечо слегка зацепило. Так что через день-два буду дома, под надзором лучшей в мире сиделки...

Можно было уже доехать до дома первым автобусом, но Нина пошла пешком. Просто в автобусе она была бы не одна, а ей так хотелось еще какое-то время сохранить внутри это чувство безмерного счастья, не расплескать переполняющую душу пьянящую радость. Она любит, и ее любят! Олег скоро поправится, потому что не может с ними случиться величайшей несправедливости именно тогда, когда они нашли друг друга. А все предыдущие испытания - это как бы жестокая проверка: достойны они такого счастья или нет. Они выдержали это испытание! И жизнь прекрасна, изумительно прекрасна!..

* * *

Когда из детского садика они с дочкой зашли в палату, Олег попросил назавтра принести его страховой полис. Рана оказалась неглубокой, а травма болезненной, но, в общем-то, не опасной.

- Ты не выглядишь жертвой травматизма, - пошутила Нина. - Весь так и светишься.

- И ты тоже...

- Будем считать, что я пережила такую же травму. Но теперь, слава Богу, вылечилась!

По засиявшим глазам Олега поняла, что муж ее понял. Когда прощались, он задержал в руке ее пальцы и поцеловал их. Уже за дверью она достала из кармана платок, чтобы промокнуть выступившие слезы

Утром Нина позвонила на работу и взяла отгул. После потрясения предыдущей ночи она чувствовала себя совершенно разбитой, не выспавшейся, да и дочка покашливала - нужно было лечить простуду в самом зародыше.

Только после обеда вспомнила просьбу Олега насчет полиса. Открыла ящик письменного стола, где хранились документы мужа. Поверх документов лежали несколько исписанных листков. Почерк был торопливый, неразборчивый. Нина отложила было листки в сторону, но тут же взяла снова.

«До чего же его почерк походит на почерк Андрея... Или это ей только кажется? Прежде, как будто, он был другим?»

Она подошла к секретеру, открыла нижний ящик и нашла свою старую сумочку с малозначащими документами, в которую не заглядывала месяц или даже больше. Отыскала листок со стихотворением, что отдал ей Андрей накануне смерти. Прочитала первую строчку: «Улетела, все же улетела...» Потом стала сравнивать почерки - некоторые отличия все-таки были, хотя сходство поражало.

Она стала открывать все ящики письменного стола и, перебирая бумаги, которых за последнее время заметно прибавилось, нашла исписанную на треть общую тетрадь. Это были какие-то черновики или даже дневник.

«...Я - человек счастливый, а так быть не должно - все в жизни уравновешено, и это некий Высший Закон. Прежде в моей жизни недоставало любви. Это было, должно быть, предначертанием, поэтому в остальном меня баловали удачи. А теперь я нарушил Закон, причем самым грубейшим образом - и должен за это жестоко поплатиться. Хорошо, если расплата коснется только меня... Я так боюсь за Нину...»

Похоже, это все-таки был бессистемный, даже не отмеченный датами дневник? Странный и непонятный. Движимая женским любопытством, она открыла последнюю запись.

«...Сегодня чуть не упал в электролизерную ванну. Будто толкнул кто... И решил написать Нине письмо: пусть все узнает, если со мной что случится. Это даже не духовное завещание, скорее, исповедь. А перед кем мне еще исповедоваться в своем величайшем грехе, как не перед ней. Боже, что я натворил! Боже, как я ее люблю!..»

О каком письме Олег упоминает - она не получала никакого письма?! Среди отдельных листков попалось стихотворение, написанное, как ей показалось рукой именно Андрея. Однако, присмотревшись, Нина поняла, что оно тоже написано мужем.

Без тебя даже краткий миг
в душе моей вызывает крик -
и чертой, через ночь и день,
Армагеддона тень...
Будто Вечность свое копье,
целит прямо в сердце мое,
или черным стволом тоска
ищет место возле виска?..
Только тем объяснить могу,
что у Времени я в долгу,
что пришел отведенный срок -
и бесстрастно взведен курок…
Пусть! Без глаз твоих и без уст
мир настолько становится пуст,
что молю: пусть не дрогнет рука -
та, что тянется к тени курка…

Первой мыслью было, что Олег просто переписал понравившееся стихотворение, но исправления разными чернилами говорили о многократной авторской правке. Перестав что-либо понимать, она вытащила бумаги на стол - и тут в глубине ящика увидела запечатанный конверт, на лицевой стороне которого было написано: «Вскрыть только в случае моей смерти». Поколебавшись, распечатала.

Буквы прыгали перед глазами, и она никак не могла сложить их в связное предложение. Да что же это такое, почему она так волнуется?!

«Практически все, чего я хотел - сбывалось. А восточная мудрость гласит: бойтесь желаний своих, ибо они осуществимы! Поначалу я смирился с положением любовника и желал только того, чтобы у тебя все ладилось в семье. Я думал, что смогу дать тебе недостающее: и решительность в поступках, и даже душевное спокойствие - ведь ты сама говорила, что абсолютно равнодушна к мужу. Позднее понял, что подсознательно всегда буду желать разрушения твоих семейных отношений - все делать для того, чтобы ты осталась со мной. И я стал бояться причинить тебе зло, ибо помню, как чем-то раздражавшие меня люди уезжали из-за неожиданно возникших обстоятельств, иногда даже погибали. К сожалению, таких случаев было несколько! В конце концов, я просто стал сдерживать неприязнь, научился контролировать себя. Случаи, вроде бы, прекратились, но кто знает?..»

Внезапно толчки крови в ушах отступили, и она явственно услышала, что в прихожей звонят. Поспешно перевела взгляд в конец письма и прочла: «...Он настолько испугался, что, практически, умер от страха

- страха смерти. Тогда я вытеснил душу твоего мужа, и занял ее место. Потому что он был слабаком - и я запросто перешел в его тело. Даже не знаю, как это получилось, просто в этот момент думал о тебе. Я все время думаю о тебе...»

Она поверила сразу, потому что была готова поверить. И, услышав звук поворачиваемого ключа, а потом шаги в прихожей, хотела поспешно бросить письмо в ящик. Подумала даже: «Потом заклею...»

Но, так и не сгребла бумаги, так и не выпустила исписанный торопливой рукой листок. Ибо тотчас с предельной ясностью осознала, что не сможет притворяться и просто созерцать, как мучается любимый ею человек. Отныне его огромный грех должен лечь на плечи двоих. Потому, что вдвоем легче нести его по жизни, и еще потому, что искупить его можно только такой же большой любовью...

ДУША С ДУШОЮ
(Рассказ)

Все труды человека - для рта его,
а душа его не насыщается.
Екклесиаст, 6, 7

Он расслабленно полулежал на мягком широком сидении, закинув руки за голову и вытянув ноги. Кожаный верх машины был опущен, и блуждающий по парку довольно прохладный ветерок бесцеремонно играл его мягкими седыми волосами. Пахло сыростью от невидимого пруда, прелой листвой и еще чем-то позабытым - кажется, грибами. Хотя, какие уж теперь, после первых заморозков, грибы?

То ли этот насыщенный ароматами, не отфильтрованный в автомобильном кондиционере воздух, то ли воспоминания почти четвертьвековой давности заставляли сердце биться неровно, рождая в нем ощутимую физическую боль. Но сейчас эта боль не пугала, наоборот, нащупав верный путь, он поддерживал ее все новыми и новыми воспоминаниями. Удивительно, но за двадцать с лишним лет он, оказывается, так и не сумел заглушить свои чувства к ней, а смог только разделить на отдельные эпизоды и запереть по разным тайникам памяти. И вот, стоило лишь снять строгий запрет, как все соединилось и вспоминалось так же ярко, как будто происходило только вчера...

Они тогда расстались на скамейке, на которой сейчас отсиживался его водитель. А может, это была уже и не та скамейка, потому как прошло очень много лет? Она говорила о каких-то пустяках, отвечала невпопад, долго не решаясь сказать главное - то, что они должны расстаться.

- ...Все-таки у моих мальчиков есть настоящий отец, и мой муж. Это моя вина, что он стал таким... Вернее, либо я сама его сделала таким, либо я слишком много от него требую. Прости, но свои ошибки я должна исправлять сама.

Ему тогда показалось, что в голосе ее прозвучала неуверенность.

- Я тебя люблю, а значит, и твоих мальчиков тоже!

- А я больше не могу одновременно быть и с тобой, и с... Ты же сам больше не хочешь, чтобы я принадлежала тебе не полностью?!

Вот именно после этих слов он поднялся и ушел. Не стал ее убеждать... Да и не смог бы тогда, потому что разом потерял и жизненную опору, и сам смысл существования в этом мире. Несколько дней находился в шоке - почти не соображал, где находится и что делает. Да и потом долго не мог прийти в себя: то страстно хотел ее увидеть или хотя бы услышать голос в телефонной трубке, то впадал в депрессию и часами лежал, бездумно глядя в потолок. И уже через неделю был согласен даже на то, чтобы она до конца жизни принадлежала не только ему, в чем, правда, ни за что бы никому не признался. Было мучительно думать о ней, о прошлых их отношениях, потому, что, вопреки логике и вопреки собственной воле, он любил ее все сильнее. И тогда он стал загружать себя работой – все больше и больше...

Сегодня день ее рождения... И не случайно он решил устроить встречу именно сегодня - вот уже несколько недель предощущал, что в этот день что-то должно произойти. Выяснить новый ее адрес не составило большого труда, а заодно и то, что в ее семейной жизни ничего не изменилось. И если у нее все по-старому, значит, что-то за последнее время изменилось в нем самом? Или должно измениться? Но ведь он, как будто, ничего такого особенного и не ждет от этой встречи?..

Его рассеянный взгляд скользил по деревьям, уже растерявшим большую часть своей листвы, и сейчас, под порывистым ветром, неохотно отдающим последнюю одежду, по ряду парковых скамеек... Водитель, откинувшись на ребристую спинку, неподвижно смотрел в какую-то точку на безоблачном небе - и губы его шевелились. «Должно быть, снова про себя читает стихи? - подумал он и усмехнулся. - Странный парень... Возит уже больше года, но до сих пор не раскрылся, даже щелочки не оставляет, чтобы заглянуть в его другую, личную жизнь...»

* * *

В конце аллеи показался автомобиль охраны, и мысли его разом смешались. Внутри задрожала словно бы тонкая струна и натянулась до предела, готовая вот-вот оборваться. Так происходило всегда: он терялся при встречах с ней, вечно что-то ронял, голос начинал срываться... «Но ведь это было давно! Неужели так ничего и не изменилось, и время оказалось не властным над чувствами?..»

Черный автомобиль с тонированными стеклами мягко подкатился и замер в полусотне метров. Выскочил ловкий охранник и услужливо

открыл заднюю дверку. «Значит, она согласилась приехать!.. А он-то запоздало мучился, что, увидев этих крепких, угрюмоватых парней, побоится ехать неизвестно куда и, тем более, неизвестно зачем. С другой стороны, он и сам не поехал по той же причине: потому, что побоялся услышать отказ... Хотя, нет - он, как всегда, оставлял ей шанс, оставлял право выбора. Не слишком ли часто оставлял и тогда, в прошлом?..»

Он не просто смотрел, а жадно впитывал каждое ее движение, каждый шаг. Как это ни удивительно, но она не погрузнела, и походка осталась все той же - чуть неуклюжей и какой-то беззащитной. И очки в светлой оправе, и непокорная прядка волос, выбившаяся из-под шляпки... «А ведь она за столько лет почти не изменилась! Хотя, нет - так не бывает: просто не изменился его влюбленный взгляд, и он видит ее той же, что являлась в бесконечных мечтах и беспокойных снах...»

Он хотел шагнуть ей навстречу, но, прислушавшись к своему рвущемуся из груди сердцу, вдруг испугался, что от волнения откажут ноги или закружится голова. Поэтому просто открыл дверцу машины, молча приглашая ее сесть рядом с собой.

- Здравствуй! Ты еще вспоминаешь меня?

- Я ни на миг не забывала о тебе все эти годы.

- А я о тебе, ведь ты так и осталась моей последней непреходящей любовью.

- А ты моей...

Она тоже молчала и смотрела тем чуть затуманенным близоруким взглядом, под которым он всегда окончательно и до оглупления терялся. Вот и сейчас, как много лет назад, он безвольно тонул в этих все еще желанных глазах...

То ли поняв его состояние, то ли для того, чтобы снять возникшую напряженность, она первой нарушила затянувшееся молчание:

- Увидев в дверях такого косноязычного посланника, я тут же поняла, что он может быть только от тебя.

- Извини, но я побоялся ехать сам.

- Да, ты все так же нерешителен. И даже в этом не изменился...

- Я, наверное, тоже не изменилась - и поэтому я здесь...

- Несмотря на семейный праздник?

- Не смотря ни на что...

- Мне сейчас кажется, что вообще ничего не изменилось. Разве что я немного постарел.

- А я сильно постарела?

- Ничуть!

- Но моим детям сейчас столько же, сколько было мне тогда... Кстати, ты женился?

- Нет. Так и не встретил ни одной женщины лучше тебя.

- Ты себе это внушил. Поверь мне, оригинал много хуже той копии, которую давным-давно себе нарисовал.

- За все годы у меня ни разу не возникло желание что-то подправлять…

- Тогда, это Ваши проблемы...

- Не хватало еще нам поссориться в такой день! Кстати, ты всегда мечтала о шикарной машине... Хочешь, в твой юбилей я подарю тебе вот эту?

- Уже не мечтаю. У нас очень скромная, но, зато, с ней меньше проблем. К тому же, я так и не научилась водить автомобиль, так что тебе пришлось бы дарить ее вместе с водителем...

- Но мне так хочется что-нибудь подарить тебе!

- Ты мне и так подарил эту встречу. Поверь, через двадцать с лишним лет это не так уж мало...

- Да, более двадцати лет утекло, как вода. И ведь никаких сколько-нибудь значительных для меня событий за это время не произошло... Может, потому, что самое яркое и памятное происходит, обычно, в первой половине жизни.

- Нет, для любящих и двадцать лет разлуки заполнены, пусть не событиями - но чувствами. А вот тянутся годы разлуки, действительно, бесконечно...

- Да, дольше, чем сама Вечность...

- К сожалению, другого подарка я не припас - просто не подумал, что ты откажешься...

- Дорогие подарки обязывают, а я всю жизнь отвоевывала независимость. И у мужа, и у тебя...

- Теперь бы я мог обещать тебе и независимость.

- Слишком поздно.

- Слишком поздно не бывает. Даже за секунду до смерти...

- Знаешь, - перебила она, - мне не нравится эта тема. Я все тебе сказала еще двадцать лет тому назад - зачем повторять?

- Ладно, я не буду, - он растерялся и неуклюже попытался сменить тему. - А еще тебе нравились розы. Ты сейчас скажешь, что они уже отцвели, но, посмотри, какой прекрасный букет белых роз я достал для тебя!

- Спасибо. Это хороший подарок...

- Я искал для тебя именно розы...

- А я и сейчас люблю их больше других цветов. Только мне нравилось, когда ты дарил их по одной...

- Ты и это помнишь?

- Я помню все-все. Я помню каждую нашу встречу, я помню чуть ли не каждую твою фразу...

Он отвернул лицо и торопливо достал из кармана баночку с пилюлями.

- Тебе плохо?

- Сердце... У меня ведь было на удивление здоровое сердце, но и его прочность, как оказалось, имела предел. Мой врач постоянно твердил, что я сжигаю себя, а я это делал сознательно.

- Ты хочешь подчеркнуть, что я была тому виной?

- Ну, что ты! Виной был я сам - это был мой выбор.

- Неумный выбор.

- Может быть...

- Ты торопил смерть?

- Нет, о смерти я не думал. Я торопил жизнь.

- Она и без того была у тебя слишком насыщенной. Во всяком случае, мне всегда так казалось.

- Просто я надеялся, что, устав от бесконечной жизненной гонки, перестану, может быть, думать о тебе...

- Давай не будем об этом, а то я сразу чувствую себя виноватой.

- Не будем... А как поживают твои мальчишки?

- Они уже давно мужчины, причем настоящие мужчины, и я горжусь ими. Может быть даже больше, чем того заслуживаю... Но ведь это я воспитала их такими.

- Да, я сначала читал твои статьи в периодике, а когда они пропали - понял, что у тебя появились более важные дела.

- Я пришла к выводу, что нет дел важнее, чем воспитание детей.

- А муж?

- Он все такой же: ни лучше, ни хуже... Но любит сыновей и, по-своему, любит меня.

- А ты его?..

- Не знаю. Я давно уже об этом не задумывалась. И, кроме того, стоит ли в моем возрасте что-то менять в жизни?

- Когда ты говоришь о своем возрасте, я сразу начинаю подозревать кокетство.

- А ты все тот же: пытаешься найти в моих словах какой-то скрытый смысл? Поверь, я ни чуточки с тобой не кокетничаю.

- А жаль...

- Ты, должно быть, ненавидишь того... что дан в мужья?

- Нет во мне ни ненависти, ни любви. Давным давно нет никаких чувств...

- Тогда почему вы вместе?

- Судьба...

Она замолчала, а он, испугавшись, что мог случайно чем-то ее обидеть, попросил:

- Ты говори что-нибудь - я так соскучился по твоему голосу. Ну, хотя бы о том, как осуществились твои планы?

- А почти что никак. В общем, главная причина - дети, кроме того - я часто болела...

- У тебя ведь всегда было неважно со здоровьем.

- Тут тоже ничего не изменилось. Несовершенства тела твоего не столь страшны, куда страшней другое - коль мыслями себя к ним прикуешь.

- Ты все так же пишешь стихи?

- Иногда, когда мне очень плохо. Но это не мои, а поэта Валентина Сидорова.

- И часто тебе бывает плохо?

- Теперь уже не часто. Лишь тогда, когда вспоминаю о тебе...

- Как жаль, что у нас совсем мало времени - его изношенное сердце в любой миг, даже сегодня, может остановиться. А ведь отпущенный мне на Земле срок еще не вышел...

- Как же мало было у нас встреч!

- Да, до обидного мало. Просто несправедливо мало!

- Но ведь это не нам дано было решать.

- К сожалению...

- Ты писала неплохие стихи.

- В молодости даже посредственные стихи находят отклик, потому что наполнены хорошими эмоциями.

- Признайся, ведь был период, когда тебе было хорошо со мной?

- Давай, не будем об этом вспоминать.

- Почему?

- Я благодарна тебе, потому что мне нужно было на кого-то опереться, но ощущать всю жизнь твою настойчивую опеку - это было бы чересчур утомительно...

- Я заботился о тебе... как умел. Мы ведь всегда в ответе за тех, кого приручили. Так, помнится, писал Экзюпери?

- Меня никто и никогда не смог бы приручить. Хотя, пытались многие...

- Ты, все-таки, осталась кокеткой!

- Просто приятно вспомнить, что всегда нравилась мужчинам. Ведь других побед в моей жизни было не так уж и много...

- А ведь мы встречались и раньше - два тысячелетия назад. Там...

- Не помню.

- Наставники и не обязаны помнить всех своих учеников, это ученик никогда не забывает своего учителя...

- Я так много ждал от нашей встречи, а получается какой-то пустой разговор...

- Тогда скажи прямо, чего ты от меня добиваешься?

- Я еще раз понял, какую страшную глупость мы совершили...

- Говоря «мы», ты подразумеваешь, что виновна я одна? Может быть... Но тогда мне все виделось по-иному.

- Нет, я тоже виноват. Как говорят французы: выслушай, что скажет женщина, и сделай наоборот.

- Ну вот, ты уже шутишь, значит, все не так уж и плохо. У меня хорошие, умные дети, у тебя интересная работа, Нобелевская премия, известность, куча шикарных машин, охранников и...

- И я многое отдала бы за то, чтобы вернуть ту, нашу прощальную встречу в этом парке.

- И я...

- Мы ведь можем еще встретиться - в следующей жизни?!

- Нет. Это мое последнее пребывание на Земле. Оно давалось как отдых, и должно было продлиться легко и беспечно... Но не получилось.

- А я еще и в этом теле буду жить много лет...

- И мы уже никогда-никогда не встретимся.

- Так может Создатель сделает исключение для двух любящих душ...?

- Я буду умолять Его! Попрошу, чтобы Он дал нам эту последнюю и единственную возможность соединиться... А люди и так уже достаточно наказали друг друга...

* * *

Задумавшийся водитель даже вздрогнул, когда мягко хлопнула дверца автомобиля. Он увидел, как старик безмолвно вскинул руку, словно желая задержать уходящую женщину, но она не обернулась - и рука безвольно упала.

Женщина шла по желтой песчаной дорожке. Но это была не та пожилая женщина с поблекшим лицом и усталой, неуклюжей походкой - лицо ее словно бы помолодело от проснувшейся женской уверенности и светилось былой красотой. Эта шла неторопливо и плавно, словно несла что-то очень хрупкое, пока еще непривычное для нее. Даже шагов ее не было слышно. Может быть, потому, что звучала музыка из автомобиля охраны? Проходя мимо, женщина вдруг окинула его взглядом, и тут в ее глазах... Да, он вдруг увидел одновременно два разных взгляда: один - женский счастливый... А вот второй? Это была очень знакомая усмешка - та, которую он изредка замечал во внимательных глазах своего шефа...

Охранники еще с полчаса нетерпеливо бросали взгляды на неподвижно сидящего шефа, прежде чем решились к нему подойти. И, не дойдя несколько шагов, все поняли - трудно только было определить: то ли гримаса смерти так исказила его лицо, то ли на нем и в самом деле запечатлелась печать бескрайнего блаженства?..

МИСТИФИКАТОРЫ
(Рассказ)

Воображение правит миром.
Наполеон I

Между двумя капроновыми сетями опять зиял широкий проход - ближняя к берегу явно была переставлена. Мак даже плюнул со злости в воду, словно там, в глубине, сидел этот неизвестный злоумышленник. Потом стал выбирать сети: в переставленной, как и обычно, было пусто, а во второй запутались всего лишь два некрупных лосося. «До каких пор это будет продолжаться?! Кто-то зло и с дьявольской настойчивостью насмехается над ним!..»

Нашел он это место случайно, примерно неделю тому назад. Здесь, прямо от подножия отвесной скалы и перпендикулярно к берегу уходила песчаная коса, напоминающая своей формой указующий перст. Мак промерил глубины наметкой: узкая полоска мелководья тянулась футов на триста, потом резко обрывалась черной глубиной. Он поставил на этом «пальце» новую, самую длинную лососевую сеть. В первую же ночь попалось пятнадцать крупных лососей, а во вторую - кто-то перерезал сеть посредине. Он поставил половинки с некоторым перекрытием. Место оказалось исключительно рыбным, но: в одну ночь - улов, а на следующую - конец какой-либо сети оказывался переставленным, причем таким образом, чтобы образовался проход футов в пятнадцать шириной. Сеть не была порвана винтом и не похоже, чтобы была протащена каким-либо катером - просто аккуратно переставлена. Сегодня уже в четвертый раз - словно по расписанию. Он не знал, на кого и подумать. Врагов у него, во всяком случае явных, вроде бы нет, рыбная инспекция его сети тоже никогда не трогала - он исправно платит патент за свой участок. Вот уже несколько лет он поставлял лососей в ресторан на ближайшую туристическую базу, а когда оставались излишки, отвозил на катере в Форт-Огасте, что на южной оконечности озера. За эти годы хорошо изучил свой участок, и, несомненно, место было самым уловистым. Если бы только не эти повторяющиеся диверсии!

А как он, поминится, обрадовался тому первому богатому улову! Еще бы, ведь если дела так пойдут и дальше, то он сможет намного быстрее, чем рассчитывал, открыть на месте своего маленького кафе на берегу Лох-Несс рыбный ресторанчик. Пусть не очень большой, зато по-домашнему уютный. Все нормальные люди, даже туристы, инстинктивно потянутся из казенного распорядка экскурсии в домашнюю, непринужденную обстановку... А теперь кто-то пытается разрушить его золотую мечту! «Ну, пусть бережется - не будь он Макдональд Фимборн, если не схватит его на месте преступления за подлую руку!».

* * *

По натуре своей Василий Петров был человеком основательным, и доказательством тому могло служить его отношение к работе - всю жизнь в передовиках. Но в остальных жизненных аспектах, по не вполне объективным причинам, все складывалось как нельзя хуже. Ну, во-первых, в селе неженатых мужиков к категории серьезных не относили, а ему в этом году уже тридцать стукнуло. Во-вторых, Василий любил цитировать высказывания писателя Ларошфуко, что окружающие зачастую воспринимали как скрытую издевку. Надо сказать, что в обоих изъянах виновна была учительница Людмила. Это она восемь лет назад подарила трактористу на день рождения книгу язвительного француза, а сердце свое вскоре отдала приехавшему по распределению в село молодому агроному. От такого удара Василий не смог оправиться до сих пор, ибо все остальные женщины, с его точки зрения, в главных аспектах вожделенному оригиналу проигрывали. Франсуа де Ларошфуко эти бесконечные искания сумел гениально выразить всего одной строкой: «Подражание всегда несносно, а подделка нам неприятна теми самыми чертами, которые пленяют в оригинале». Так что нерастраченная любовь Василия выплеснулась на средневекового острослова, до сих пор как бы незримо связывающего несчастливого тракториста с любимой женщиной. Была и третья напасть - в лице соседа Петрухи по прозвищу Бичбожий, который вечно вовлекал товарища в скандальные истории. Даже на основании перечисленных пунктов можно судить, что на селе у Василия Петрова была слава легковесного человека. Чтобы доказать обратное, у него оставалась только работа...

Вот и сейчас он уезжал на своем «Кировце» с пахоты последним, да и то лишь потому, что горючего оставалось в обрез - только-только доехать до мехбазы. Это километров шесть, так что можно было рассчитывать попасть домой непривычно рано - еще засветло. И что

торопиться, если там никто не ждет, кроме бессловесной и, к тому же, чисто мужской компании - пса Дружка, да кота Задиры? Ему и дом-то нужен лишь для того, чтобы вечером умыться, переспать ночь, утром поесть - и снова на работу. Давно втянулся в такую однообразную жизнь, даже сны - и то из ночи в ночь одинаковые: либо бесконечная черная борозда, либо та, единственная их ночь с Людмилой. Ведь были у него потом и другие женщины, но снилась одна только учительница, потому, что с остальными - все не то. Как высказался по этому поводу понимающий толк в женщинах француз: «Труднее хранить верность той женщине, которая дарит счастье, нежели той, которая причиняет мучения». От этого изматывающего однообразия жизни и снов надумал Василий даже - нет, не жениться, а поступить в заочный техникум или прямо в институт. Только вот до сих пор не решил, в какой именно. Ему, как передовику производства, совхоз, пожалуй, должен дать направление на учебу в сельскохозяйственный или автомобилестроительный...

Полевая дорога впереди раздваивалась - рыбаки с утра успели прямо по свежей пахоте накатать колею к озеру. Тут же возникло желание завернуть, чтобы смыть с себя засохшие пот и пыль. И то: домой можно не торопиться - кот со псом подождут и еще полчаса.

Вода в озере оставалась ледяной даже в середине лета, и не только из-за того, что большая глубина - просто пополняется оно, как оказалось, подземными водами. Несколько лет тому назад приезжала экспедиция аквалангистов, которые выяснили, что под озером расположено целое подземное море, и, возможно, через карстовые пещеры оно соединяется с другими озерами. Как бы то ни было, но заплывать подальше от берега даже в жару решались лишь самые отчаянные.

Василий заглушил трактор и, выбравшись из кабины, стащил с себя пропыленную одежду. Хотел было и трусы снять, но потом подумал, что может еще подъехать какой-нибудь запоздалый рыбак, а того хуже - рыбачка. Замер у кромки даже на вид холодной воды, решаясь на последний шаг. Глубина начиналась прямо от берега, так что постепенно заходить в ледяную купель не было возможности - только сразу: либо «солдатиком», либо вниз головой.

Желание купаться у него к этому времени почти пропало, тем более, что от центра озера подползал плотный и вязкий, как будто даже кисельно-желеобразный, туман. Но, раз уж приехал...

Разогнавшись, он нырнул с отчаянной садомазахистской решимостью. Тут же пробкой вылетел на поверхность и яростно забарабанил по воде руками и ногами, надеясь хоть на несколько секунд оттянуть

приход сковывающего мышцы холода. Невысокий береговой обрыв, от которого его отделяло полтора десятка метров, уже был плохо различим – лишь узкой тенью угадывался в туманной мути. Василий стал разворачиваться, чтобы плыть к нему, когда рядом послышался сильный всплеск. Он удивился, что какая-то крупная рыба не испугалась поднятого им шума, и посмотрел в ту сторону...

* * *

Уже в сумерках Мак на веслах провел катер вдоль берега под скалу. Белые пенопластовые поплавки, подвязанные к концам сетей, были хорошо видны - они покачивались на спокойной волне, образуя прямую линию. Стараясь поменьше шуметь, загнал корму в выбитую ветром и водой небольшую нишу. Теперь, даже когда рассветет, заметить катер можно лишь очутившись возле самых поплавков. Но он-то будет иметь заведомое преимущество перед злоумышленником – это неожиданность.

Он закутался в шерстяной плед и, устроившись поудобнее, стал слушать. Слабая волна колыхала воду, и борт катера, монотонно поскрипывая, терся о скалу. С противоположного берега неясно доносилась какая-то танцевальная мелодия. Там светились окна туристических отелей, ярко вспыхивали фары проезжающих автомобилей, мерцали разноцветные огоньки реклам.

Понемногу он успокоился, потом вовсе расслабился, и мысли, немного поплутав на привычном каждодневном маршруте, переключились на Элен. Ах, Элен, милая крошка Элен! Стрельнула любопытными глазками - и пронзила его сердце навылет, а потом и вообще взяла в сладкий плен своими ласковыми маленькими ручками. Такой неукротимой любовной страсти он не переживал, пожалуй, с самой молодости, да и испытывал ли вообще? Только с Элен впервые ощутил себя настоящим, сильным мужчиной... Ведь она так изобретательна в любви, а ему катастрофически не хватает жизненного разнообразия. Жена последние годы ассоциируется с баобабом: так же массивна, непоколебима, да и в постели напоминает толстое бревно... Что ж, у него есть желанная женщина, пусть даже и «лягушатница», есть любимое и довольно прибыльное дело, вот только денег бы побольше! Тогда можно попросту наплевать на то, что на побережье не любят француженок - и молоденькая, хорошенькая женушка трепетно ждала бы его каждую ночь в супружеской постели. Глядишь, нарожала бы кучу славных малышей - он ведь так любит детишек...

Ночь тянулась бесконечно долго. У Мака давным-давно слипались отяжелевшие веки, и он дремал, боясь лишь окончательно провалится в глубокий, беспробудный сон, поэтому время от времени с усилием открывал глаза и несколько секунд таращился на далекие мерцающие огоньки. Но полагался, все-таки, больше на слух.

Начало светать: сначала стали хорошо видны белые поплавки, а потом и темная полоска противоположного берега проступила сквозь редеющий утренний туман. «Именно сегодня шутник, кажется, решил отоспаться...» - с раздражением подумал он. Стало обидно, что время потрачено впустую, что пришлось понапрасну терпеть неудобства. «Лучше бы провел эту ночь с Элен!» - пожалел Мак, и сердце учащенно забилось от этой сладостной мысли.

И все-таки он чуть не прозевал! Когда услышал всплеск и глянул на воду - один из поплавков уже очерчивал дугу. Он тащился за чем-то черным и блестящим, глянцевым горбом выступающим из воды.

Первая мысль была: «Аквалангист!» Он поспешно оттолкнул катер от скалы и суетливо надавил на кнопку зажигания. Двигатель яростно взревел - и катер, задирая нос, рванулся прямо на поплавки. Мак поспешно опустил рычаг газа и склонился над бортом - именно в этот момент под днищем промелькнуло что-то темное и, как ему показалось, слишком большое для аквалангиста. Пока снова запускал двигатель и подводил катер к образовавшемуся в сети проходу, длинная черная тень бесшумно проскользнула между поплавками. Так и не поняв, что это было, он направил катер следом. Настигнув подводный объект, Мак некоторое время мчался рядом, пытаясь определить его размеры и форму. Он уже понял что под водой не аквалангист. Может, подводная лодка? Нет, скорее огромная рыба, размеры которой трудно даже представить! Она мчалась совершенно бесшумно на небольшой глубине и не оставляла позади себя ни бурунов, ни пузырьков воздуха. Словно черный подводный призрак!

Катер Мака был одним из самых быстроходных на озере - он развивал скорость более пятидесяти узлов, но сейчас, не прогретый, чихал и сбрасывал обороты. Рыба, которой, видимо, надоело преследование, вдруг резко увеличила скорость и исчезла впереди, словно растворилась. Он понял бессмысленность погони и повернул назад. Пока проверял сети, руки дрожали от запоздалого возбуждения, и даже относительно большой улов не доставил должной радости. Мак все пытался сообразить, что это было и вдруг пришло прозрение: «Ну, конечно же, никакая это не рыба - это Несси!..».

* * *

Из молочно-белой пелены на Василия надвигалась большая серая коряга, во всяком случае, ему подумалось, что это плывет толстое дерево с торчащим вверх корнем. И тут корень плавно изогнулся и потянулся в его сторону... На Василия смотрела жуткая звериная морда с косматой гривой и выпуклыми, словно горящими изнутри зловещим красным светом, глазами. Такую и на картинке-то увидишь - испугаешься, а тут наяву...

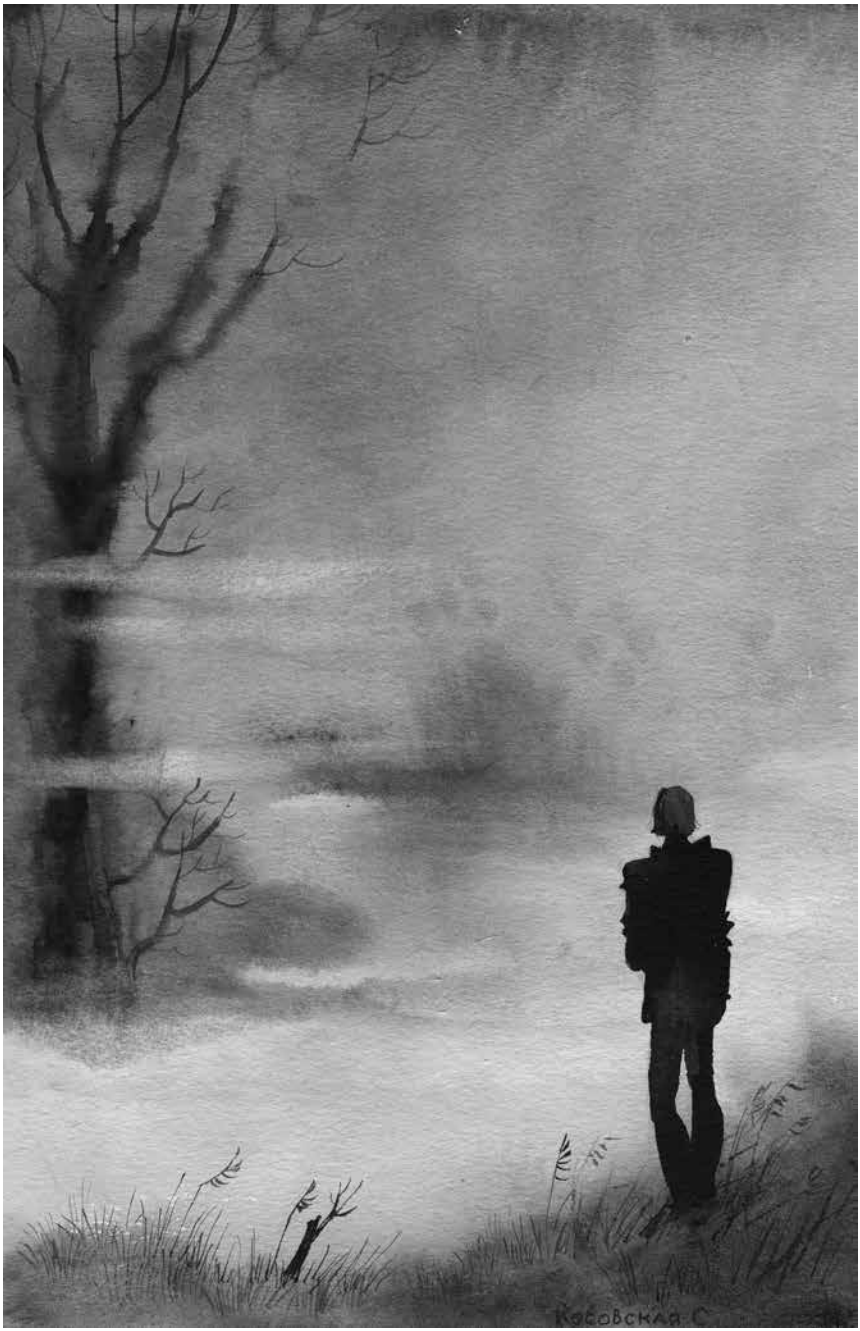
Он не помнил, как очутился на берегу, и даже как оказался на развилке дорог - просто в этот момент пришла запоздалая мысль об оставленном тракторе. Осознав ее, Василий резко остановился и, запутавшись в собственных ногах, чуть не упал. Как оказалось, он бежал в сторону села - точнее, мчался со всех ног, ничего не различая вокруг, как перетрусивший заяц. Теперь, сориентировавшись на местности, загнанно и очумело оглянулся назад, в белую стену тумана, которая катилась следом с такой же, как и он, скоростью. Непонятно где, далеко или близко, слышались гулкие хлюпающие звуки. Не иначе, чудище продолжало свое преследование?..

Так он не бегал, должно быть, со времен школьных соревнований. Только вылетев к крайним домам села, заставил себя перейти на шаг, тем более, что вконец запыхался, да и туман малость поотстал. Страх тоже несколько уменьшился, поэтому Василий решил не шокировать сельчан своими мокрыми «семейными» трусами, а пробираться к дому по-за огородами. Собственно, дело было вовсе не в шокирующем внешнем виде, а в том, что завтра поползут по селу всякие домыслы и пересуды.

Однако заскочить в дом незамеченным не удалось - неизвестно откуда взявшийся сосед залетел следом.

- Ты чего это в трусах через огород, как ошпаренный, летел? - поинтересовался он. - С какой-нибудь бабенкой муж прихватил?

Тайна жгла душу, и, немного поколебавшись, Василий рассказал Петрухе всю историю. По лицу соседа трудно было понять, верит он или нет, но, похоже, рассказ его ошарашил, потому что, против обыкновения, кроме глубокомысленного «Да-а-а...», других комментариев Василий от него так и не услышал. От тоже не стал дожидаться ни продолжения расспросов, ни выспрашивать мнение закадычного дружка по поводу увиденного, потому, что вдруг стало стыдно за свое позорное бегство в одном исподнем и он, махнув рукой, пошел умываться. А может, просто подумал, что вставать завтра придется очень рано и идти за брошенным трактором, пока его никто не обнаружил возле озера.


Косовская С.

Уже лежа в постели, открыл зачитанную до дыр книгу и отыскал в ней подходящий к данному случаю афоризм: «Не может отвечать за храбрость человек, который никогда не подвергался опасности...»

* * *

Следующая ночь прошла без происшествий - явно прослеживалось какое-то непонятное для Мака, необъяснимое, но твердое расписание. Он решил дежурить возле сетей столько, сколько понадобиться. В очередной раз Мак устроился с биноклем на скале, но бинокль и не понадобился - на рассвете он ясно увидел, как темный силуэт надвинулся на светло-желтый песок косы. Да, это была Несси! Именно такой ее обычно описывают: туловище длиной около тридцати футов и шириной втрое меньше, голова на длинной шее, две пары плавников и короткий конусообразный хвост. Неуловимая Несси! Ему почему-то очень захотелось, чтобы это оказалась именно женская особь. Отметил и одну странность - плыла Несси вперед хвостом, а длинную шею использовала в качестве руля. Ну, да у первобытных ихтиозавров могут быть свои причуды!

Затаив дыхание, Мак следил, как Несси зацепила зубами капроновый шнур, как отвела сеть в сторону и скользнула в проход. По известной лишь ей причине она не хотела отказываться от раз и навсегда выбранного маршрута - не желала огибать косу...

«Вот она, моя самая большая в жизни удача!» - ликовал Мак. Он всю жизнь верил, что когда-нибудь ему обязательно должно повезти. Теперь бы только не упустить счастливый случай, и схватить удачу за тот, один единственный, пучок волос на ее макушке!

От волнения он запустил подрагивающие пальцы в собственную шевелюру и даже потянул, примериваясь, как это сделать. А ведь и он, что греха таить, до сегодняшней встречи не верил в существование Несси. Может, потому, что надоели бесконечные разговоры: каждый второй уверял, что видел ее собственными глазами, но не мог объяснить, где она умудряется прятаться. Легче было поверить, что по озеру плавает американская или русская подлодка и фотографирует полуголых туристов для каких-то секретных целей. Каждому из «очевидцев» Мак говорил одно и то же: «Бред!» И даже своему соседу Кристоферу Робертсону процитировал слова из какой-то газетенки «Врешь, как очевидец!», хотя тот клялся своими детьми и чуть не заплакал от обиды... Теперь же он не только сам убедился, но и может отныне приходить на гарантированное рандеву, правда, с интервалом - через день! И он непременно придумает, как заработать призовые десять

тысяч фунтов, которые пообещала за Несси фирма «Катти Сарк»! Для них, естественно, десять тысяч - пустяк, ведь, если налепят на бутылки с пивом изображение собственного «морского дьявола», то прибыль будут грести лопатой... Но и он, Макдональд, тогда станет самым известным человеком на побережье. Туристы будут валом валить в его ресторанчик, чтобы хоть одним глазом взглянуть на знаменитого Мака Фимборн! А он обязательно повесит в зале огромную фотографию, на которой будет запечатлен рядом с ней, с Несси...

* * *

Коллегам-механизаторам Василий решил о чудище не рассказывать - и не только потому, что опасался подначек, просто вчерашнее происшествие сегодня воспринималось несколько по-другому, с меньшей степенью реальности, что ли... Действительно, уж не приснилось ли ему все это в кошмарном сне? Однако «Кировец» возле озера ночевал... Значит, перегрелся вчера за день в кабине, вот и померещилось…

Перед обедом на пахоте объявился агроном. Шофер Костя с агрономовского «Уазика» подошел к Василию и с ехидцей спросил:

- Ну, как там лохнеесский динозавр поживает? Не спрашивал, чего он прописку сменил?

Василий на всякий случай сделал вид, что не понял вопроса и недоуменно пожал плечами.

- Я тут Петруху подвозил, - продолжал наседать Костя, - так он когда рассказал, мы с агрономом чуть со смеху не лопнули. Совсем, говорит, деревня запилась, скоро чертей начнут по улицам ловить. Признайся, ведь разыграл Петра?..

Тут бы Василию и сказать «да» - на этом, может быть, вся истории и закончилась бы, но его словно кто за язык дернул:

- Тебя бы туда - небось заикой на всю жизнь остался бы...

В обеденный перерыв к нему подсел электрик Валера по прозвищу Балабол. Составив на стол тарелки с подноса, ухмыльнулся и громко, на всю столовую, спросил:

- Не видно что-то, чтобы тебя покусала зверюга. Может, что незаметное откусила, а? Интимное, например... - он заговорщически подмигнул. - То-то, я смотрю, ты к своей подружке Светке не приходил нынче ночевать. Говорят, они - как Светка, так и «Несси» - очень любят этот самый лакомый кусочек...

Балабол громко заржал на всю столовую. Те, кто расслышал его слова, тоже покатились со смеху.

Валеру по имени в селе давно никто и не называл - только Балаболом. То есть, поначалу прозывали то Треплом, то Пустомелей и даже Мозгодолбом, но прозвище Балабол постепенно вытеснило все остальные. За свой поганый язык он не раз и по физиономии получал, и клятвы давал после этого, что не будет больше трепаться, но подлая натура, в конце концов, снова брала верх. Последнее время он не давал проходу Василию - и все из-за продавщицы Светки, которая на его притязания непреклонно отвечала отказом, потому как была безгранично и настолько же безнадежно влюблена в философствующего тракториста. Так что сейчас Балабол мстил им обоим.

Василий не стал вступать в перепалку - просто взял со стола полную тарелку борща и вылил Балаболу на голову. Но подраться им не дали - растащили. На шум зашли главный механик и не ко времени приехавший к механизаторам председатель совхоза, который тут же пригрозил строго разобраться и наказать виновного. Виноватым получался, вроде бы, он - Василий...

Механик же, уходя, бросил в сердцах:

- Эх-х! А я еще хотел тебя на новый трактор посадить! Теперь не знаю... Драку, видишь ли, затеял. Перегрелся на солнце, что ли? В другой раз начнешь вдоль озера за своим динозавром на тракторе гоняться...

- Что уж Вы меня, совсем за дурака считаете?

- А за кого я тебя после всего этого должен считать? С тебя-то какой спрос, а я должен молча выговоры получать?.. В общем, принесешь справку от психиатра, тогда поговорим.

- Да пошли вы все... - разозлился Василий, и уточнил, куда именно.

* * *

Мак укрепил под днищем катера два длинных гибких проводника с контактами на концах - при одновременном нажатии между ними проскакивал мощный электрический разряд. Перед этим он специально заехал на биологическую станцию и, прикинувшись «чайником», полчаса простодушно расспрашивал о воздействии электричества на животных. Оказывается, почти все живые существа повергает в шок разряд всего в несколько десятков вольт! Мак еще пошутил, что люди, должно быть, адаптировались к электроэнергии, раз в тюрьмах к электрическому стулу подводят напряжение в десятки тысяч вольт... Но ему-то не надо убивать Несси, достаточно на некоторое время оглушить ее - потом хомут на шею, а металлический трос, другой конец которого надежно закреплен на берегу, удержит и не такую махину. Конечно, проще и

надежней было бы вместо электродов установить на катере гарпунную пушку, но, ничего не поделаешь - как предупреждает общество защиты животных, «причинение вреда животным особям, чье существование скорее сомнительно, карается в судебном порядке...» Это лишь для него, единственного на всем побережье, их существование уже не вызывает сомнения! А если все-таки она не выдержит разряда и окочурится?.. – спрашивал себя Мак. - Ну, тогда никто и не узнает, что он держал в руках десятитысячный приз! Определенно, трупы ихтиозавров не всплывают, иначе бы не один обнаружили за столько лет. Он в этом случае потеряет только приз, но, в конце концов, деньги появятся и без Несси, только не так быстро...

На сей раз Мак заметил ее, едва шевельнулся пенопластовый шар. Включив зажигание и резко выжав газ, направил нос катера в ту точку, к которой перемещался поплавок. Он хорошо рассчитал траекторию и предварительно отрепетировал атаку: катер на скорости должен был промчаться над ихтиозаврихой и зацепить ее только электродами. Мак не боялся столкновения, так как на такой скорости осадка катера составляет каких-то пятнадцать дюймов.

Видимо он предусмотрел не все… В последний момент, когда уже ясно увидел темную тень в воде, могучая сила подкинула катер вверх. Последнее, что осталось в памяти, это бешеный рев двигателя, ощущение полета, оглушающий удар и прилив гасящей сознание тошноты...

Мак не смог бы точно сказать, сколько времени пробыл без сознания. Должно быть, недолго, потому что ощутил, как в рот и в нос нескончаемым потоком вливается вода. Вот только никак не мог сообразить, с какой стороны находится поверхность, и, потеряв пространственную ориентацию, даже не пытался барахтаться. Уже почти захлебнувшись, но все еще продолжая цепляться за жизнь затухающим сознанием, вдруг с удивлением осознал, что его вытаскивают из воды, ухватив сзади, за куртку. Вот он уже висит высоко в воздухе, а одежда больно врезается швами в отяжелевшее тело. В мозгу возникла не оформившаяся, болезненная из-за своей несуразности мысль «Откуда здесь взялся подъемный кран?..».

Его бережно опустили на песок, и Мак тотчас ощутил давящую тяжесть во всем теле. Подтянув одну ногу к животу, он сделал невероятное усилие - и перевалился на бок: проглоченная вода хлынула изо рта, стала болезненными толчками подниматься из желудка. Корчась на песке от начавшихся спазмов, он улавливал затуманенным взглядом то крутой скалистый берег, то поверхность озера, то что-то гибкое и

длинное, уходящее в глубину. Потом над водой поднялось нечто совсем уж непонятное, лишь отдаленно напоминающее звериную голову с двумя далеко выступающими агатово-черными глазами. Но у него даже не было сил осмыслить кошмарную галлюцинацию...

* * *

Через неделю должно было состояться общее совхозное собрание. В объявлении в раздел «разное» включили и вопрос о безобразном поведении тракториста Василия Петрова. Можно было не сомневаться, что, с подачи главного механика и самого директора, ему всыплют по первое число.

Два дня Василий ходил как в воду опущенный, а в пятницу после обеда к его трактору подрулил Костя на «Уазике» и попросил:

- У тебя, помнится, когда-то чугунный казан был? Дай на завтра, чтобы плов приготовить, а то районное начальство с проверкой приезжает. Хотим их потом на озеро свозить. Вроде, как на рыбалку... - Костя ухмыльнулся. - Я уже за ящиком коньяка в районный гастроном смотался. Не знаю, как насчет рыбалки, а уха и все остальное вечерком будут по высшему разряду. Пришлось директору изрядно потратиться, но, как говорит понимающие люди, «не подмажешь - не поедешь»...

И тогда в голову Василия Петрова сначала робко попросились, а потом настойчиво протиснулись друг за другом две умные мысли. Первая состояла в том, что это не просто случай, а судьба, которая, как известно, «не глупее нас» - ведь, если чудище увидит начальство, то уж им-то поверят. Вторая мысль была чужая, то есть, не совсем чужая, а все того же Ларошфуко: «Хотя судьбы людей очень несхожи, но некое равновесие в распределении благ и несчастий как бы уравновешивает их между собой».

До конца дня в голове четко сложились все этапы и детали гениальной операции. На сей раз он даже с работы уехал вместе со всеми, чтобы успеть изготовить реквизит предстоящей комедии.

«Тушу» чудовища он решил составить из двух накачанных камер от «Кировца». Если сверху накрыть их серым брезентом, то туловище будет выглядеть очень даже правдоподобно. Голову довольно быстро сшил из толстого рыжего паролона, который выпотрошил из старого автомобильного сидения. Правда, она получилась больше похожей на лошадиную – ну, да кто ее будет дотошно разглядывать?!. Глаза из велосипедных «котофотов» под лампой отсвечивали красным демоническим светом, а йод и зеленка из медицинской аптечки вполне заменили акварельные краски. Вот с длинной шеей пришлось возиться

довольно долго, потому как она должна была хоть немного сгибаться. Тут уж помогли две веревки и трактористская смекалка.

Прорабатывая в уме будущую операцию, он рассуждал, что ящика коньяка гуляющим должно хватить до темноты, тем более, что одним коньяком дело вряд ли ограничится. Насчет тумана Василий тоже не сомневался - он собирался над озером каждый вечер. Единственное, что было нужно сделать заранее, так это отвезти составляющие чучела рано утром к озеру и надежно спрятать в кустах.

* * *

Со времени той неудачной охоты прошел год. Газеты периодически сообщали о появлении Несси то на одном, то на другом конце озера. Но в последнее время ихтиозавра чаще всего видели напротив недостроенного ресторана Мака Фимборн, причем очевидцами оказывались сразу по несколько десятков человек. Газеты даже стали рекомендовать туристам, мечтающим непременно увидеть «подводного дьявола», посетить это место... Финансовые дела Мака пошли в гору, и он, как положено состоятельным людям, приобрел довольно экзотическое хобби - подводное плаванье с аквалангом. Что ж, причуды богатых редко вызывают удивление!

Кто бы знал, что каждое погружение было для Мака отнюдь не удовольствием, а, скорее, испытанием духа. Раз за разом он приходил к убеждению, что никогда не свыкнется с маской, с проклятыми лягушачьими ластами, от которых потом чертовски болят ноги! И уставал он не столько от физических нагрузок, сколько от психологических - все время казалось, что в баллонах вот-вот закончится воздух. Да еще этот громоздкий, трудно управляемый контейнер...

«Надо бы сделать контейнер обтекаемым и выписать «подводный велосипед» - буксирующий аппарат, какой он видел в фильме Жака Кусто. Где-то же их производят? - рассуждал про себя Мак. - С другой стороны, такое оснащение может навести на подозрения тех же дотошных газетчиков! Хорошо еще, что брат Чарльз здоров, как бык, да и в подводном плавании поднаторел в молодые годы... «

Мак вдруг ощутил нехватку воздуха и сделал несколько судорожных вздохов, готовый в следующий момент рвануться к поверхности. Но, видимо, дело было просто в усталости, потому что дыхание тут же восстановилось. Раньше он поступал с контейнером иначе - сбрасывал ночью с катера, но теперь чересчур много наблюдателей маячат на берегу даже по ночам. Если бы не Чарльз, тяжко бы ему сегодня пришлось... Кто бы знал, каких усилий стоило ему уговорить брата разок поучаствовать в деле.

«И чего бы ему артачиться: свежий воздух, спокойная работа, и нет ничего такого, что можно бы было квалифицировать, как противозаконное? - убеждал себя Мак. - Если разобраться - это обычная мистификация, можно даже сказать, шутка! Такое уже бывало не раз: ну, напишут в газетах, ну, посмеются - а через неделю-другую история сама по себе заглохнет, а через полгода и вообще забудется... Нет, стоит еще раз попытаться уговорить Чарльза переехать сюда на постоянное жительство! Подумаешь - инженер?.. Их фирму можно будет назвать «Братья Фимборн». Звучит, как будто, неплохо? Через несколько месяцев зарабатывать будет ничуть не меньше, чем у себя в Глазго. А диплом можно повесить в рамке на стену - тоже неплохая рекомендация для туристов...»

Мак посмотрел на часы и прикинул, сколько времени они в пути. Получалось, что до желтого буйка плыть еще минут пять.

«...А как он радовался три года назад, когда младший брат закончил университет и устроился на работу в фирму! Да и как было не обрадоваться: хорошая зарплата, шикарная квартира - Мак сам видел, когда ездил к нему в гости в Глазго. И погордиться успел: все-таки первый инженер в их роду! Но фирма сократила производство, и Чарльз вот уже два месяца не может найти подходящую работу. Хотя, может это и к лучшему?.. - Мак глянул на компас и взял чуть вправо. - Действительно, через неделю откроется ресторан «У Несси», и у него, Мака, станет значительно меньше свободного времени. Без помощников ему никак не обойтись, а Чарльз может ловить лососей. Он ведь не новичок в рыбной ловле, хотя и воротит сейчас от нее нос. А в детстве, помнится, всегда был удачливее других...»

Мак покосился на Чарльза, вернее, на ту его часть, что не была закрыта контейнером и мерно, словно русалка хвостом, помахивала зелеными ластами. Брату и Элен - только им двоим он доверил свою тайну, да и то не всю...

«Лишь он, Мак Фимборн - единственный хранитель всей тайны... А сам то он уверен в том, что видел? - в который уже раз задал себе Мак вопрос, и снова стал себя убеждать: - Конечно, уверен! Потому что у живых существ не бывает таких непроницаемо-черных глаз, выступающих далеко вперед челюстей и непомерной, словно бы гофрированной, шеи... Даже если все это померещилось тогда, на берегу, то остается еще чудесное спасение и невероятная, необъяснимая скорость...»

Он снова посмотрел на компас, потом поднес к глазам часы: если судить по времени, то намеченная точка где-то рядом. Внимательно

осмотрелся вокруг: справа, возле самого дна, виднелся небольшой красный буек - значит, они сейчас находятся как раз напротив ресторана.

«Как же они с Чарльзом желтый-то буек просмотрели? Неужели кто-то снял? Нет, скорее всего, раздумья притупили внимание, а Чарльз вообще плывет в первый раз... Но на обратном пути непременно нужно будет проверить, а то без буйков под водой невозможно ориентироваться. Сегодня еще день ясный - вон оно, солнце, просвечивает желтым глазом сквозь толщу воды... Ну что ж, пора устраивать представление! В его ресторане заканчивается отделка, но в открытом кафе, наверняка, сидят десятка три туристов с биноклями. Хозяйка Элен вовремя обратит их внимание на всплывающую Несси, да и с пляжа этот участок озера хорошо виден... Милая крошка Элен! Когда он осознал весь ужас открывшейся ему тайны, то одновременно с этим понял, что готов отдать все, что у него есть, за то, чего у него нет - то есть за последнюю и единственную любовь...

Мак похлопал по контейнеру и показал рукой Чарльзу, что прибыли на место. Раскрыв контейнер, они вытащили свернутую в рулон «несси» и присоединили к ней газовый баллон. Резиновая оболочка стала быстро наполняться и потащила их вверх. Мак снова подумал о том, что будет твориться через несколько секунд на берегу и невольно улыбнулся. Он представил, как вскакивают из-за столиков туристы, достают дрожащими руками фотоаппараты и видеокамеры, как весь пляж бежит к пункту проката биноклей, как останавливаются автомашины... Несси! Несси опять показалась!!!

* * *

Отогнав после работы «Кировец» на базу, он прошел до дома по улице, у всех на виду - а потом по-за огородами пробрался к озеру. Там накачал камеры и, собрав свою хитрую конструкцию, стал дожидаться тумана. Не вытерпев, все-таки осторожно прокрался к береговому изгибу - поближе к отдыхающей компании.

На берегу стояли две машины: агрономовский «УАЗ» и приезжая «Нива». Возле костра сидела довольно большая компания. Василий насчитал семь человек: два шофера, председатель совхоза с замом, агроном, незнакомый тучный мужик - начальник из района, и откуда-то взявшийся районный прокурор. Веселье было в самом разгаре, так что пока все шло строго по плану.

Когда, наконец, туман с середины озера устремился в нужном направлении, Василий спустил резиновое «чудище» на воду. Тихонько

подгребая веслом, отплыл подальше от берега, чтобы потом по дуге приблизиться к костру. Как оказалось, в густой пелене ориентироваться крайне сложно: голоса звучали как бы со всех сторон. Василий совершил пару больших кругов, пока не определил с уверенностью, в каком направлении звуки яснее и громче. Когда разглядел отблеск костра, осторожно отгреб в сторону. Теперь оставалось только проплыть вдоль самого берега, чтобы подгулявшая компания смогла его увидеть.

Когда стал различим не только костер, но и силуэты людей возле него, Василий осторожно соскользнул со спины «чудища». Вода в ту же секунду заледенила не только тело, но казалось, и саму душу, родила мысли о средневековых казнях и пытках. Подумалось даже, почему-то, о легендарном Джордано Бруно. А что, тому ведь тоже не поверили, и только время доказало его правоту…

Почти поравнявшись с компанией, он хлопнул рукой по воде, чтобы привлечь внимание, и поднырнул под конструкцию. Внутри резиновой камеры можно было не только дышать, но даже слушать, что происходит на берегу. Правда брезент и плеск воды сильно приглушали все звуки.

Поднявшийся на берегу галдеж и чей-то дикий вскрик он расслышал, правда, слова разобрать не мог. Потом раздался довольно громкий хлопок. Когда после второго хлопка камера зашипела змеей, он понял, что с берега в него стреляют.

«Черт возьми, так ведь и подстрелить могут!» - испуганно пробормотал Василий. А дальше инстинкт самосохранения сработал сам по себе - без вмешательства каких-то направляющих мыслей и, естественно, без анализа вероятного продолжения событий. Набрав в легкие воздуху, Василий нырнул. Он отплыл довольно далеко, когда хлопнул еще один, последний выстрел, потом взревел двигатель автомашины, и в тумане, как два огромных мутных глаза, вспыхнули далекие фары. Самое удивительное, что холода Василий больше не чувствовал, не ощущал он на этот раз и тени смущения по поводу поспешного бегства. Ибо, как сказал в свое время, не боясь обвинений в трусости, блестящий мыслитель Франции: «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор».

* * *

- Это ты ловко придумал! - в который уже раз восхищенно повторил Чарльз, когда они в гараже скатывали в рулон просохшую «несси», чтобы упаковать в контейнер. - И даже похожа на настоящего динозавра, каким его изображают в газетах.

- Еще бы, - отозвался Мак, - ведь за образец я взял рисунок из книги Рея Ланкестера, а он известный ученый и разбирается в этих ихтиозаврах, надеюсь, не хуже, чем ты в строительных науках.

- Гениально, - снова повторил Чарльз. - Завтра все газеты выйдут с фотографиями, а твое кафе будет опять переполнено туристами и корреспондентами. Я, конечно, понимаю, что бизнес важнее всего, но ты не боишься, что нас, в конце концов, поймают с этой штукой - уж больно долго выходит из нее воздух?

- Но ты же инженер, вот и придумай что-нибудь! И, кроме того, за рестораном уже закрепилась соответствующая репутация, так что какое-то время можно будет показывать «несси» пореже.

- Ладно, старина, пойдем пропустим по рюмочке виски, а то, как я замечаю, ты изрядно устал. С твоими заботами, да еще после ночи с молодой женой, - Чарльз озорно подмигнул, - нелегко по столько времени торчать под водой.

«А что еще остается делать? - устало рассуждал Мак, когда они зашагали по дорожке к дому. - Одно дело, доисторическое животное, периодическое появление которого щекочет нервы пресытившихся толстосумов и совсем другое - искусственный аппарат, неизвестно кем и неизвестно зачем запущенный в озеро. А он уже почти не сомневался, что видел именно робота. Но, узнай об этом богатые туристы, и их с побережья словно ветром сдует, ведь никто не может предсказать, что на уме у машины или у ее неведомых хозяев. А то еще понаедут военные со своей техникой - разгонят рыбу, опутают все озеро колючей проволокой!.. Лучше, если об этом никогда и никогда не узнают - достаточно, что он от такого открытия напрочь лишился покоя... Хорошо хоть, что Нэсси - Мак продолжал именно так называть неведомый аппарат - изменила свой маршрут и больше не подплывает к скале. Значит, есть шанс, что никто не увидит ее так близко, как он. Это только людское воображение может приписывать подводному аппарату черты динозавра. Во всяком случае, его резиновое чучело имеет гораздо большее сходство с «подводным дьяволом»...

* * *

Утром Василий уехал на пахоту одним из первых, поэтому отголоски ночного происшествия не услышал, зато в обед все разговоры в столовой были только об этом. Потом подкатил шофер Костя и, отведя Василия в сторону, поделился:

- Восстановили мы, Вася, твое честное имя, так что не переживай. Было тебе отчего и в штаны наложить - шутковал кто-то на озере с

жутким чучелом динозавра. Прокурор так и сказал, «мистифифи... мистификация это».

- Что, что? - не понял Василий.

- Надувательство, в общем. Прокурор говорит, что уже и след этих преступников зацепил. Ну, не завидую я шутникам, потому как по их вине инспектирующего положили в больницу с инфарктом. И неизвестно еще, выживет ли...

«Вот ведь судьба, - думал Василий с тоской. - Теперь засудят, как пить дать, засудят! А если этот районный начальник, не дай Бог, помрет, то могут, наверное, лет восемь припаять... Господи, хоть бы вынырнул еще раз этот зверь! Тогда, наверняка, уголовное дело закроют. Только бы увидел еще кто-нибудь этого динозавра ли, дракона ли... Да пусть там хоть «черт в стуле», лишь бы показался еще раз!..»

КАТАСТРОФА
(Рассказ)

Будущие события отбрасывают назад свою тень.
Томас Кемпбелл

1.

Незнакомец на лесной тропинке появился неожиданно: то ли, действительно, возник из ничего, то ли Иван Петрович, погруженный в поиски грибов и сопутствующие мысли, заметил его только сейчас. При появлении чужака бессистемные мысли сперва ошалело столпились под черепной коробкой, потом, словно испугавшись, разом кинулись врассыпную, желая спешно покинуть ее. Осталась одна - последняя и самая конкретная - перед ним инопланетянин.

Присмотревшись, Иван Петрович окончательно утвердился в своей догадке. И дело было не только в серебристом облегающем скафандре, и даже не в выпуклых и явно великоватых глазах - просто в нем было что-то такое...

В общем, осознать это «что-то» Иван Петрович попросту не успел, потому что в следующее мгновение почувствовал, как воздух вокруг него вроде бы уплотнился и перестал пускать вперед. И назад тоже... А в ушах зазвучал голос - именно в ушах, потому что губы инопланетянина и лицо в это время оставались неподвижными. Иван Петрович даже невольно подумал о маске, как средстве маскировки...

- Мне крайне необходимо выше радиоприемное устройство, - вещал бесстрастный голос, - вернее, одна его деталь. Положите устройство на землю и отойдите.

Это прозвучало, как приказ. Тут же Ивана Петровича помимо воли согнуло в пояснице - так что ничего другого и не оставалось, как только положить японский транзисторный радиоприемник на тропинку. Потом мягкая, но настойчивая сила принудила его отступить на несколько шагов назад. Он, словно робот или зомби, вынужден был беспрекословно подчиняться.

Инопланетянин неспешно «подплыл» к радиоприемнику. Иван Петрович с интересом и не без некоторого страха наблюдал, как чужак

передвигается. Тот словно бы плыл по воздуху, совсем не переставляя ноги и явно пренебрегая земной гравитацией. Потом из его руки выдвинулся тонкий блестящий щуп - и приемник вмиг очутился перед глазами инопланетянина. Разобрал и собрал его чужак с невероятной скоростью - буквально за минуту.

«Да, это не в нашей радиомастерской», - отметил Иван Петрович с некоторым сожалением об испорченной вещи.

- Заберете его не раньше, чем через час. Это - условие для сохранения вашего здоровья, - бесстрастно предупредил голос и, после некоторой паузы, добавил:

- В качестве компенсации можете задать один, самый главный для Вас вопрос.

- Что есть человеческий разум? - спросил Иван Петрович и сам удивился совсем не нужному ему философскому вопросу, плававшему, по-видимому, где-то на поверхности и выхваченному из сознания случайно.

- Человеческий разум? - в бесстрастном голосе, как почудилось Ивану Петровичу, прозвучала нотка удивления. - Это...

Инопланетянин при помощи щупа вернул приемник на место и сделал жест, немного смахивающий на покручивание пальцем у виска.

Иван Петрович хотел было сказать, что такое объяснение ему не ново, но возражать чужаку не решился - кто знает, как тот отнесется к несговорчивости и, даже, назойливости? Лучше уж не испытывать судьбу...

Инопланетянин, между тем, не то чтобы развернулся, а просто нарисовался спиной и, даже не попрощавшись, «поплыл» себе спокойно, пока не скрылся за поворотом тропинки. И тут внутри Ивана Петровича опять зазвучал бесцветный голос:

- Земляне еще не готовы воспринять сложную информацию о разуме. Взамен предлагаю полезную: пятнадцатого числа около десяти часов по вашему поясному времени в районе гидростанции произойдет метеоритный удар. Возможно большое количество жертв...

Когда смысл сказанного дошел до сознания Ивана Петровича, его даже в жар бросило. Как же это? Двухсотметровая стена воды обрушится вниз, сметая все на своем пути. И поселок... И его дом... И внучку Ольгу, и дочь Марию, и всех знакомых... И еще много-много других людей... Но, надо же их предупредить!!!

Он бежал к поселку, пока окончательно не запыхался. Ноги сделались ватными, в глазах потемнело - и Иван Петрович без сил опустился на

тропинку. Но от физического бессилия вернулась, наконец, способность соображать.

«Когда же это - пятнадцатое?» - подумал он и напугался, что совершенно не помнит, какое сегодня число. Наконец догадался взглянуть на циферблат подаренных зятем электронных часов. Цифра «12» немного успокоила - выходило, что у него в запасе еще целых трое суток. Вот тогда возможность логически мыслить вернулась окончательно.

Итак, у него еще уйма времени. Он сумеет всех предупредить! Он спасет тысячи людей. Он станет известным по всей стране... Нет, во всем мире! Газеты, телевидение. Его даже должны наградить...

Последняя мысль вызвала у него усмешку: «Боже мой - какая только чушь не взбредет в голову!.. Главное, чтобы все остались живы!»

2.

Старое правило требует трех условий для постижения истины: говорить правду, говорить только правду, говорить всю правду. Видимо Иван Петрович упустил какой-то из этих пунктов, иначе история выглядела бы более достоверной, а так дочь Мария в его сбивчивый рассказ просто не поверила.

- Папа, у тебя шуточки всегда неудачные. Или ты новый рассказ для своей книжки пишешь?

- Это слишком серьезно, чтобы шутить.

- Да тебя уж давно никто всерьез не воспринимает, кроме Ольки.

- Ну, это ты слишком.

- А кто тебе, кроме родной дочери, правду в глаза скажет?..

- Там и приемник лежит. Он еще должен излучать какую-то энергию - так что можно проверить!..

- Ну, вот. А Игорь его на твой день рождения специально из Японии вез. Доллары, между прочим, платил...

- Я сейчас схожу. Тут недалеко... - вспомнив о пропаже, Иван Петрович смутился.

Приемника, на тропинке не было. Он еще посомневался насчет места, но - вот и приметное корневище-коряга. Значит, кто-то подобрал.

- Ты все это выдумал, - заявила дочь, когда он вернулся, - а приемник просто потерял. Стоило врать из-за какого-то приемника...

- Ты говоришь, как идиотка! - взорвался Иван Петрович, окончательно поняв, что не может убедить дочь.

- Я говорю так, чтобы ты понял!

- Думаешь, я не понимаю твой намек? Конечно, я для тебя никогда не был авторитетом! Ты ведь всю жизнь была самодовольной дурой, и даже институт ничего не изменил. Высшее образование не добавляет ума...

- Папа, тебя, как родину, лучше любить издалека!..

«Ну, вот и поговорили, - рассуждал Иван Петрович в своей комнате, постепенно остывая. - Не был бы зять Игорь в командировке, быстро поставил бы ее на место... Но, в конце концов, - если молодежь научится понимать пожилых, то мир будет населен одними стариками».

3.

В природе все уравновешено: если вам плохо, значит кому-то хорошо. Эта мысль каждый раз приходила в голову Ивана Петровича при встрече с заместителем главного редактора городской газеты Сан Санычем Кузякиным. Памятуя об их прежней дружбе, Сан Саныч внешне очень доброжелательно расспрашивал его о делах, но истинную реакцию выдавало его лицо: словам сочувствия никак не соответствовало торжествующее выражение глаз. И, наоборот, когда он говорил «Я рад за тебя» - лицо каменело, как при старательно скрываемой зубной боли. Кто-то из юмористов сказал: «Не делитесь с друзьями своими радостями - берегите их нервы». Действительно, когда-то они были большими друзьями, но с той поры много воды утекло...

Как нарочно, главный был в командировке, и беседовать пришлось со «старым другом».

- Сколько лет, сколько зим?! - Сан Саныч поднялся с редакторского кресла и театрально вскинул руки для объятий, при этом его редкая - под Достоевского - борода смешно задралась вверх.

- Ты, как я замечаю, отпустил бороду и, одновременно, ровно на столько же полысел - так что подтверждается закон сохранения материи.

- А ты все так же остроумен, - Сан Саныч хохотнул. - Как твои успехи на писательском фронте? Скоро в Союз писателей принимать будут?

С одной стороны, налицо была ответная шпилька, а с другой - у Сан Саныча это был «пунктик». Когда сокращали штат редакции, то оставили его, имеющего членство в Союзе журналистов, а не Ивана Петровича, выпустившего к тому времени книгу повестей, но на журналистские «корочки» взиравшего с пренебрежительной усмешкой. Решение принимал главный редактор, но чувство причастности к явной несправедливости Сан Саныч чувствовал, видимо, до сих пор.

Сейчас выбора у Ивана Петровича просто не было, и он изложил ситуацию.

- М-да-а... Так, говоришь, через три дня?

- Пятнадцатого числа в десять утра.

Сан Саныч принюхался, видимо пытаясь уловить исходящие от Ивана Петровича алкогольные запахи. Ничего не унюхав, спросил:

- Ты, это самое... головой в последнее время не стукался?

- Да все у меня нормально. И посмешищем в поселке не хочу оказаться на всю оставшуюся жизнь, так что с головой, как можешь судить, у меня благополучно.

- М-да-а...

- Ты мне не веришь?

- Верю, конечно, а вот... редактор не поверит. Если бы ты предоставил какое-нибудь вещественное доказательство...

- Ага, летающую тарелку приволок!

- Ну, тарелку не тарелку... А так не могу. Понимаешь, авторитет газеты...

- Разговор идет о тысячах жизней, а ты о каком-то сиюминутном газетном имидже!

- Ладно, допустим, что был инопланетянин. Но откуда ему знать, что случится через три дня? Скорее всего, он просто пошутил.

- А если нет? Тогда эта публикация тебя навсегда прославит, как газетчика! - у Ивана Петровича оставалась еще надежда на тщеславие «старого друга». - Ты ведь всю жизнь писал только о незначительных событиях, по-существу о пустяках.

- Пусть так, но, знаешь, маленькая рыбка все-таки лучше большого таракана.

- Слушай, что я тебе скажу: старость начинается в тот день, когда умирает отвага...

«Все мы похожи на публику, которая дерется из-за билета в трамвае, тогда как рельсы обрываются в пропасть, - с грустью думал Иван Петрович, возвращаясь к себе домой. - Так, кажется, писал Андрей Белый?.. Но, неужто во всем поселке не найдется хотя бы один здравомыслящий человек?»

4.

Кто-то из восточных мудрецов говорил, что если долго стрелять в ручей - обязательно попадешь в рыбу. Иван Петрович после двух промахов решил не отчаиваться, а просто стрелять более прицельно. В

конце концов, кто больше всех должен быть заинтересован в сохранности плотины и в безопасности жителей - конечно же, руководство ГЭС.

Принял его главный инженер гидроузла, чему Иван Петрович очень обрадовался, ибо знал его, как знающего и очень неглупого человека. По мере изложения своего рассказа, он видел, как мрачнело лицо главного - и откровенно этому радовался.

- Ну, что я вам скажу? - главный поправил сползшие очки. - Плотина спроектирована абсолютно надежной, с троекратным запасом прочности. Даже атомная бомба, какая была сброшена на Хиросиму, не сможет причинить ей большого вреда, а, тем более, не приведет к полному разрушению...

- Но ведь здесь метеоритный удар. Масса, помноженная на скорость...

- Крупные метеориты на Землю падают крайне редко. И даже такой, как Тунгусский, ей не страшен, - главный будто бы отвечал на вопросы назойливого экскурсанта.

- Но Вы мне верите насчет инопланетянина?

- Ну, в наше время вообще не знаешь, чему верить, чему не верить.

- Раз он предупредил, значит, в этом был смысл?

- Определенный, конечно, был. Когда предупреждают о стихийных бедствиях, всегда стараются посильнее напугать обывателя. Наш народ, он ведь знаете какой: пока гром не грянет - русский мужик не перекрестится.

- Все так, но умный знает, как выбраться из ситуации, а мудрый знает, как в нее не попасть, - Иван Петрович начал горячиться.

- Мы примем к сведению Вашу информацию, но, повторяю: наша плотина абсолютно безопасна.

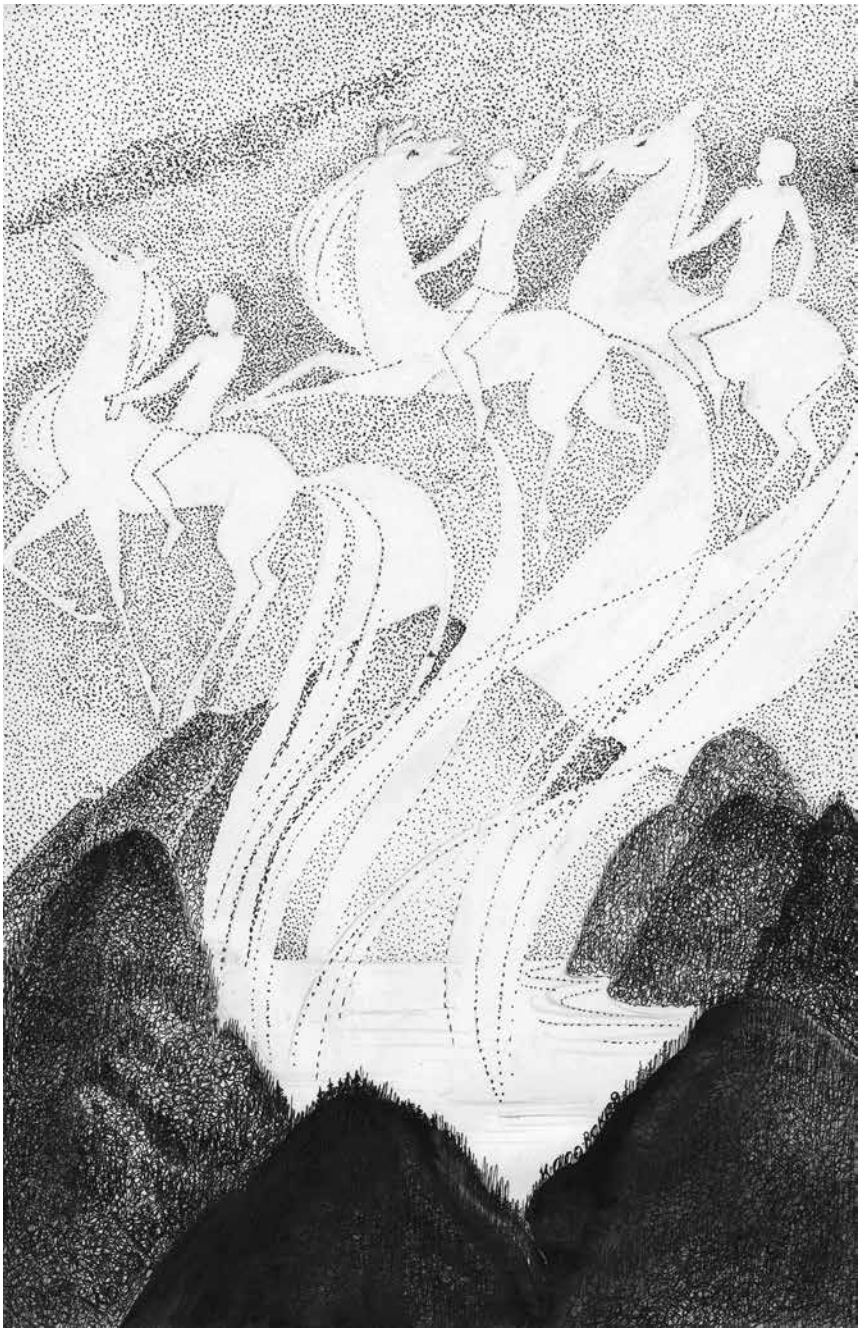
- Безопасность - это когда знаешь, как увернуться от опасности. Если погибнут люди - это будет и на Вашей совести.

- Будем надеяться, что этого не произойдет.

- Надежда - мать дураков! - Иван Петрович не заметил, как потерял контроль над собой.

- Не тот дурак, кто сказал, а тот - кто поверил, - парировал главный, наливаясь краской. - Если бы я не знал Вас раньше, как умного и трезвого человека, то попросил бы сотрудников вывести из моего кабинета. Надеюсь, наш беспредметный разговор закончен?

Что ж, когда говоришь с умным человеком, рискуешь оказаться глупее его, а если попытаешься доказать обратное, то, вероятнее всего, наживешь врага. Это друзей нам дарует судьба, а врагов мы создаем себе сами.



5.

- Тут тетя Наташа заходила, - проинформировала дочь, открывая ему дверь квартиры, и в голосе ее Иван Петрович явственно расслышал злорадство, правда, с примесью сочувствия. - Хотела с тобой поговорить.

Наталья Владимировна была их самой близкой родственницей - теткой Марии. Когда жена Ивана Петровича - ее сестра - умерла при родах, она заботилась о крошечной Марии, как о своих собственных детях. Ее женская опека осталась бескорыстной и единственной, потому что Иван Петрович так и не женился. Не то, чтобы он был женоненавистником, но ни с одной женщиной не сошелся настолько, чтобы ввести ее в свою семью. Жил ради дочери и... литературы.

- И о чем же хотела со мной побеседовать наш семейный психиатр. Надеюсь, ты ей ничего такого?..

- Я-то ничего, но и без меня нашлось, кому позвонить.

- Но ты ей объяснила ситуацию?

- Попыталась... Смотри, заберут тебя в психушку! Не посмотрят, что поселковый врач-психиатр - твоя родственница...

- Как заберут, так и выпустят!

- Ну, не скажи. О тебе давно легенды ходят. А, кроме того, сейчас любого можно считать ненормальным - нормальные-то россияне давно из страны поуехали.

- Как ты можешь говорить такое? Ты - моя дочь...

- Ну, вот - ты уже и нормального юмора не понимаешь.

- Черный у тебя юмор. Когда тут такое может произойти...

- А с нервами у тебя, папуля, и в самом деле не в порядке. Сегодня в который раз на скандал нарываешься.

- Станешь тут с вами... психом.

«По третьему закону физики стена, в которую ты упираешься, отвечает тебе с такой же силой. Значит, не надо на нее давить, - рассуждал Иван Петрович, лежа в постели. - Моя репутация теперь основательно подмочена, но, как гласит древняя китайская мудрость: «Если стоишь прямо - не беспокойся, что твоя тень кривая». И времени у меня еще целых два дня...»

6.

Поселок был небольшим, и каким-то образом утром все уже знали, что «Иван Петрович не в себе». Ему улыбались, обещали принять меры и - вежливо выпроваживали. «Добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева...» А потом все, кто мог что-то существенное

предпринять, стали отказывать ему в беседе, ссылаясь на занятость. Так, в пустой беготне, прошел целый день. К вечеру он едва таскал ноги, а, придя домой, упал без сил на кровать и тут же забылся в тяжелом сне, успев, правда, подумать, что «утро вечера мудренее»...

Если ты не можешь переменить обстоятельства, перемени свое отношение к ним - это позиция чисто философская, но ничего другого, как только относиться к событиям философски, Ивану Петровичу уже и не оставалось. Он проанализировал все способы привлечь к завтрашней катастрофе внимание и выбрал теракт. Только террористический акт мог взбудоражить общественное мнение и заставить власти эвакуировать население. Тем более, что телевидение каждый день говорит о борьбе с террористами...

Иван Петрович перебрал в памяти все киносюжеты, связанные с анонимными телефонными звонками и, объединив их, вывел два главных условия: нужно изменить голос и звонить с нейтрального телефона. С первой задачей прекрасно справлялась обычная бельевая прищепка, вторая решалась значительно сложнее, ибо звонок с почты или от кого-то из знакомых только увеличивал риск быть вычисленным. В конце концов он решил, что вряд ли можно в поселке со значительным количеством телефонов проследить кратковременный звонок. Вопрос - кому звонить? Чтобы эвакуировали людей, нужно сообщить, что заминирована плотина, но у главного инженера он уже засветился - не поверит. Так что договариваться нужно с третьим лицом, например с главой Администрации поселка...

Иван Петрович звонил с домашнего телефона и с прищепкой на носу:

- В плотину гидростанции заложен мощный заряд. Если до восьми часов утра не получу сто тысяч долларов, произойдет взрыв. Передайте по радиотрансляции, что готовы выполнить мое условие, и я с Вами свяжусь.

На другом конце провода человек поперхнулся, потом выдохнул сдавленным голосом:

- Это что, шутка?

- Какая шутка?! В восемь ноль-ноль от поселка и от Вас, в том числе, останется мокрое место. Вы поняли меня?

- По-понял...

«Ну и гнусный, должно быть, у меня голос, - подумал Иван Петрович, вешая трубку. - Но, похоже, напугал?»

Конечно, он не рассчитывал, что тут же будет объявлена тревога и начнется эвакуация - на это местное руководство не решится. Но,

если сообщение прозвучит по радио - тут же начнется паника, а это - цепная реакция. И выбора у них не остается, не зря он звонок отложил на конец рабочего дня: пока приедут саперы, пока обшарят все закоулки плотины, да еще и не один раз... В любом случае эвакуацию начнут засветло, ночью никто назад не поедет, а утром, пока дадут отбой - это аккурат часам к десяти будет... В общем, Иван Петрович решил, что все рассчитал правильно.

Одно из окон его квартиры было обращено на дорогу, ведущую на ГЭС. Он просидел возле окна довольно долго - должно быть, с час - пока кортеж из трех милицейских машин не промчался в сторону гидростанции. Следом пролетели два автобуса в сопровождении милиции. «Сработало», - отметил Иван Петрович с облегчением. Теперь оставалось ждать сообщение по радио.

Еще через час Мария привела из садика внучку и еще от дверей возбужденно заговорила:

- Опять на ГЭС какие-то ученья. Милиции понагнали - ужас!

Иван Петрович встретил это известие с удовлетворением. Он то и дело прислушивался к звукам, несущимся из радио - не передают ли экстренное сообщение?

С приближением ночи беспокойство его усиливалось. «Хоть бы учебную тревогу объявили, что ли, чтобы жители могли вещи и документы приготовить, - думал он с раздражением. - Правильно говорят, что «чем дальше от Господа, тем ленивее апостолы». Небось, в Москве бы давно всех на уши поставили...»

Когда милицейские машины с автобусами проехали в обратном направлении, Иван Петрович запаниковал. Он набрал номер домашнего телефона главы Администрации и, зажимая ноздри пальцами, прогундосил в трубку:

- Ну, так как же насчет долларов?

- Да пошел ты! - донеслось с другого конца провода, и Глава уточнил, куда именно идти.

«Интеллигентный человек, а ругается, как последний босяк», - обиженно подумал Иван Петрович.

Эту ночь он спал очень плохо. Теперь уже стало совершенно ясно, что из его благих намерений ничего не получилось. Даже если он сейчас пойдет по домам, то, скорее всего, просто получит по шее. Теперь звони хоть самому Президенту - разбирательство вернется на местный уровень, и его, наверняка, посадят в психушку. Подвиг совершает человек, который оказался в нужное время в нужном месте и делает нужное дело

- у Ивана Петровича какая-то из этих составляющих явно не задалась. Правда, есть еще шанс, что все обойдется, ведь инопланетянин сказал «возможно». А иногда у него возникало чувство, что никакой встречи с инопланетянином не было, просто произошло глубокое проникновение в собственный фантастический рассказ, сюжет которого он домысливает уже четвертый день...

7.

Если тебе за пятьдесят и, проснувшись утром, ты чувствуешь, что у тебя ничего не болит, значит ты умер. Ивану Петровичу забыть о том, что он еще жив, не давал застарелый радикулит. Но этим утром про радикулит он даже и не вспомнил - подняла боль душевная, что донимает пострашнее физической. Однако жить - значит действовать! Написал это в своем произведении не Иван Петрович, а Анатоль Франс, тем не менее, он давно избрал эту фразу своим жизненным девизом.

Важность каких-то дел, вчерашних и сегодняшних, нередко за ночь меняется, и в списке очередности они могут выстроиться уже в обратном порядке. Так, вчера Иван Петрович хотел спасти все человечество - сегодня его планы сузились до спасения хотя бы двоих человек: дочери Марии и внучки Оленьки.

Помня, что сегодня первый день всей оставшейся жизни, он старался ничего не упустить. Собрав документы и ценные вещи, отнес их в машину. Подумав, сложил в багажник и кое-что из продуктов. Потом разбудил дочь и внучку, которые в выходной любили поспать подольше.

Дочь долго хлопала глазами и соображала, что от нее хотят. Наконец, уяснив, протянула:

- Ну-у, ты, папа, даешь... Дал бы хоть выспаться перед смертью.

- Тогда, как хочешь, а Ольку я забираю, - сказал Иван Петрович на удивление спокойно - за эти дни он уже устал волноваться.

- Куда хоть собрался-то, - Мария зевнула, окончательно отгоняя сон.

- На смотровую площадку, куда туристов возят. Она выше, и оттуда все будет видно. Может, хоть доброе дело, как очевидец, сделаю?..

- Доброе дело не останется безнаказанным, - сказала дочь, поднимаясь. - Одевай Ольку, что ли...

До смотровой площадки езды было минут двадцать. По дороге он попытался было излить перед дочерью изболевшую душу, но она довольно резко его оборвала:

- Ты своими разговорами мертвого замучаешь!

Иван Петрович обиженно замолчал и погрузился в невеселые мысли.

«Правильно говорят, что будущее каждого человека записано на небесах, - думал он. - Кому суждено спастись, тот спасется. А как там, в Талмуде, написано? Кто спас одну человеческую жизнь, тот спас целый мир. Так, кажется? Мне, к сожалению, предначертано спасти только два мира. Такой старый и никчемный человек, как я, пожалуй, не в счет?..»

На смотровой площадке валялись оставленные туристами бутылки, низкорослые березки были сплошь увешаны разноцветными полосками ткани - то есть присутствовали все современные атрибуты идолопоклонничества. Что всегда бесило Ивана Петровича, так это то, что идеи поначалу овладевают массами в извращенной форме: вместо КПСС даже не Иисус Христос, а что-то, стоящее на голове в мире встающих на ноги.

Выходя из машины, Мария расстегнула сумочку и достала видеокамеру.

- Это еще зачем? - поразился Иван Петрович.

- Если катастрофа все-таки произойдет, то эта кассета будет стоить бо-о-льшие бабки.

Он так и не успел сообразить, всерьез это было сказано или в шутку, потому что в этот момент Ивану Петровичу почудился прерывистый шелестящий звук - словно бы где-то не очень далеко затрепетал под порывом ветра лист тонкой жести...

ЭФФЕКТ ПЕТЛИ
(Рассказ)

Время и до нас, и после нас не наше. Ты заброшен в одну точку; растягивай ее – но до каких пор?
Сенека

Проснувшись, Ким первым делом подскочил к окну, окинул взглядом усадьбу - и, не сдержавшись, выругался. Хотя он безбожно проспал, и время, судя по солнцу, близилось к обеду, белая «японка» стояла возле хозяйского дома. Это означало, что, несмотря на нерабочий день, хозяйка с дочкой никуда не едут - то есть, придется ждать следующих выходных, ждать еще неделю.

Черт подери! Нет большей пытки, чем ожидание! А задержка все явственнее пахнет катастрофой. Такое же ощущение должно быть у бегуна, который вырвался вперед и запутался в шнурках собственных кроссовок перед самой финишной лентой. Почему ему представился именно бегун? Ах да - потому, что подумал о финишной ленте! Вот она - рядышком. Один единственный рывок, последнее усилие - и можно замедлить бег, можно перевести дыхание, можно даже нахально расслабиться и, наконец-то, вволю поспать. И, главное, - навсегда забыть об этих двух ненавистных бабах!..

При воспоминании о хозяйке и ее дочери настроение стало еще хуже. Как же это они не поехали сегодня к своему очередному будущему зятю, к потенциальной богатой родне? Или и эти тоже указали им на дверь? Так им и надо, жаль только, что не вовремя!

Умываясь, он распалял себя все больше и осыпал ненавистных хозяек самыми изощренными ругательствами. От этого вроде бы даже полегчало на душе, тем более что ругаться мысленно – это единственное, что он мог себе позволить. Да еще чуть-чуть сдерживала память о покойном профессоре. Вот ведь как бывает: при нем он два года жил в этом же летнем домике, как в раю, а после его смерти дочка, да и мамаша тоже, всего за полгода сумели превратить его жизнь в сущий ад. Недаром еще древние философы утверждали, что от любви до ненависти всего

один шаг: когда эта рыжая кикимора уяснила, что абсолютно безразлична ему, то стала изощренно мстить. А, поняв, что ему совершенно некуда податься из домика-лаборатории, она взрастила из колючки уязвленного женского самолюбия непроходимый терновый куст...

Занятый безрадостными мыслями, Ким не сразу услышал шаги за дверью. Рыжая мымра Виктория распахнула ее без стука и обшарила цепким взглядом внутренности лаборатории. Взгляд ее задержался на разбросанных по столу электронных панелях и на свежей подпалине от паяльника на поверхности стола.

- Слушай, изобретатель! Ты, в конце концов, спалишь здесь все и оставишь нас последними нищими Первореченска! - зло бросила она. - Я не перестаю поражаться твоему таланту даже из двух предметов устраивать форменный кавардак!

Ким промолчал, чтобы не затевать перепалку, на которую его провоцировала Виктория. Она, конечно, пришла что-то сообщить, а оскорбления служили, как водится, «лирическим» вступлением.

- Завтра надо платить за электроэнергию, - продолжила она, так и не дождавшись от него ни звука, - так что утром деньги должны лежать на столе. Где их возьмешь - твои проблемы!

Ким понимал, что сейчас, пока она в таком взвинченном состоянии, просить об отсрочке бесполезно и обреченно пробормотал:

- Я что-нибудь придумаю до завтра...

Виктория, уже стоя в двери, окинула его оценивающим взглядом, словно увидела впервые, и злорадно изрекла:

- Придумаю... Если ты такой умный, то почему до сих пор не богатый? Самооценка твоя явно завышена...

Кима так и подмывало сказать: «Если вы с мамашей сегодня уберетесь из дома, то я стану богаче вас уже через неделю». Это соответствовало стопроцентной истине, но он снова вынужден был промолчать.

Минут через десять во дворе взревел мотор удаляющейся автомашины, следом раздался громкий визг тормозов - и снова суматошный вой двигателя. «Женщина за рулем - это все равно, что обезьяна с гранатой», - подумал он с усмешкой и, одновременно, с душевным облегчением. Теперь вернутся, как всегда, поздно вечером! А он, тем временем, наконец-то свершит задуманное. Может быть, сегодня звездный час всей его жизни?

Первая попытка - неделю назад - оказалась, вроде бы, удачной. Хотя, по большому счету, исчезновение включенного батарейного тестера

сильно настораживало... Он включил тогда усилитель поля на две секунды, на почти полную мощность - а перенесся на два часа. Вернулся в свое время - и убедился, что ничего непредвиденного не произошло. Потом обнаружил пропажу лежавшего на пульте генератора прибора. Через два часа на полу возникла оставленная им в будущем записка - а тестер так и не дал о себе знать. Это не поддавалось объяснению - а неизвестность всегда пугает. Значит, впредь надо быть осторожным и опасаться побочных эффектов. Хотя, как можно предусмотреть то, в чем ты ничего не смыслишь, разве что так - самую малость, самые азы... Одно он теперь знал точно - будущее можно смоделировать!

Варианты, варианты... Это только кажется, что их всегда много. Пока он нашел только один! Беспроигрышный путь подсказала газета, просматривая которую он обратил внимание на результаты очередного розыгрыша спортлото: все номера угадал только один человек, и выигрыш оказался достаточно крупным. Ким тогда подумал, что этой суммы ему хватило бы на первое время... А мозг практика уже подсознательно выстраивал целую цепочку... *Нет,* - возразил другой Ким - ученый-теоретик, - *воспользоваться этим можно только один раз: фамилия попадет в компьютер - и повторный выигрыш привлечет ненужную известность и пристальное внимание. Зато, получив начальный капитал, дальше можно играть на курсах акций: беспроигрышно и не вызывая ни малейшего подозрения... Несколько медленнее, чем хотелось бы, но, как сказал старина Фрейд: «Есть проблемы, до которых нельзя долететь, но надо дойти хромая, и в этих случаях не грех хромать»...*

Убедившись, что хозяйкину машину уже не слышно, Ким достал из стола отмычку и направился к дому. Усмехнулся неожиданной мысли, что когда-нибудь опишет в мемуарах курьез: будущий миллиардер на пути к вершине воровал электроэнергию, словно банальный бытовой жулик. То, что сейчас, открывшись, вызвало бы катастрофу, тогда будет звучать, как забавный анекдот. Что ж, быстрый путь к успеху зачастую не просто авантюрен, но даже опасен! Ведь когда он понял, что его теория работает, и генератор действует, то готов был выскочить на улицу и кричать об этом на всех перекрестках. Чуть поостыв, пришел к выводу, что лучше помалкивать. Без сомнения, даже если бы ему удалось сразу запатентовать свое изобретение, что маловероятно, то после затяжных и многоступенчатых испытаний его фамилия могла запросто оказаться в конце длинного списка научных тузов. Официальный путь не давал больших денег, а он хотел стать по-настоящему богатым, причем быстро. Потому, что он устал от безденежья, измучился от зависимости, сыт

оскорблениями... Да еще и неизвестно, через сколько лет его машину времени запустят в серийное производство, и запустят ли вообще. А промышленная мафия, естественно, постарается отодвинуть его на второй план. У сильных мира сего все схвачено: попробуй высунуться - и строптивца тут же силой задвинут обратно. В крайнем случае, это в два счета сделают килеры...

Он подергал за ручку двери, хотя и знал, что в доме никого нет - Виктория никогда не ездит в гости одна. Приемы работы с отмычкой за эти полгода он освоил в совершенстве, поэтому замок поддался сразу. Пройдя в прихожую, Ким открыл все той же отмычкой электрощит и выкрутил предохранитель. Похлопал по карманам в поисках самодельного, более мощного. *Так и есть - забыл на своем столе! Какой-то неудачный сегодня день! Не возвращаться же назад? Нет - это уж совсем плохая примета!*

Ким вместо предохранителя вставил отмычку и пошевелил ее - держится крепко, вот только дверца электрощита теперь плотно не закрывается. Ну да ничего: хозяева, как обычно, появятся только поздно вечером, а ему и нужно-то всего два часа с небольшим! Да-а, вот если бы они узнали, что я уже почти полгода ворую электроэнергию! Виктория воистину отвела бы на мне душу! Но об этом, конечно, никто и никогда не узнает, если я сам не скажу. Счетчик в лаборатории при больших оборотах попросту заклинивает шестерни, и он перестает вообще что-либо регистрировать...

- Я хоть и не богатый, но, все-таки... физик! - сказал Ким вслух и показал язык невидимой рыжей Виктории. Привычка разговаривать с самим собой появилась у него как следствие долгой работы в одиночестве.

Выйдя на улицу, он взглянул на небо и увидел два движущихся навстречу друг другу следа от реактивных самолетов. *Если пересекутся - то все получится уже в этот раз!* - загадал он. Через минуту следы пересеклись и самолеты стали дописывать на безоблачном небе букву «Х».

Небо явило ему добрый знак, причем не в первый раз! А все началось с того, что, будучи еще студентом, он прочитал, будто большая группа людей наблюдала в небе панораму Бородинского сражения, причем более чем через сто лет после самого события. Случайно попавшаяся на глаза заметка долгие годы не давала ему покоя - он не находил этому разумного объяснения. А потом нашел как-то сразу, в одно мгновение, будто разгадка всегда сидела в мозгу и только дожидалась этого мига

- мига озарения. Конечно, перед этим он осознал схему устройства Вселенной. Хотя, осознал - это слишком громко сказано, скорее - предположил... А еще раньше предположил, что информационно-энергетическая суть живой клетки - это микрокопия Галактики, а та, в свою очередь - составляющая ячейка Вселенной. В общем, путь осознания был достаточно длинным - чего уж тут объяснять все внезапным озарением!.. Путем логических исключений сделал вывод, что в прошлое вмешаться невозможно - иначе уже давно проходу бы не было от экскурсантов из будущего. Правда, по той же логике выходило, что и на будущее реально влиять нельзя. Но запоздалый мираж битвы подтолкнул к идее материализации мыслей, к теории информационных кодов. Мысли гениев, подобных ему, опережали свое время и, поэтому, не находя поддержки, формировали единое информационное поле Земли в виде определенных кодов. Чем большее число людей позднее обращались к подобным мыслям, тем больший потенциал накапливали коды - потом наступал момент, когда они начинали диктовать события, превращать их в неизбежность. А вот если какую-либо мысль попытаться усилить сразу!.. Чем сильней - тем ближе должно быть исполнение. Соединить настоящее в виде усиливающего генератора с будущим - уже оформившимся в реальность желанием. Гениально просто, правда, пока только теоретически...

Пока Ким устраивался в кресле своего детища, его охватила нервная дрожь - это был трепет священнодействия, ведь то, что он собирался сейчас сделать, происходило впервые в истории человечества! Включив силовой генератор на небольшую мощность, он стал следить за изменением внешней освещенности, означающим, как он мог с достаточной уверенностью предположить, смену дня и ночи. Или кодов дня и ночи?.. Пока практика полностью совпадала с теорией, так что фотоэлемент будет беспристрастно отсчитывать максимумы и минимумы освещенности. Про себя отметил, что позднее, когда будет забираться подальше в будущее, понадобится и второй, контрольный счетчик дней. Да не такой допотопный, не оптический... Хотя, кто знает, что лучше - сложным электронным схемам он тоже не слишком доверял.

Мысли его были уже там, в будущем, но стрелка счетчика двигалась что-то уж чересчур медленно!.. Он постучал пальцем по стеклу, как это делают, когда пытаются запустить остановившиеся часы. Но сегодняшний день, определенно, был несчастливым - стекло треснуло и один из острых осколков придавил злополучную стрелку. Еще не

оценив последствий произошедшего, он стал лихорадочно шарить по карманам в поисках какого-нибудь острого предмета. Отмычка! Но она осталась в щите...

Ким пропустил момент, когда синхронные потемнения превратились в сплошное мерцание. Обтекая его, вокруг заструились сменяющие друг друга световые потоки всех цветов радуги. Тут же возникло чувство блаженства: будто его подхватило убаюкивающее течение этих струй - и они омывают его сознание, размягчают бренное тело, унося с собой усталость. Вот он уже перестал ощущать кожу, как внешнюю оболочку, а, следом, и внутреннюю сущность, превращаясь во что-то бескрайнее и всеобъемлющее. Подобные ощущения он уже переживал однажды, когда засыпал в больнице под наркозом: тогда тоже казалось, что он растворяется в окружающем мире, а внутри чудесным образом рождается мир собственный - прекрасный и совершенный. В нем Ким был одновременно и синим бескрайним небом, и ослепительным белым облаком, плывущим у самой верхней границы мира, и колышущейся травой, манящей своей ласковой зеленью, и легким, словно бы одушевленным, ветерком... Вот только невидимый реактивный самолетик где-то в вышине рождал монотонный звон. Этот звук, словно бы ввинчивающийся в самый центр безмятежного мира, рождал в мозгу боль...

Именно это воспоминание и ассоциация с больницей отрезвили Кима. Всколыхнул вынырнувший из глубины подсознания страх смерти! Невероятным усилием воли ему удалось собрать воедино размытые, потерявшие форму мысли, потом оживить безвольное тело - и только после этого оценить окружающую обстановку: на высокой ноте гудел трансформатор… Именно этот звук болезненным эхом отзывался под черепной коробкой.

Ким уже не представлял, как далеко в будущее проник он за это время, поэтому стал поспешно выключать тумблеры. Окружающий воздух утратил пестроту и приобрел фиолетовую однотонную окраску, которая тут же стала блекнуть. Сквозь прозрачную крышу кабины и переплетение зеленых ветвей, непонятно откуда взявшихся и сейчас колеблемых снаружи ветерком, внутрь ворвались яркие солнечные лучи. Еще не придя в себя окончательно от недавнего беспамятства, он пытался разглядеть что-нибудь еще. Несомненно, машина стояла в густых зарослях какого-то кустарника, а над самой головой виднелось безоблачное голубое небо - вот и все! Ким посмотрел на встроенные часы, потом на наручные - они, слава Богу, шли и показывали одинаковое время. И прошло, оказывается, всего десять минут! Много это или мало?..

Он медленно отвел на шарнирах дверцу выхода и принюхался. Пахло раздавленной зеленью, и больше ничем. Куда же его занесло? Ким приподнял экранную сетку и нерешительно выбрался наружу. Если не считать шуршания ветвей, было абсолютно тихо. И, как будто, безопасно…

Он двинулся наугад и, продравшись сквозь кустарник, очутился на дорожке, аккуратно посыпанной желтым песком. В конце дорожки виднелось похожее на дворец, красивое белое здание в окружении развесистых лип. Это уж вообще не лезло ни в какие ворота! С тем, что его домик-развалюха исчез, он сразу смирился, но куда подевался хозяйский коттедж, где, в конце концов, соседние? *А кто живет в белом дворце: он или Виктория? А это, вокруг, что - частные владения или парк?..* Вопросы возникали один за другим и, естественно, оставались без ответа. Похоже, занесло его далековато? И теперь, в отрыве от лаборатории, нельзя ничего изменить. Остается только ждать контрольное время возвращения. *Ну, что бы там ни было, а у него в запасе чуть ли не два часа - если не удастся встретить себя, так хоть посмотреть, как здесь, в будущем, живется! Тем более что его машину времени со стороны практически невозможно заметить.*

Взгляд упал на зажатые между пальцами зеленые листья, которые он, видимо, автоматически сорвал, проламываясь сквозь кустарник? Кирилл зачем-то размял их, понюхал - листья пахли лекарством. *Так, чтобы не попасть впросак, нужно сначала осмотреть окрестности, порасспросить кого-нибудь постороннего! Не хватало сейчас нарваться хоть на ту же Викторию!* Бросив раздавленные листья на песок, он повернулся спиной к дворцу и бодро зашагал по дорожке.

Желтая дорожка вывела его на розовую - более широкую и, судя по закруглению, кольцевую. Ким понятия не имел, в какую сторону ему идти, поэтому в растерянности остановился на развилке. Неожиданно, справа на кольцевую дорожку вышли двое молодых мужчин в одинаковых светлых костюмах, похожих на униформу. Они увлеченно о чем-то беседовали, но, увидев Кима, замолчали и удивленно на него уставились.

- Из... извините... - промямлил Ким, растерявшись под их вопрошающими взглядами, - как пройти в центр города?

- Какого? - спросил с нескрываемым удивлением тот, что пониже и шире в плечах. Его внимательные черные глаза, словно два буравчика, воткнулись в лицо Кима.

- Первореченска, - ответил Ким и, чтобы упредить следующий вопрос, добавил: - Я, понимаете ли, решил прогуляться и немного заблудился.

Двое переглянулись, и Киму показалось, что коренастый подмигнул своему спутнику.

- Пойдемте с нами, - подойдя вплотную, произнес после небольшой паузы высокий. У него было умное, но, вместе с тем, какое-то отрешенное лицо. - Мы Вас проводим.

Его подчеркнуто-мягкий тон насторожил Кима, и он решил поскорее уйти. Но успел сделать только один шаг - тотчас сильные пальцы обхватили кисти обеих рук.

Его вели по той же дорожке в сторону белого здания. Когда проходили мимо зарослей, у Кима мелькнула мысль, что можно попробовать вырваться, добежать до машины... *А что дальше? Ведь исчезнуть-то он сможет не раньше, чем через полтора часа! Значит, нечего пороть горячку, тем более что на головорезов они не похожи. Пока ничего страшного не происходит, а там, может быть, все образуется? Понять бы только, куда и зачем его конвоируют?*

Словно угадав его мысли, высокий произнес:

- Все будет в порядке. Но, сначала следует соблюсти некоторые формальности.

Когда поднимались по белым мраморным ступеням, Ким внимательно осмотрел парадный вход. Внешнее великолепие его сейчас интересовало меньше всего - просто искал глазами вывеску или какую-либо табличку. Однако никакой вносящей ясность надписи на здании не оказалось.

Они прошли по широкому безлюдному коридору, застеленному мягкой дорожкой зеленого цвета, мимо ряда одинаковых белых дверей. На всех были нарисованы геометрические фигуры разного цвета: синий квадрат, зеленый равносторонний треугольник, красный круг... Наконец остановились возле двери с надписью, которая была выполнена стилизованными латинскими буквами. То ли из-за необычной формы букв, то ли из-за волнения, но Ким так и не успел уяснить ее смысл.

За дверью оказалась уютно обставленная небольшая комната, представляющая собой, скорее всего, кабинет: три кресла вокруг круглого столика, матерчатый зеленый торшер, в углу кашпо с декоративным карликовым деревом на японский манер. Интерьер дополняли две картины в массивных золоченых багетах и огромный телеэкран, почти целиком занимающий одну из стен. На картинах была изображена дикая первозданная природа, но ни одна из деталей обстановки, в том числе и гигантский телеэкран, не указывали на профессию его хозяина или хозяев.

- Садитесь, - предложил высокий, кивнув на дальнее от входа кресло.

Ким безропотно подчинился. Вытянув ноги и потирая занемевшие не столько от чужих цепких пальцев, сколько от волнения кисти рук, он незаметно посмотрел на часы. *Так, если часы шли без сбоев, то в его распоряжении где-то ОДИН ЧАС И ПЯТЬ МИНУТ. Сейчас самое главное - это сориентироваться и постараться точно распределить время.*

- Итак, куда же вы направлялись? - участливо - у Кима так и напрашивалось слово «назойливо» - осведомился высокий. При этом он достал из ящика стола плоский приборчик со шкалой и положил на стол.

Ким не торопился с ответом. Следовало тщательно обдумывать каждую фразу, чтобы еще раз не попасть впросак. То, что он при первой встрече что-то сделал или сказал не так, было ясно. *Так куда же он направлялся? Ах да, на этот вопрос он уже отвечал!*

- Я заблудился.

Ким отметил, что высокий внимательно посмотрел на шкалу прибора, где загорелся зеленый огонек индикатора.

- Допустим... И сформулируем вопрос иначе: куда Вам нужно попасть?

Кто они такие и за кого меня принимают? И зачем этот допрос? - лихорадочно соображал Ким. - *Но кто бы они ни были, а мне надо как-то продержаться. Если бежать, то путь отсюда до машины займет всего минут десять. Оружия у них, похоже, нет... Ах да, на их вопрос он тоже уже отвечал.*

- Мне нужно в город Первореченск.

- Вы там живете? В этом городе...

У Кима чуть было не сорвалось «Да!», но он тут же сообразил, что следующим будет вопрос об адресе. *А дом, в котором он проживал, загадочным образом исчез. И адрес вместе с ним тоже...*

- Нет, - ответил он, - но у меня там есть важное дело.

- Не считайте меня назойливым... - начал коренастый, - но я, все-таки, хотел бы знать, какое?

Ким уже понял, что вот так, сходу, придумывать что-нибудь связное и убедительное он попросту не сможет. Оставалось либо замолчать и отдать дальнейшую инициативу этим двоим, либо тянуть время в двусмысленной беседе. *Если забраться внутрь машины, то можно выиграть еще минут пять - не начнут же они ее ломать? Да и нечем! А пока кто-то из них сбегает за инструментом, пока найдет - в общем, пройдет еще минут пятнадцать. Итого: чуть меньше получаса у него в запасе!*

- Мне нужно попасть на фондовую биржу, - сказал он первое, что пришло на ум.

Двое снова переглянулись, потом высокий впился взглядом в свой приборчик, на котором по-прежнему горела зеленая лампочка.

- У Вас что, много акций?

Может, они из полиции? Вообще-то не похоже... А ведь отсюда убежать можно не только через дверь, но и через окно. Правда, стекло отливает синевой - должно быть, толстое и прочное? Так что лучше, все-таки, прорываться через дверь...

- Нет, я только хочу их приобрести?

- Значит, у Вас много денег?

К двери мне придется прорываться через них. Парни довольно крепкие, да, к тому же, их двое - так что надо будет чем-то отвлечь. Вряд ли они будут стрелять, да и не видно, чтобы у них было оружие?..

- Пока нет. Но, в скором времени...

- Кстати, Вы напрасно смотрите на дверь: вам ее не открыть хотя бы потому, что запирающая система подчиняется только нашим командам и настроена на наши голоса. - Высокий будто читал его мысли. - И стекла в окне тоже сверхпрочные. Можете попробовать, но я не советую...

- Я и не собираюсь убегать, - ответил Ким после некоторой паузы и увидел, что на приборчике зажглась красная лампочка.

Похоже на детектор лжи, - подумал он, - *так что врать бесполезно. Да, очень похоже, что из этой комнаты не вырваться, и я влип - хуже некуда! Если это не полицейские, значит какая-то охрана, и на мякине их не проведешь. Итак, во-первых, нужно их любым путем выманить на улицу... Только бы на этот раз выкрутиться - в следующий буду осторожнее во сто крат!*

- Еще один вопрос: кем Вы работаете? Надеюсь, будущий миллионер - это не профессия? - спросил коренастый насмешливо.

- Я физик.

- Даже так? И где же Вы работаете, в какой организации?

- У меня собственная лаборатория.

- Тогда Ваша фамилия, если не ошибаюсь, Томас Эдисон? - коренастый коротко хохотнул.

- Перестаньте, Виктор! Какие тут могут быть шутки... - укоризненно произнес высокий и, обращаясь к Киму, снова уставился на свой прибор. - Каково направление Ваших исследований?

- Область информационных полей, - ответил Ким скосил глаза на часы. *Оставалось СОРОК МИНУТ. Пока не наговорил лишнего, нужно каким-то образом вытаскивать их на улицу. Вот только как?!*

- Вы опровергаете или ищете подтверждение гипотезы Михайлова-Грегори?

Ким растерялся - он никогда не слышал о такой теории. Коренастый, которого звали Виктором, заметил его замешательство и живо спросил:

- Но, раз уж Вы занимаетесь информационными полями, то должны знать теорию деформации сигма-уровня между второй и третей фазами?

Ким с тоской подумал, что, если и дальше его будут обстреливать такими вопросами, он, действительно, будет выглядеть более чем подозрительно. *Кто же эти двое, с их каверзными вопросами и насмешливыми проницательными глазами? Чего они хотят и почему не верят ни одному его слову? Им, похоже, просто доставляет удовольствие устраивать ему ловушки, а машина тем временем возвратится в прошлое, причем вернется без него. Ведь уже ПОЧТИ НЕ ОСТАЕТСЯ ВРЕМЕНИ! Наверное, есть только один шанс вызвать их на улицу – и это его последний шанс?!*

- Конечно, в то, что я сейчас скажу, трудно поверить, - начал Ким, - но другого выхода у меня нет. Я и в самом деле физик, но не могу знать новых теорий, потому как прибыл из две тысячи шестого года на машине времени...

Тот, которого звали Виктор, громко фыркнул и, не удержавшись, расхохотался. На губах высокого тоже появилась улыбка.

- Вы напрасно смеетесь, - произнес Ким, чувствуя, как внутри поднимается стена отчаянья. - Я, в конце концов, могу подтвердить свои слова - машина стоит в кустах недалеко от того места, где вы меня встретили. Стоит только пройти туда - и вы сами убедитесь!

- Ну что ж, пойдемте, - подчеркнуто серьезно и, вместе с тем, устало проговорил высокий и поднялся.

От его спокойного тона Киму стало зябко. *Может, они меня за сумасшедшего принимают? Ну и пусть! Жаль, что не увижу их физиономии, когда прыгну в машину... и исчезну. Сообразят потом, кто был настоящим идиотом, да поздно будет!*

- Стас, к чему эта канитель? - коренастый поморщился. - Мне и так давно уже все ясно.

- Ничего, Виктор, прогуляемся. Все равно делать нечего, а, заодно, понаблюдаем рефлекторное поведение пациента. Ведь, хочешь не хочешь, а скоро придется писать отчет о практике... Ну что, Великий Физик, пошли что ли?! - высокий, которого звали Стасом, кивнул Киму на дверь.

Они снова шли по розовой дорожке. Ким торопился и все ускорял шаги, но спутники не останавливали его, идя с боков пружинистым спортивным шагом.

Вот и заросли, примятая трава газона и... больше ничего. *Может, это не те кусты? И, вообще, - не то место?*

Ким резко развернулся и рванулся на дорожку, едва не сбив сопровождающих с ног. Его, как и в первый раз, тотчас цепко схватили за руки.

Где же машина? Где те заросли? Где следы?.. А это что?!

На чистом, словно просеянном через сито, ярко-желтом песке валялись брошенные им смятые листья. *Не может быть! Ведь еще оставалось время! Еще целых ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ!* У Кирилла все поплыло перед глазами. Или... В памяти возникла торчащая из панели электрощита отмычка. *Боже мой! Неужели раньше срока вернулись хозяйки?! Да будьте вы там прокляты!!!*

* * *

Заведующий клиникой нервных заболеваний раздраженно выговаривал дежурному врачу:

- То, что это сделали практиканты, ни в коей мере не может служить оправданием! Это было Ваше дежурство, и именно Вы несете полную ответственность. Во-первых, Вы просто не имели права отлучаться, что и сами прекрасно знаете!..

- Но кто мог предположить?..

- Вот уж действительно! Разве можно предположить, что в авторитетной клинике почти полностью стирают память человеку, притом вообще неизвестно - кому. Конечно, в конце концов мы установим, кто этот несчастный... Но, только представьте себе, как это будет звучать: «Кто опознает в пациенте родственника или знакомого, просим сообщить данные о нем по телефону клиники...»

- Сейчас я понимаю, что практиканты несколько поспешили, - оправдывался врач, - но, по их заверению, случай не вызывал ни малейшего сомнения. Они были уверены, что это - сбежавший из палаты псих. Все симптомы налицо: мания величия, не знает - где живет, крайняя степень возбуждения, постоянное стремление куда-то бежать... Ну, сами посудите!

- А я считаю, что даже этих симптомов было недостаточно, чтобы стирать человеку память!

- Но я прослушал магнитофонную запись беседы - речь его была пусть и оригинальным, но несомненным бредом. Сначала про какую-то фондовую биржу, потом про собственную лабораторию, про теорию полей... А сам не знает физики даже на уровне школьной программы. Поразительное, невероятное невежество! А потом, вдруг, заявляет, что транспортировался из двадцать первого века на машине времени и просит

отвести на место, где ее оставил... Практиканты думали, что, увидев пустое место, он успокоится, но у того, наоборот, началась истерика. Пытался вырваться, дрался, даже укусил одного из парней. Нужно было что-то предпринимать - они же просто опасались за его здоровье...

- Ладно. Вопрос с Вами оставляю открытым до выводов комиссии, так что пока занимайтесь своим делом. Только не считайте, что Вы меня убедили, просто сейчас надо... Точнее - самое время позаботиться о чести мундира. Что вы предлагаете делать дальше?

- Конечно, я признаю, что случай прискорбный, и сам по себе просто невероятный, - все еще надеялся оправдаться врач. - Практически, это первая серьезная осечка за всю историю существования нашей клиники. Обычно анализатор отбирает для стирания поврежденные клетки памяти, причем строго из зоны заболевания, четко ограниченной... После курса лечения пациент должен помнить абсолютно все, что происходило с ним до этого... В данном же случае, неизвестно почему, сохранились воспоминания только самого раннего детства.

- Все эти доводы Вы приберегите для комиссии, - прервал его заведующий. - Что Вы можете предложить сейчас, как лечащий врач? Как нам сохранить лицо клиники?

- Ну, у него даже сейчас полноценная память пятилетнего ребенка - то есть вмещает в себя все необходимое для дальнейшей жизнедеятельности. Инсталлируем ему, для начала, полный курс школьной программы, а там посмотрим.

- Мне кажется, для его возраста школьной программы маловато?.. - засомневался заведующий. - Он же мнил себя физиком? Вот и запишем ему университетскую программу по физике! В конце концов, образ мышления у него остался прежним, так что со временем вернется и индивидуальность. Через несколько лет он снова станет практически тем же, кем был до болезни. Ну, конечно же, не великим ученым...

- Во всяком случае, машину времени больше изобретать не станет, - врач облегченно улыбнулся. - Ведь путешествие во времени - это абсурд!

- Одно можно сказать с абсолютной уверенностью - что заболевание его не повторится, - констатировал заведующий. - Ибо кривая Времени, несмотря на всю ее сложность, никогда не образует петель...

* * *

Через шесть лет лауреат Нобелевской премии, талантливейший ученый-физик Ким Гордеев исчез при совершенно загадочных обстоятельствах. Самое невероятное, что вместе с ним среди ночи словно бы испарилось и огромное здание новой лаборатории силовых полей...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ РОНА КОРСКИ
(Рассказ)

Фантастические рассказы о будущем по прошествии некоторого времени сохраняют лишь более или менее ясные черты прошлого.
Эдуард Бабаев

-...Богатые государства с их прагматической ориентацией на экономическое благосостояние граждан погрязли в бездуховности. Как может вести нацию вперед эгоистичная идея личного материального благополучия? Недаром история - самый беспристрастный судья - учит нас, что все империи, словно пресытившиеся кровью вампиры, лопались от переполнявшего их богатства!.. - Голос докладчика достиг такой высокой ноты, что неминуемо должен был сорваться, и Рон ожидал этого с чувством внутреннего злорадства. - ...Именно нашей многострадальной Республике, ведомой по непро*торенному пути гениальным провидением Президента, выпала всемирно-историческая миссия - воплотить в жизнь идею высшего духовного порядка!..* – здесь натренированный голос, вопреки ожиданиям, зазвучал еще одной октавой выше. - *...Гений нашего Президента...*

Неожиданно поверх воплей идеолога в наушники радиофона ворвался пронзительный вой полицейских сирен. Острыми буравчиками ввинтившись в уши, они заполнили внутричерепное пространство и, теснимые ими, уже не только мысли, но и чувства стали съеживаться - а ужавшись до предела, разом исчезли. Через несколько мгновений один только ледяной холод ужаса гнал Рона вперед, повелевая втягивать голову в плечи и все ускорять шаги...

Мигая фарами и фонарями, кортеж черных полицейских машин - словно нож - разрезал плотный автомобильный поток. Вот они поравнялись с Роном... и промчались дальше, сопровождая серебристый правительственный лимузин.

«Слава Богу, не за ним! А он-то чуть было не бросился наутек. Можно подумать, был хотя бы один-единственный шанс скрыться?!.» Рон тут же представил себя со стороны: скованная страхом фигура,

деревянная походка, застывший на лице ужас... Да уж, объятому страхом человеку грех жаловаться на недостаток впечатлений! Только, что и говорить – в нем за километр можно признать преступника. Хорошо, если поблизости не оказалось ни одного из Стражей?!..

Усилием воли он расслабился настолько, насколько это удалось: распрямился, замедлил шаги, вылепил на лице маску тупого безразличия. И только после этого опасливо огляделся по сторонам…

Как будто все обошлось - никто не хватал за плечи, не требовал предъявить идентификационную карточку. Пройдя пару кварталов, Рон попытался даже вернуться к прежним мыслям... Однако не получалось - вибрирующий звук словно бы продолжал жить в мозгу своей собственной, вполне независимой жизнью. «Может, и вой полицейских сирен уже каким-то образом транслируют прямо в радиофоны? Нововведение правительства, или у него до такой степени обострился слух?.. Фантастические романы прошлого предсказывали, что доступность информации через радио и телевидение сделает мир счастливым, на самом же деле из-за них в человеческом сознании практически не осталось места для собственных мыслей и рассуждений. И без того крохотная территория личности, индивидуальности продолжает день ото дня сужаться… Ну, мысли возвратились – значит, скорее всего, просто сдают нервы! Сейчас бы в каком-нибудь укромном закутке перевести дыхание и окончательно придти в себя...»

Впереди обозначилась остановка авто с толпой застывших почти в одинаковых позах людей. Как раз то, что нужно! Если только он, Рон Корски, не тешит себя иллюзией, что еще способен затеряться в людской массе? Может быть, как раз наоборот - натренированному глазу Стража легче выявить его именно здесь? Недаром же в последнее время появился - как бы это назвать? - инстинкт к опасности, что ли? Так у постоянно преследуемого охотниками зверя вырабатывается различие в ощущениях потенциальной и реальной угрозы, даже если невозможно определить, откуда эта опасность исходит. Сейчас ею, как будто, пропитан даже воздух... Парадокс, но из-за постоянного страха он как бы даже меньше стал ему подвержен. Когда осознаешь, что бояться можно всего - перестаешь всего бояться? С другой стороны, не означает ли это, что когда Создатель хочет наказать зайца – он просто дает ему храбрость?..

Да, внешне он, скорее всего, отличается от других - как-никак образ жизни в последние три недели должен наложить свой, особый отпечаток... Пусть чуть-чуть, но этого «чуть» вполне достаточно для натренированного взгляда Стражей. Не спасут и специально

нацепленные наушники радиофона, от которых за последнее время успел напрочь отвыкнуть. Это от них, должно быть, болит голова, хотя звук и включен на самую малую громкость? И ведь не выключишь, потому как светосигнал на голове сразу погаснет, а это привлечет внимание! Надо будет что-нибудь придумать. Помнится, прежде... Смешно, но то, что было всего три месяца тому назад, для него уже «прежде»... Тогда по радиофону звучали проходившие мимо сознания либо эстрадная бессмыслица, либо примитивная рекламная чушь, а вот сегодня, почему-то, - сплошная политика. Должно быть, в нашем государстве не все благополучно? Или у нашего «многострадального» Президента? Бывают такие терновые венцы, у которых тернии всеми колючками наружу…

Унесясь на какое-то время мыслями от пережитого страха и даже от окружающей обстановки, Рон, очнувшись и оглядевшись, с удовлетворением отметил, что со всех сторон окружен подошедшими людьми. Через опущенные ресницы он скосил глаза сначала на левого соседа, потом на правого. Ну, этим на него абсолютно наплевать! Да и чем, собственно, он может заинтересовать законопослушных, ко всему равнодушных граждан? В данный момент только тем, что у него более чем достаточно свободного времени - но, при всем при том, он не может даже присесть на скамейку. Вот тогда-то уж непременно привлечет к себе любопытные взгляды...

Рон, переступая с ноги на ногу, случайно коснулся соседа плечом - и снова покосился на него. Мысленно обругал себя за то, что приобрел опасную привычку рассуждать прямо на улице - так недолго и вслух заговорить к вящему изумлению молчаливой толпы. Преступная жизнь порождает не только преступные мысли...

- ..Мы, осколок некогда великой Империи, являемся квинт-эссенцией...

Политолог на радиостудии добросовестно отрабатывал свою зарплату... Он, Рон, тоже помнил распад Великой Империи. Правда из-за своего несознательного возраста мало что тогда понимал, и ориентировался в событиях только по реакции родителей: сначала ликование, потом все возрастающее разочарование. Это разочарование закрепилось в подсознании, но даже за три десятка лет ответы на все мучившие вопросы он так и не нашел. Поэтому он не верил сейчас ни одному слову рьяного пропагандиста - все та же старая песня: чем чернее изобразишь прошлое, тем благополучней смотрится неприглядное настоящее... Чем хуже дорога – тем больше пыли в глаза!

Стоп! У него же возникла какая-то интересная мысль... Ах, да - о скамейке, о спешке... Куда все спешат? Ну, утром - тут, вроде бы, понятно: рано выходить из дома никому не хочется, поэтому весь маршрут рассчитан до минут. А после работы... Ведь через час-другой улицы города словно вымирают. Какой смысл спешить людям в свои квартиры - чтобы до полуночи смотреть бесконечные сериалы по стереовизорам? Или они боятся лишний раз очутиться вне дома? Лучше быть одному, чем в чуждом, непонятном обществе? Мой дом - моя крепость...

Вдруг, ни с того ни с сего, вспомнилось, как сразу после свадьбы они с Милен пытались ходить в гости. Как оказалось, у всех знакомых вечерами чуть ли не единственное развлечение, это невыключаемые стереовизоры, это пиво и бутерброды, съедаемые во время очередной серии бессюжетного сериала. В конце концов, они с женой решили, что уж если проводить вечера возле стереоэкрана, то лучше это делать дома. Сериалы - это как жвачка для глаз… Не тогда ли уже у них с Милен пропало желание лишний раз выходить на улицу?.. Нет, нет, значительно позднее. В тот год движение по городским тротуарам в вечерние часы напоминало спуск по бурной реке - приходилось быть начеку, чтобы вовремя рванутся в нужном тебе направлении и влиться в ответвляющийся людской ручеек. Помнится, они с Милен несколько раз пробивались в этой сутолоке на концерты эстрадных звезд... Потом все реже… За какой-то год они незаметно растеряли знакомых. Но ведь и бывшие друзья больше не искали с ними встреч!.. Возникшая обособленность, уединенность, казалось бы, должна была сблизить их с Милен...

Скрипнув тормозами, возле остановки затормозил маршрутный автовагон, и сразу начавшая уплотняться людская масса подхватила Рона и повлекла к двери. Он запоздало сообразил, что совсем ни к чему ехать этим маршрутом, даже попытался вырваться, но было уже поздно - крайне опасно превращаться в стопорящую деталь приведенного в действие бездумного механизма. Рон подчинился живому течению, потому как если и дальше противостоять сконцентрированной воле толпы, то могут попросту затоптать...

-*...Демократическое общество в Республике построено за годы моего правления окончательно и только благодаря тому, что и политикой, и экономикой занималась практически одна партия...* - Рон узнал голос Президента. - *С последствиями затянувшегося экономического кризиса наконец-то покончено, так что новый год - год очередных президентских выборов - мы встречаем с оптимизмом. Я не буду говорить о личных заслугах, да вы и сами знаете, что сегодня в стране*

нет ни одного бездомного, ни одного безработного. Можно даже говорить о возврате старого лозунга, который, применительно к сегодняшнему дню, звучит так: «Средства к существованию получает только тот, кто работает». Кто не желает принимать для себя этот принцип - тот делает ошибочный, я бы даже сказал, опасный выбор...

«Это обо мне», - подумал Рон и вздрогнул, ибо ему опять показалось, что он произнес слова вслух. Но пассажиры вокруг оставались спокойно-безразличными, и он вновь погрузился в воспоминания...

Они с Милен перестали посещать друзей, и чтобы чем-то занять освободившееся время, он купил себе дорогой компьютер. То есть у него и до этого был вполне приличный, но новый позволял буквально каждой частицей сознания и тела уходить в иной, яркий мир, в фантастическую виртуальную реальность. Милен, вдруг, тоже проявила интерес - сначала к игровым программам, а потом... к виртуальному сексу. Поначалу Рона это забавляло, потом стало злить, потому что ему она уделяла внимания все меньше и меньше. Но жена проявила в этом вопросе неожиданное упорство - и он смирился. А однажды Милен не пришла с работы. Он прождал до позднего вечера. Пропажа жены почему-то мало взволновала, но перед тем, как ложиться спать, он все-таки позвонил ей на работу. Электронный секретарь бесстрастным голосом сообщил, что Милен Корски в положенное время вышла через турникет. Тогда он позвонил в полицию. Через десять минут оттуда сообщили, что она с сегодняшнего дня проживает по новому адресу совместно с Давидом Каспер - разработчиком компьютерных секс-програм. Он нашел в телефонном справочнике код телефона Каспера, начал было набирать его, но передумал. Зачем? Стоит ли что-то менять? Расставание без ссоры – это навсегда, ведь, не поссорившись, нельзя и помириться…

Как ни странно, но после ухода жены жизнь практически не изменилась, если не считать, что он стал испытывать приливы жуткой аллергии от работающих телевизора и компьютера - через несколько минут после включения любого из этих приборов кожа по всему телу начинала краснеть и нестерпимо чесаться. Врач-психолог не нашел у него никаких следов нервного срыва и заболевание приписал воздействию экранного излучения. Теперь каждый его вечер удлинился еще на несколько часов свободного времени. Именно тогда, в результате бессонных раздумий и сформировалась мысль... Хотя, нет, мысль эта, кажется, родилась все-таки внезапно?..

- Недоброжелатели, а точнее сказать, - враги нашей гордой Республики - обливают грязью не только наши деяния, но и лично Президента...

Последняя фраза обозревателя настойчиво вклинилась в нить размышлений. Интересно бы было послушать, что говорят эти самые «враги республики»? А то радиофоны настроены на единственную радиостанцию - государственную, а стереовидение и того хуже - показывает бесчисленные шоу и сериалы, в десятках серий которых практически ничего не происходит. Кинескоп телевизора – это как бы презерватив реальности… Раньше можно было пойти в театр, но это было так давно... Последнюю вещь в театре они с Милен смотрели года три назад, и называлась она «Юность Президента». Вот только какого: последнего или предыдущего?.. Ну, да и Бог с ним!..

…А преступная мысль появилась, все-таки, внезапно, и он даже предположить не мог, как далеко она его заведет. Рон как раз отвозил на завод большую партию забракованных новых роботов-дворников - что-то у них не ладилось с долговременной памятью. Ему вдруг страстно захотелось оставить одного себе и покопаться внутри. Еще в школе - в последних классах - он всерьез увлекся электроникой. Школа находилась рядом с опытным заводом, разрабатывающим компьютерные системы и роботов, поэтому на свалке, расположенной сразу за стеной завода, можно было найти все, что угодно, включая действующие промежуточные модели. Его комната вскоре превратилась в музей разнообразных «электронных игрушек». Однако своим увлечением он лишь вызывал постоянные насмешки одноклассников, признающих, как все нормальные мальчишки, только спорт и «крутую» музыку. В других людей бесит отнюдь не отсутствие достоинств, а просто несхожесть с ними! Как же давно это все было…

Разница между взрослым человеком и ребенком состоит только в стоимости игрушек… И тогда, сидя за рулем своего автоконтейнера, он всю дорогу до завода представлял, как разложит на столе в своей квартире электронно-механические блоки, будет отлаживать программы управления - и испытывал давно забытое сладостное чувство творчества. Ведь за те годы беззаботной, в общем-то, юности он многому научился как из технической литературы, так и через метод проб и ошибок. Правда, его главной мечте - учеба в университете - так и не суждено было сбыться. Помешала политическая дестабилизация в государстве и сопутствующий ей глубочайший экономический кризис...

Робота он попросту украл, и сам удивился, как гладко все прошло: просто оставил один ящик в кузове - и никто этого не заметил. Дома он демонтировал механическую часть и, не торопясь, один за другим,

несколько месяцев отлаживал электронные блоки. Пытался кое-какие чипы купить в магазинах, потом вспомнил про пресловутую заводскую свалку. Как ни странно, но завод работал, и свалка представляла собой кладбище нового поколения роботов, в основном военного назначения. Попадались и человеческие муляжи, основательно покалеченные - то пробитые пулями, то лазерным оружием... Он усложнил внутренние связи, сделал своего робота многофункциональным и, в общем-то, начал уже охладевать к своей затее, но тут, опять же неожиданно, пришла мысль сделать человека-робота - собственного двойника. Нет, тогда еще не было определенной цели, просто легче, когда «исходник» все время под рукой - смотри в зеркало и лепи свое подобие. На это ушел год. Пришлось даже осваивать токарно-слесарные работы. Но механика оказалась не самым сложным, потому что рост, фигуру и даже голос он подобрал довольно точно, а вот с лицом ничего не получалось. Оно было фотографией, антропологическим слепком или даже посмертной маской, но уж никак не живым человеческим лицом. Сколько он ни переделывал - ничего не получалось. По пути на работу Рон теперь всматривался в лица случайных попутчиков и сделал поразившее его открытие - практически все лица напоминали маски манекенов. Именно маски: тот же отрешенный взгляд, те же пустые глаза, те же узкие полоски плотно сжатых губ, на которых если и возникала редкая улыбка, то, все равно, неживая, вымученная. Да и о какой беседе может идти речь, если уши каждого намертво залеплены наушниками радиофонов. За этот «дорожный», относительно свободный промежуток времени каждый стремится услышать утреннюю порцию самых свежих сплетен из жизни знаменитостей, перечень поступивших в продажу новинок и запомнить цены. Он, безуспешно провозившись с лицом «Рона-второго» месяца три, махнул на это бесперспективное занятие рукой - в конце концов, улыбающимся его никто не видел с незапамятных времен...

- Все политические партии лишаются государственной поддержки, как морально изжившие себя, а истинные патриоты должны объединится в единственно демократическую партию - Партию национального единства. Президент только что дал согласие стать во главе ее. Первым пунктом Устава становится национальная принадлежность. Да, все граждане нашей республики по-прежнему равны, но граждане титульной национальности, состоящие в численном меньшинстве, должны иметь приоритет в...

Сильные помехи заглушили слова диктора - автовагон проезжал рядом с военной радиолокационной станцией. Рон глянул в окно и с

удивлением отметил, что они уже пересекли границу города. Скоро будет кольцо, и автовагон повернет обратно.

Да, последнее время правительство как-то не вспоминало о национальных приоритетах. Или же он не особо вникал в политику?.. Хотя, в анкетах в главе «партийность» с некоторых пор некоторые патриоты стали вписывать национальность… Если вспомнить историю, так начинались все антинародные режимы. Когда больше нечем гордиться, остается гордиться только нацией, к которой ты принадлежишь. А вот к чему это приводило: фашизм, коммунизм, Гитлер, Сталин… Личность захватившего власть сути не меняла, потому что сама идея подчиняла человеческую личность... Хотя, внешне всплески национализма, как будто, были напрямую связаны с вполне определенными режимами. Жестких президентов в Республике сменяли более мягкие - демократы, после которых к власти, как правило, опять приходили диктаторы. Существовала даже теория, которая умирала и возрождалась несколько раз: будто бы доза демократии в государственном устройстве напрямую зависит от шевелюры президента. Все лысые президенты - демократы, все волосатые - диктаторы. Как ни парадоксально, но практика вроде бы это подтверждала... Правда, в реальной жизни мало что менялось. Теперешний президент имел не только пышную рыжую шевелюру, но еще и бороду - и, похоже, теперь многим придется доказывать чистоту крови до седьмого колена. А он, Корски, несмотря на фамилию, имеет пусть и очень глубокие, но славянские корни, то есть, в титульную национальность никак не вписывается. Титульная нация... То, что в сильном государстве считается национализмом, в слабом объявляется национальным достоинством. Но ведь величие нации вовсе не определяется ее численностью, как величие человека не измеряется его ростом… Одно и то же явление в разных государствах приобретает абсолютно противоположные понятия, получает взаимоисключающи е определения. О чем это говорит: об ущербности нации, государства, правительства? Скорее всего, о деградации нации... Хирурги уже научились менять пол человека, теперь, что же - на очереди изменение национальности?..

Рон поднял глаза, и встретил пристальный и очень внимательный взгляд. У него даже мурашки по коже побежали. И не от страха, а потому, что взгляд принадлежал молодой и очень красивой женщине...

Правильное, очень живое лицо, большие глаза с коричневатыми зрачками, минимум макияжа, строгий костюм. Все это Рон оценил мгновенно и тотчас решил, что на Стража она не похожа. Скоре всего, мелкий служащий или секретарша...

Поняв, что Рон заметил ее взгляд, женщина не смутилась, как это в таких случаях бывает, не отвела глаза, а... улыбнулась. От обезоруживающей улыбки он растерялся окончательно и, неизвестно, что бы делал дальше, если бы автовагон в этот момент не остановился. Рон тотчас направился к спасительному выходу, рассчитывая на остановке дождаться обратного рейса.

Остановка располагалась за городом, на опушке редкой березовой рощицы, и, как и следовало ожидать, была абсолютно безлюдна. Оглядевшись по сторонам, он обрадовался отсутствию людей. Обернулся только после того, как услышал за спиной звук закрывающихся дверей. Женщина стояла на пустой остановке и смотрела в его сторону...

Видимо, на его лице возник неподдельный испуг, потому что она успокаивающе заговорила первой:

- Не бойтесь! Я не преследую Вас, я здесь просто живу! - и она махнула рукой в сторону отдаленной группы строений.

- А я и не боюсь, - произнес он довольно твердо, хотя это было в данный момент явной неправдой.

- Но ведь Вам совсем не нужно было здесь выходить? Не правда ли? - и она опять располагающе улыбнулась.

- Не нужно. Но Вы меня так смутили... Ваш взгляд...

- Вы уж меня извините. Просто давно не встречала человека с таким живым и умным лицом, как у Вас... Думающего человека…

Через несколько минут они уже сидели на скамейке под навесом и разговаривали о разных пустяках, как давнишние знакомые. Во всяком случае Рон сразу проникся к Лоре - так звали девушку - и симпатией, и безграничным доверием. Он уже и не помнил, когда последний раз вот так, запросто, с кем-либо говорил.

- Я не слишком отрываю Вас от дел? - спросил он, спохватившись. - Порой так хочется просто поболтать. А то ведь в жизни, - он помахал снятыми наушниками, - одна политика.

- Целые народы пришли бы в ужас, если б узнали, какие мелкие люди властвуют над ними, - проговорила Лора очень серьезно.

От глубинного смысла сказанного Рон испытал что-то вроде озноба и даже оглянулся по сторонам - не слышит ли кто.

- Очень опасная фраза. Вы не боитесь?

- Это сказала не я, а французский дипломат Талейран, к тому же более двух веков тому назад, - Лора рассмеялась. - С него какой спрос? Но в политике за прошедшие века ничего не изменилось, не правда ли?..

- Я, откровенно говоря, до последнего времени не очень интересовался политикой. Старое китайское проклятие звучит, кажется, так: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!», - Рон остался доволен своей памятью. - Выходит, нам просто не повезло.

- Это ответ пессимиста. Но есть не досыта - это еще не самое страшное, намного страшнее ощущать, что ты в этой жизни - ничто...

- Тоже сказал кого-то из древних? Вы, должно быть, историк?

- Нет, у меня самая рядовая профессия - я программист. И эту крамольную фразу можете считать моей.

- Странно от красивой девушки слышать глубокие мысли, тем более о политике.

- Все то время, которое вы не занимаетесь политикой, она занимается вами...

- Это тоже Ваше?

- Нет, так говорит один из моих сослуживцев. Еще он любит повторять, что ум порождает умение говорить, а мудрость - умение слушать. И еще: что надежда – это хороший завтрак, но очень плохо подходит для ужина.

- У Вас необычные друзья и необычные сослуживцы...

- Ну, круг общения каждый выбирает себе сам. Окружение глупцов, конечно, безопаснее, ибо не привлекает внимание Стражей. Во всяком случае, меньше вероятность за инакомыслие угодить на «промывание мозгов». А, с другой стороны, «нам говорит согласье струн в концерте, что одинокий путь подобен смерти»...

- Ну, если окажется, что Вы еще и стихи пишете!?.

- Нет, это Шекспир...

Они просидели на скамье более часа и, расставаясь, договорились встретиться завтра в то же время.

Рон ехал домой в непривычном приподнятом настроении. Он то задумчиво теребил в руках снятые наушники, то напевал про себя полузабытую незамысловатую песенку, половину слов которой не мог припомнить – и совсем забыл о своих прежних страхах. Как когда-то давным-давно, он снова был влюблен и переживал забытые впечатления и ощущения... Даже дверь своей квартиры он открыл без обычного страха: не прислушиваясь к звукам внутри и не оглядываясь по сторонам. Какая уж тут бдительность, когда душа поет - в такие моменты твердо веришь, что с тобой не может ничего страшного произойти.

«Рон-второй» преспокойно стоял на своем месте в шкафу, и по его помутневшим глазам можно было судить, что робот занимается

самотестированием. Рон-первый от избытка эмоций хлопнул его по облаченному в клетчатую рубашку пластиковому плечу и, улыбаясь своим мыслям, сказал:

- Брось заниматься ерундой, давай лучше поговорим о женщинах!

Робот тотчас выдал запрограммированную шутку:

- Самый выгодный бизнес - это покупать женщин за ту цену, что они стоят, а продавать за столько, на сколько они себя оценивают.

- Ты, тезка, глуп и ничего не смыслишь в настоящих женщинах, - ответил ему Рон и захлопнул дверцу шкафа.

Он лежал в темноте без сна и восстанавливал в памяти каждое слово, сказанное Лорой, каждую черточку ее красивого лица. От многодневной хандры не осталось и следа: снова хотелось жить, хотелось что-то делать - хотелось действовать. Он тут же решил, что, пока не попался, нужно идти на работу. Завтра же! Нет, завтра у него встреча с Лорой, и нельзя допустить, чтобы она по какой-либо причине сорвалась. Значит, решено: послезавтра с утра он начинает старую, то есть, новую жизнь...

Прежняя жизнь вспоминалась теперь, как нечто нереальное. Так же, как и обстоятельства, загнавшие его в тупик, поставившие на время вне закона. Просто тогда у него наконец-то появилось развлечение, и первое время было занятно наблюдать со стороны за своим подобием, разговаривать с ним. Конечно, на собственные мысли робот не был способен, но на вопросы отвечал достаточно толково. Рон, между тем, пришел к твердому убеждению, что его истинным призванием была биоэлектроника - то, что он сделал, не имея даже элементарной мастерской, было под силу отнюдь не каждому специалисту-конструктору, работающему на опытном заводе. Но кому он сможет это доказать? И лучше ли будет для него, если все откроется? А вот то, что случилось потом... Когда же это случилось? Да, в воскресенье, почти три недели назад. Неужели прошло только три недели?..

…В тот день он проснулся утром совершенно разбитым. Это была уже не физическая усталость - в нем болело и скулило все. Может быть, совпали одновременно три отрицательных пика биоритмов: физического, интеллектуального и эмоционального? Может быть... Во всяком случае, он ощутил себя крохотной улиткой, переползающей дорогу и вдруг увидевшую над собой огромную гусеницу трактора. Улиткой, осознавшей, что ее собственный панцирь - хрупкий кокон звукоизолирующих стен, сложившихся привычек и душевной самоизоляции - казавшийся доселе прочным, на самом деле никакая не защита... При мысли, что утром нужно ехать на работу, он в то

воскресенье уткнулся лицом в подушку и застонал. Потом взгляд случайно наткнулся на «Рона-второго» - и вот именно тогда и возникла в голове фантастическая, преступная идея...

На ее осуществление он потратил весь выходной. От сознания, что необходимо торопиться, стало как будто даже легче - хандра приослабила свои железные тиски. Для начала он записал в память робота информацию по устройству автомобиля и правила вождения. Устроив придирчивый экзамен, остался вполне доволен. Потом на карте города Рон начертил возможные автомобильные маршруты, предусмотрев самые, казалось бы, невероятные случаи...

Утром на работу вместо Рона отправился робот, а он остался лежать в постели. Сознание весь день находилось между забытьем и явью, так что сонные кошмары сменялись не менее кошмарными раздумьями о содеянном. Он то просыпался в холодном поту, то вновь проваливался в небытие - но уже в поту горячечном. К вечеру его нервы измотались до полного равнодушия, и едва ворочавшиеся в голове мысли больше не простирались дальше осознания безразличия к происходящему.

Но «Рон-второй» с работы появился вовремя, и тогда он не поехал на работу и на следующее утро. На сей раз страха уже не было, и он, безмятежно валяясь в постели, предавался воспоминаниям о своей не сложившейся жизни. Несколько раз в течение дня мысли начинали путаться, и он безмятежно засыпал. Но каждый раз, когда просыпался, первой приходила одна и та же мысль, пока не сформировалась в окончательное решение: на работу он не пойдет, по крайней мере еще несколько дней. А вот сегодня что-то в его душе опять переменилось...

Утром первая мысль была о Лоре, и он улыбнулся этой мысли, как старой знакомой. Отправив «Рона-второго» на работу, решил тоже на весь день убраться из квартиры, чтобы не быть здесь случайно обнаруженным в рабочее время. Сегодня, в свой последний противозаконный день, он боялся любых случайностей и не хотел рисковать даже в мелочах. Вечером он договорится с Лорой о следующей встрече, а потом демонтирует робота, чтобы жизнь пошла по-старому. Вернее, по-новому...

Он заранее решил, где отсидится день, тем более, что нужный ему автовагон в любое время дня не бывал пустым. Вот и сейчас в нем находилось с десяток пассажиров.

Промелькнул небольшой зеленый сквер. Со стороны автострады часть деревьев спилили, и поверженные великаны лежали друг на друге, упираясь в землю сломанными сучьями. Рон на миг почудилось,

что они пытаются приподняться и в немой мольбе протягивают живые еще ветви к людям. К тем людям, которые их спилили...

Он успел заметить кучу красного кирпича, привезенную для какого-то строения. Вспомнил, как полторы недели назад, увидев впервые этот сквер, вышел из автовагона. Он тогда присел на траву под одним из деревьев, но через десять минут подошел полицейский и поинтересовался, что Рон тут делает. Он нашелся: солгал, будто в автовагоне его укачало, но сейчас отдохнет - и поедет домой. Тем не менее, документы полицейский проверял довольно долго и на прощание доверительно заметил: «Бесцельно сидящий человек не у одного меня вызывает подозрение».

После этого Рон решил поехать за город, в надежде, что уж там-то до него никому не будет дела. Но, после того, как за ним полчаса гонялся полицейский аэр, и только густая роща да поднявшийся ветер помогли уйти от погони, Рон решил вообще не высовываться из своей квартиры. Пару дней просидел взаперти, но его так сильно потянуло на улицу, что это оказалось сильнее страха, кроме того, в голову пришла жуткая мысль, что кто-нибудь из соседей или инспекторов коммунальных служб «засечет» его в рабочее время в квартире. Но и на работу пойти не мог себя заставить...

- Это чудо техники может приобрести каждый! С тех пор, как у меня появился гипногенератор, я забыл о скуке. Стоит подключить его к видеофону - и вы становитесь непосредственным участником фильма. Сами выбираете, кем из героев стать - для этого нужно только ввести соответствующий код. Вам предстоит пережить все неожиданности сюжета, и только смерть не угрожает вам - гипногенератор разбудит вас в вашем кресле живым и невредимым...

Автовагон качнулся, и створки дверей с шипением разошлись, приглашая к выходу. Рон глянул в окно и обнаружил, что это его остановка. Он бросился к дверям, даже спиной ощущая недоуменные взгляды пассажиров. Но вспыхнувшее на миг любопытство угасло, едва автовагон тронулся. И только водитель вдруг улыбнулся и кивнул ему на прощание головой. Рон на миг остолбенел, наткнувшись на этот как будто все понимающий взгляд. Неужели он настолько потерял бдительность, что виден каждому встречному насквозь? Значит, и Стражам тоже?..

Он проводил автовагон настороженным взглядом, пока тот не скрылся вдали, и только после этого направился к своему убежищу. Там он мог безбоязненно скоротать время, только там чувствовал себя спокойно и уверенно.

Возле огромной свалки старых автомобилей Рон внимательно огляделся и нырнул в неприметный лаз. Люди сюда не заходили, автомобили с автострады тоже предпочитали не сворачивать на заросшую дорогу, усеянную кусками ржавого металла и осколками стекла. Невероятный конгломерат металла, резины и пластмассы не первый год терпеливо дожидался отправки в плавильную печь. Рон протиснулся в узкую щель между капотом огромного грузовика и днищем сплющенной малолитражки и очутился в салоне снятого с колес старого автовагона. Верх вагона был продавлен лежащим сверху гусеничным тягачом, но стекла, как ни странно, остались целы, поэтому звуки с автострады в салон почти не проникали.

Улегшись на два сдвинутых сидения, обтянутые потрескавшимся кожезаменителем, Рон стал думать о странном водителе автовагона. А, может, не таком уж и странным, ведь, судя по Лоре, существуют не только равнодушные люди, но и что-то вроде оппозиции. Это он долго жил словно во сне, занимаясь только собственными проблемами и стараясь ничего не замечать. Но теперь-то, благодаря Лоре, все будет иначе. Может, стоит в следующий раз заговорить со странным водителем и даже познакомиться?..

Трещины отставшей от металла эмали образовали на потолке хитроумные сплетения, в которых, при желании, можно было разглядеть все, что угодно. Рон увидел голову птицы, раскинутые крылья и стал мысленно дорисовывать хвост, но что-то мешало ему, что-то раздражало. Он не сразу догадался, что это радиофоны, про которые Рон попросту забыл, установив утром на минимальную громкость.

- Отработав восемь часов, вы можете больше ни о чем не думать. У вас неизмеримо больше свободного времени, чем у членов Правительства. Это у них, а не у вас вечерами головы забиты нерешенными государственными проблемами. О вас есть кому думать и есть кому заботиться...

Рон вдруг вспомнил слова Лоры о политике и брезгливо сбросил наушники на пол. Он и прежде не слишком верил всей этой болтовне, а теперь стало вообще противно слушать. Да, его права и обязанности определены: право досыта есть и спокойно спать в обмен на обязанность не лезть в дела и планы «власть имущих». Например, еще совсем недавно рост благосостояния не считался «эгоистической идеей личного благополучия»... Определенно, что-то опять происходит в верхнем эшелоне власти, раз экономическое развитие подменяют идеей развития «высшего духовного порядка»? Волк и овца слово «свобода» воспринимают по-разному... А ведь от свободы нельзя отрезать ни

кусочка, ибо именно в этом кусочке и заключена вся свобода. Сначала разучишься лезть в политику, потом разучишься возмущаться, а следом и думать. Когда-то он прочитал, что современная земная цивилизация - то ли пятая, то ли шестая по счету. Все предыдущие погибли, вернее, уничтожили сами себя. Может, дело вовсе не в войнах или мировых катаклизмах, а просто человечество доходит до тупика своего развития и начинает вырождаться? Уходит со сцены, как неперспективный биологический вид - как динозавры или мамонты, густо заселявшие когда-то всю планету?.. Терроризм, национализм – это симптомы, по которым уже сейчас можно предсказать дальнейшее протекание болезни. Националисты не могут быть довольными до тех пор, пока не найдут кого-нибудь, кто по их мнению, их обижает. Повод найти так легко… Собака просто не любит кошку, и ей для этого не нужны никакие аргументы…

Сквозь нагромождение железных конструкций и пыльные стекла пробивался довольно тусклый, почти вечерний свет. Волны приятной истомы стали накатываться по расслабленному телу от ног к голове. Мысли текли все ленивей...

Что-то разбудило его. Рон в полусумраке не мог сразу определить время, и поднес к глазам часы - было чуть больше полудня. Снова послышался разбудивший его звук - негромкое скрежетание по металлу. Это было настолько невероятным, что он даже приписал все игре своего воображения. Но через несколько секунд звук раздался ближе - к его тайному убежищу кто-то пробирался. Он едва успел подняться, когда в проем сорванной двери просунулась голова в желтом полицейском шлеме. Рон затравленно окинул взглядом внутренность салона, хотя прекрасно сознавал, что выхода из этой железной ловушки нет.

- Что ты здесь делаешь? - спросил полицейский, пытаясь выпрямиться во весь свой огромный двухметровый рост. Его цепкие глаза неотрывно следили за руками Рона, успевая в то же время исследовать пространство вокруг.

- Так что ты здесь делаешь!? - рявкнул он, не дождавшись ответа.

- Ничего, - растерянно отозвался Рон. – Так просто…

- А в чем это у тебя ладони? - спросил вдруг полицейский, удивленно вытаращившись на руки Рона.

Тот инстинктивно поднес руки к глазам, и тотчас на его кистях защелкнулись металлические наручники.

- На слюнявчик попался, - удовлетворенно произнес полицейский. И презрительно добавил: - Цыпленок...

Мысли у Рона путались, и он из хаотически всплывающих в памяти слов никак не мог составить хотя бы одну мало-мальски связную фразу.

- Так что же ты здесь искал? - в третий раз задал вопрос полицейский. - Телемонитор уже в который раз фиксирует тебя возле этой свалки.

Рон вдруг осознал, что полицейский обращается к нему на ты, и это пренебрежительное «тыканье» значило, что оправдываться перед ним сейчас бесполезно. Полицейский же, между тем, обыскал сначала его, потом неторопливо обследовал салон, и даже зачем-то вспорол ножом оба сидения. Удовлетворившись обыском, приказал:

- Ну-ка, ты, двигай по своей крысиной норе. И не вздумай убегать, а то получишь парализующую иглу меж лопаток!

Пока выбирались наружу, в голове Рона ослепительными вспышками пронеслись самые невероятные предположения, за секунды проанализированные и тут же отвергнутые. Если бы за ним следили, то арестовывал бы никак не один человек, кроме того, Стражи никогда не передоверяют свою работу полиции... С наибольшей вероятностью он допускал, что это либо какая-то ошибка, либо просто досадная путаница. А, значит, еще все можно поправить.

Выйдя из металлического лабиринта, полицейский отцепил от ремня портативный передатчик и, надавив на кнопку, выстрелил вверх телескопической антенной.

- Алло, Первый! Говорит Седьмой! Вышлите по пеленгу дежурный аэр - мною задержан преступник.

Он поставил передатчик возле ног и стал с высоты своего роста - сверху вниз - разглядывать пленника.

- Но в чем моя вина, почему я задержан? - задал, наконец, Рон запоздалый вопрос.

- А ты мне сначала объясни, что там делал? - вопросом на вопрос ответил полицейский.

- Да ничего особенного, просто отдыхал.

- Я так и думал, - полицейский хмыкнул. - А ты, наверное, решил, что я тебя с кем-то путаю? Я тебя сразу раскусил. В прежние времена это называлось бродяжничеством, но лично мне больше нравится забытое словечко «бомж». Я не собираюсь расшифровывать значения незнакомых тебе слов, тем более, что это ничего не изменит.

- Но ведь я сейчас ничего не нарушил, никому не причинил вреда.

- Ты много болтаешь! - полицейский взорвался. - Твоя вина уже в том, что отличаешься от всех нормальных людей! Президент говорит,

что такие, как ты - социальная плесень, которую надо уничтожать, пока она не разъела Республику, - полицейский изобразил на лице гримасу беспредельной брезгливости.

- Я никогда не вмешивался в политику...

- Самое главное, что вы, такие вот, и сами толком не знаете, чего хотите! С подобными тебе я уже сталкивался много раз, поэтому знаю, что говорю. Ваш жизненный принцип можно сформулировать так: «Единственный способ избавиться от искушения, это уступить ему». Не так ли? Ученые утверждают, что и ваши дети - дети преступников - не могут стать честными людьми, ибо преступные помыслы передаются им на генном уровне. Да что я тебе объясняю - нейрохирурги быстро наведут у тебя здесь порядок! - он покрутил пальцем возле виска.

- У меня с собой есть документы, - привел Рон последний довод.

- Да я тебя и так насквозь вижу! - полицейский с силой подтолкнул его к приземляющемуся аэру. - Скольких уже отправил на промывание мозгов. А будь моя воля, применял бы более простой и, главное, надежный способ лечения: парализующую иглу в глаз - и все проблемы сняты.

Он похлопал рукой по расстегнутой кобуре парализатора. Но Рон уже не слушал его, завороженный и как бы придавленный гудением приближающегося полицейского аэра. Он тоже насквозь видел этого полицейского, для которого убивать – это приказ, ненавидеть при этом – очистка совести. Все рухнуло в один миг, и чуда уже не произойдет: он никогда больше не увидит Лору, он никогда не начнет новую жизнь, потому что превратится в зомби, не помнящего своего прошлого и способного только на то, чтобы механически работать. Как и его «Рон-второй», которого обнаружат уже сегодня же…

Колеса маленького аэра медленно коснулись земли, двигатель облегченно загудел на высокой ноте и смолк. Пилот распахнул дверку душной кабины и стал лениво обозревать окрестности, дожидаясь, когда замрут бешено вращающиеся лопасти. Рону вдруг очень явственно представилось, как эта почти невидимая стальная граница разделила мир для него на две части: внизу утрамбованная земля с редкими сухими былинками, среди которых поблескивали осколки стекла и непонятно каким образом попавшая сюда раздавленная целлулоидная кукла, а выше - манящее бездонной голубизной небо с парящими белоснежными облаками и летящей в зените птицей.

Концы лопастей со свистом рассекали воздух, образуя прозрачную полусферу, медленно опускающуюся вниз. Полицейский, отпустив его

плечо, наклонился за передатчиком, а Рон в этот миг ощутил на лице дуновение... нет, не ветра от лопастей - дыхание будущего, которое кричало, что он должен спасти от этих... свой мир, свой единственный и неповторимый. Нельзя позволить нейрохирургам копаться в нем и перестраивать на свой лад...

Он безотчетно сделал шаг, потом другой. Прикинул, что если поднырнет под лопасти и побежит к ближайшей роще, то грузный полицейский непременно отстанет. А уж под сенью деревьев он будет недосягаем даже для аэра...

Пронзительная жажда свободы встрепенулась внутри - она, словно запертая в клетке птица, толкнулась несколько раз в виски, потом метнулась туда, где находится сердце и заполнила его до краев жгучей болью. Схватившись за грудь, он выпрямился. На какой-то миг весь мир увиделся таким же сияющим, как в прекрасной юности - тогда Рон Корски был независимым и свободным, как эти плывущие в вышине облака. Птица, терзая сердце болью, рвалась на волю, и самым страстным желанием для Рона стало - помочь ей вырваться наружу. Он сделал последний шаг - и стальная лопасть вырвала трепещущую птицу из клетки груди…

Последней его мыслью было: «Шаг через пропасть – спасенье, но полшага – гибель…»

СИНДРОМ ОК-92
(Рассказ)

Когда-нибудь объявят войну, и никто не придет.
Карл Сендберг

Завершая триумфальную петлю после своей сорок девятой по счету победной атаки, Дымов увидел вражеский «Супергейш». Слишком поздно увидел, потому как тот подкрался со стороны планеты, и на ее пестром фоне до последнего момента оставался практически незаметным. Автоматическая система слежения, как обычно, была подавлена противником - и не сработала. Собственно, в поединках с тайцами на автоматику уже давно никто из пилотов не полагался - куда надежней оказывались собственные глаза и руки.

После того, как зрение случайно зафиксировало через обзорный иллюминатор крохотную серебристую точку, оптическая система услужливо показала вражеский корабль-истребитель на весь экран, при взгляде на который у Дымова неприятный холодок пополз по спине между лопатками и дальше - к затылку. Это был «СГ-111» Айка Неуязвимого.

Он поспешно рванул штурвал на себя, явственно ощущая разрастающийся в мозгу холод обреченности. На счету Неуязвимого было около сотни выигранных поединков, и, даже при более удачной боевой позиции, шансов победить у него, Дымова, было не так уж много, а при теперешнем раскладе - дело было просто «дрянь». Конечно, он тоже не последний в эскадре землян, но сейчас, вне всякого сомнения, вынужден до конца исполнить роль движущейся мишени.

Именно отчаянье подтолкнуло Дымова на кажущееся безрассудство: он до отказа выжал активно сопротивляющийся штурвал - и на полном форсаже стал разворачиваться навстречу Неуязвимому. Был риск просто-напросто сгореть, зацепив верхние слои атмосферы, но из двух зол он выбрал по максимуму: либо оба - либо ни одного. От перегрузки у Дымова затуманилось болью сознание, к тому же он на какое-то время полностью открыл борт своего «БК», шутливо именуемого «Бойцовым

Котом» со счастливым, как считалось в эскадрильи, номером «77». Но в данной ситуации все это уже не имело никакого значения.

Придя в себя, Дымов усилием воли зацепился взглядом за расплывающийся в глазах экран. Его вдруг охватило то спокойствие, которое наступает после шока, и единственным желанием было - увидеть вспышку от выпущенных противником торпед.

Миг ожидания затянулся на какие-то лишние доли секунды, что Дымов поначалу отнес на счет растянувшегося в замутненном сознании времени. Потом его прицел поймал корабль противника, палец автоматически вдавил кнопку боевого пуска - и обзорный экран истребителя на секунду ослеп...

Когда сразу же вслед за залпом полоснула по кабине «Бойцового Кота» лазерная пушка, Дымов понял, что Айк опоздал и теперь использует самый последний, совсем мизерный шанс - ослепить противника или взорвать на выходе его торпеды. Самое поразительное, что везунчику-Айку это почти удалось...

Почти удалось, потому что экран погас, а оплавляющийся снаружи иллюминатор искаженно показал разрастающийся прямо по курсу огненный клубок, изобразив его в виде сияющей виноградной грозди. И в каждой из ослепительных ягод сейчас превращался в космическую пыль легендарный и прежде непобедимый тайский пилот - Айк по прозвищу Неуязвимый. С этой самой секунды он, пилот-землян Глеб Дымов становился живой легендой космической войны. Войны между планетами Земля и Тай - конфликта затянувшегося на годы и потому превратившегося, в общем-то, в бессмысленный.

* * *

Автоматически выполнив противоракетный вираж, невозможный под прицелом лазерных пушек противника, Дымов стал думать, как действовать дальше. Нужно было срочно искать укромное местечко, чтобы заменить сгоревшие антенны, отшлифовать, насколько это возможно, поврежденный иллюминатор и установить резервный боекомплект торпед - до тех пор истребитель Глеба оставался слепым и практически безоружным. Глядя на искаженный оплавленным стеклом огромный, с неясными зелеными и голубыми пятнами шар планеты, он вдруг подумал, что Айк, скорее всего, именно на ней готовил свой истребитель.

Бортовой компьютер, просчитав траекторию вражеского истребителя, тут же, с большой степенью вероятности, выдал координаты точки, откуда стартовал Айк. Дымов решил, что там, возможно, существует даже замаскированный ремонтный ангар, и

что такое логово ему стоит посетить. Однако, опасаясь хитроумных ловушек, он решил садиться чуть в стороне.

Ощупав на всякий случай локатором космические окрестности - и никого не обнаружив, он включил автоматы посадки. Кинул беглый взгляд на информационный монитор - планета имела индексацию ОК-92, то есть была обитаема в каком-то зачаточном состоянии, но абсолютно безопасна и даже комфортна для землян. Остальные характеристики он просматривать не стал - долго оставаться на виду было крайне опасно. Главное, что на зеленой планете можно находиться не только без скафандра, но и без дыхательной маски.

* * *

Лесная поляна напоминала яркий ковер, ибо сплошь была усеяна разнообразными цветами - словно разрисована прихотливым магическим орнаментом. Глеб взял азимут на цель с помощью вмонтированного в скафандр портативного «эйч-гида» и, поглядывая на индикатор, двинулся кратчайшим путем, прямо по буйному разнотравью.

Под ноги он почти не смотрел. И вдруг, ни с того ни с сего, резко остановился, замер в нелепой, неудобной позе. Дело было вовсе не в предощущении опасности… Что-то едва уловимое, почти забытое… Ах, да! Просто он едва не наступил на вольно разросшийся цветочный куст! Поняв это, извиняюще протянул руку к так напоминающим земные, хотя и непривычной ярко-красной раскраски, колокольчикам… И тотчас отдернул, потому что цветы дружно встрепенулись и потянулись навстречу. Опасность?! Но растение выглядело так мирно, и было так беззащитно, что Глеб повторил глупую, в общем-то, попытку… Стебли вновь колыхнулись и подняли бутоны. Он придвигал ладонь все ближе, и бутоны, уже со всего куста, живо тянулись к ней. Лицо обдало тонким цветочным ароматом - теплым и легким, словно выдох ребенка. Когда-то такое уже было с ним...

...Они идут по цветочной поляне. Глеб, приминая густую траву, высоко поднимает ноги, но яркие бутоны цветов на тонких стеблях, все равно, почти достигают лица. Это потому, что он маленький и держится за руки идущих по бокам мужчины и женщины. Некоторые бутоны ударяют в грудь, и при этом обдают пряным ароматом - каждый раз новым. Отец и мать в серебристых, облегающих тело скафандрах, но без шлемов. У отца волевые черты лица: прямой нос, выраженный подбородок, короткие светлые волосы. У матери же почти всю щеку закрывает густая золотистая прядка. Это все, что Глеб видит снизу, да еще бесконечное голубое небо над головами. И ему очень хорошо... Но

вот они подходят к стартовой площадке, на которой стоят три космобота, напоминающие поставленные на ребро пузатые серебристые тарелки. Отец подходит к одной из них - и тотчас перед ним возникает темный проем входного люка. Он оборачивается, и Глеб в последний раз видит его лицо: плотно сжатые губы, затвердевшие скулы и виноватые, василькового цвета глаза. «Ты пойми - мы вынуждены тебя оставить здесь...» - это звучит голос матери. Потом они оба скрываются в люке, который тут же затягивается серебристым металлом. «Тарелка» начинает мелко вибрировать, утрачивает свои четкие очертания и пропадает, словно растворяется в воздухе. А он, Глеб, лежит на спине в высокой траве, смотрит невидящим взглядом в небо, и в душе его нет никаких других чувств, кроме безграничного отчаянья... Позднее бабушка будет говорить, что все было не так: и родители ехали до космопорта в аэрокаре, и он, Глеб, всю дорогу сидел у бабушки на руках... Но его детский мозг запечатлел именно такую картину. А вот как укладывали контейнеры с их прахом в Стену Скорби, он совсем не помнит...

Оставляя после себя заметный след, Глеб пересек поляну и углубился в пронизанный солнечными лучами широколиственный лес. Чем-то он тоже напоминал земной. Больше всего, наверное, щебетанием невидимых птиц? А вот и маленький пятнистый олень безбоязненно вышел навстречу. Глеб замер, чтобы не спугнуть его, но изящное животное само приблизилось и потерлось боком о его ногу. Словно домашний котенок...

...Он тогда только что окончил училище военных космических пилотов. Захотелось отметить это событие так, чтобы осталось в памяти на всю жизнь. И тут, так некстати, попалась на глаза реклама о коммерческой сезонной охоте - некстати потому, что незадолго до этого он увлекся старинными книгами о первопроходцах Земли... С другом и сокурсником по училищу Игнатом Зиминым они решили испытать себя. К охотничьему арбалету, помнится, полагалось только по одной стреле, и участок был строго ограничен, но зато стрелять разрешалось во все, что движется. Первым он повстречал оленя и выстрелил просто навскидку. Выпущенная наугад стрела пронзила шею, и животное умирало несколько минут. Оно с немым вопросом все смотрело на Глеба своими темными миндалевидными глазами, из которых медленно катились слезы... Потом олень отвернулся, опустил голову на землю и затих. Много бы тогда Глеб дал, чтобы вернуть его к жизни! И он поклялся себе никогда в жизни не убивать беззащитных животных. Но в отношении разумных существ все получалось иначе: сегодня он безжалостно и даже с радостью уничтожил пятидесятого...

Впереди, в гуще зелени стал угадываться просвет, и Глеб направился к нему, ожидая выйти на очередную поляну. Но тут заметил сбоку какое-то движение. Судя по походке и фигуре, это был человек или, во всяком случае, кто-то очень напоминающий землянина. Заученным движением Глеб выхватил из кобуры табельный бластер и снял контактор с предохранителя. Между тем незнакомец безбоязненно направился прямо к нему, то пропадая в зарослях кустарника, то на мгновение возникая между деревьями. Когда силуэт в очередной раз мелькнул в просвете между ветвями, Глеб уже не сомневался, что это - человек и, к тому же, женщина. Она остановилась всего в нескольких шагах и подняла на него взгляд.

Глеб вздрогнул - ибо у нее были до боли знакомые глаза - глаза Инги. Он даже подумал, не галлюцинация ли это? Но лицо было другое - по-детски мягкое и даже безмятежное. А вот выражение глаз!.. В них сквозили одновременно безграничная нежность и... тревога.

- Приветствую тебя, землянин, на нашей планете, - русская речь звучала плавно и без малейшего акцента. - Если ты устал и хочешь отдохнуть - я провожу тебя в свой дом? Там тебя ждет успокоение и любовь. Пусть твое сердце освободится от гнева, а разум от жестокости...

Смысл сказанного был столь неожиданным, что Глеб не нашелся, что ответить. Но голос незнакомки, вернее, его интонация снова напомнили о Инге - она что-то подобное говорила тогда, при расставании. Эта неприкрытая тревога в голосе...

- ...Я была на обследовании, - Инга начала очень взволнованно, и Глеб замер в предвкушении радостного известия. - С ребенком опять ничего не получилось. Поэтому я тебя очень прошу... - Инга замялась. - Ты ведь завтра улетаешь. И неизвестно, вернешься ли... А для меня, пойми, это очень важно. Оставь в лаборатории свое семя. Если с тобой что-то случится, я все равно когда-нибудь смогу иметь от тебя ребенка...

Он растерялся, услышав совсем не то, что ожидал и спросил первое, что пришло в голову:

- Мальчика или девочку?

- Конечно мальчика. Он будет похож на тебя... Только я ни за что не отпущу его на войну...

Из кустов вышел все тот же маленький олень и, ткнувшись сначала в колени женщины, подошел к Глебу.

- Пойдем со мной, - женщина протянула Глебу руку.

- Я не могу. Я должен...

Что же он должен? Глеб вдруг подумал, что все его прошлые дела сейчас не так уж и важны. Есть что-то пока неосознанное, но более важное - может быть, самое главное... А ведь действительно, почему бы ему и не отдохнуть? Сегодня он с лихвой заслужил это - уничтожил два неприятельских истребителя. Разделался с самим Айком! Он мог бы пробыть на этой планете и день, и два, тем более что его «семьдесят седьмой» требует ремонта. Он сможет оправдаться перед всеми: перед начальством, перед товарищами. Вот только перед совестью?.. И перед присягой...

- Я должен отыскать место, откуда стартовал вражеский истребитель! - сказал он и с радостью услышал былую решительность в собственном голосе.

Маленький олень вздрогнул и опасливо отодвинулся, а женщина снова подняла на него свои удивительные глаза. И под этим внимательным взглядом он ощутил что-то вроде стыда. Как тогда - перед Ингой...

- Ты ищешь тайца? - произнесла женщина как-то вяло, бесцветно. - Он улетел, и я не стала его задерживать. Его разум слишком ожесточился, а сердце давно уже не способно любить. Он боится доброты, поэтому впал в буйство и стал крушить все вокруг. Хочешь, я покажу, что он натворил?..

Женщина решительно взяла Глеба за руку и, проведя несколько десятков шагов, остановилась на краю выжженной поляны. Обугленная земля среди изумрудной зелени выглядела черной язвой, срезанные вперехлест вершины деревьев загораживали проход, безжизненно свисали вниз обожженные ветви.

«Похоже, он истратил полный заряд боевого тайского излучателя? - отметил про себя Глеб. - Словно от кого-то отбивался...»

- Он испугался, - сказала женщина, будто прочитав его мысли. - Сильнее любого врага он испугался доброты и собственной памяти. Ты тоже боишься своей памяти, поэтому улетай, пока не натворил бед. Наша планета живет добротой и любовью...

* * *

Барражировавший на орбите вражеский «Гейш» Глеб застал врасплох. Повторилась та же ситуация, что и с Неуязвимым - пилот чересчур поздно заметил «Бойцового Кота» на фоне планеты. По тому, как истребитель начал метаться, Дымов понял, что управляет им новичок - зеленый юнец, только что ввязавшийся в эту космическую бойню. Может быть, даже это был его первый боевой вылет?

Дымов давно уже поймал истребитель в перекрестие прицела, но оттягивал залп - практически ничем не рискуя, он мог поиграть с противником, словно кошка с мышью. Глебу вдруг, впервые с начала войны, стало жаль вражеского пилота, который, скорее всего, не видел в своей жизни ничего, кроме школы и военного училища, и даже не успел полюбить женщину...

Между тем, «Гейш» перестал беспорядочно менять курс и начал делать заход на боевой разворот. Но, все равно, выполнял он вираж неумело и слишком медленно. Дымов же, давно держа палец на пусковой кнопке, все ждал чего-то. Мысленно он убеждал себя, что дает молокососу пожить еще несколько лишних секунд, ведь он-то всегда успеет поставить в этой игре последнюю точку...

Дальше тянуть было уже нельзя, и тут, в самый неподходящий момент, палец дрогнул - так что залп получился запоздалым. Можно было еще попытаться полоснуть по кабине противника из лазерной пушки, заведомо зная, что вероятность поражения - одна миллионная, но Дымов не стал делать даже и этой призрачной попытки. Так что у него теперь вообще не было никаких шансов спастись.

Осталось прожить несколько последних секунд, после чего и он, и его «БК» со счастливым номером «77» превратятся в одну маленькую яркую звезду, заметную, правда, только на штабных пультах. В голову пришла накрепко заученная фраза из боевого Устава: «Смерть, как и жизнь, нужно принимать достойно», а следом возникло тягостное и тоскливое чувство неудовлетворенности. Неудовлетворенность была оттого, что он не успел-таки сделать в жизни самое важное. Что же именно?.. Не успел пожить нормальной земной жизнью... Не успел сделать счастливой женщину, которая его любила... Не успел увидеть своего сына... Не успел провести с ними безмятежный отпуск на этой зеленой планете с таким казенным названием «ОК-92»...

И только теперь, в последний миг своей жизни, пилот корабля-истребителя Глеб Дымов вдруг осознал, почему сегодня дрогнула безжалостная рука Айка Неуязвимого...

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошлое нашей цивилизации мы видим уже совсем не таким, каким воспринимали его современники. И наивно полагаем, будто стали мудрее своих предков - лишь потому, что сами натворили за это время несметное множество ошибок. При этом мы тщеславно обольщаемся, что стали значительно умнее их… Нет, приобретенные знания отнюдь не углубили, а лишь расширили человеческий интеллект. Сегодня наш мозг до отказа забит разнообразной - нужной и ненужной - информацией, поэтому в нем почти не осталось места для полета фантазии. Неопровержимое подтверждение тому – современные писатели почти перестали сочинять произведения о невероятных чудесах, которые через поколения должны заменить для наших потомков старые сказки. Но, к счастью, в глубине души мы все те же, поэтому в детстве все так же отдаем предпочтение простеньким «волшебным» сказкам, а не «навороченным» фантастическим романам…

* * *

Итак, предстояла очередная, даже трудно вспомнить, какая по счету битва. Перед поединком требовалось выработать стратегию и тактику, но неожиданно подала голос Младшая:

- Отдать бы Ивану Василису - зачем девушку мучить? И вообще, что за привычка дурная - невест красть?

- Не красть, а отбивать, - снисходительно поправила Первая. - В честном бою, между прочим... А как иначе людей в страхе удержишь? Сама ведь знаешь: пока боятся - уважают. Ванька-то ведь в конец обнаглел!

- Да нет, Иван - парень хороший. А как на дудке играет... Мирком бы, да ладком, а вы чуть что - сразу в драку. Не терпится человеческой крови напиться?

- Тоже мне, вегетарианка нашлась! - возмутилась Вторая. - Может, завтра попросишь огород развести да капусту для тебя сажать?

- С Ванькой у нас мира не будет! - отрезала Третья. - Он нас принародно оскорблял и грозился, что разделается. Нужно наказать нахала, и ты тут воду не мути, а прислушивайся к мнению старших.

Косовская

- Да ненормальная она - цветочки нюхает, - вмешалась Четвертая.

- Выставляется, - подытожила Пятая.

- Это она здесь, перед нами выставляется, а в лихом бою завсегда позади всех и в сторону отворачивается, - налетела Шестая. - Чистенькой желает остаться! Вот вытолкать ее вперед, под злодейский меч, тогда будет знать.

- Попробуйте только, - взвилась Младшая, - я ему тут же про ваше уязвимое место и расскажу! Мне терять нечего, все одно в такой компании долго не протянешь.

- Уродится же такая, - процедила Седьмая со злостью. - Правильно люди говорят, что в семье не без урода.

Младшая в долгу не осталась:

- С кем поведешься! Жаль, что ничего нельзя поделать - связана я с вами, а так иногда подумываю, что лучше петлю на шею, чем в таком окружении жить.

- Она еще и оскорбляет... Молода больно - с наше поживи... Предательница... - зашипели все разом.

- Ладно, вы как хотите, а я спать буду, - Младшая демонстративно закрыла глаза. - Может, последний раз в жизни спать доводится...

- Типун тебе на язык, - только и нашлась, что сказать Восьмая.

Непокорная Девятая голова дракона Змея-Горыныча уснула, а остальные восемь, тяжело повздыхав, стали думать о превратностях судьбы и о предстоящей битве с Иваном-царевичем…

* * *

Бились они долго и жестоко...

И с тех пор, как перевелись на земной суше разумные драконы, предания о них люди стали считать сказками, а еще через много веков, как это ни прискорбно, - абсолютной ФАНТАСТИКОЙ. И напрасно, ведь в бескрайнем океане Земли их пугливые потомки встречаются до сих пор, хотя и крайне редко…

Оглавление:

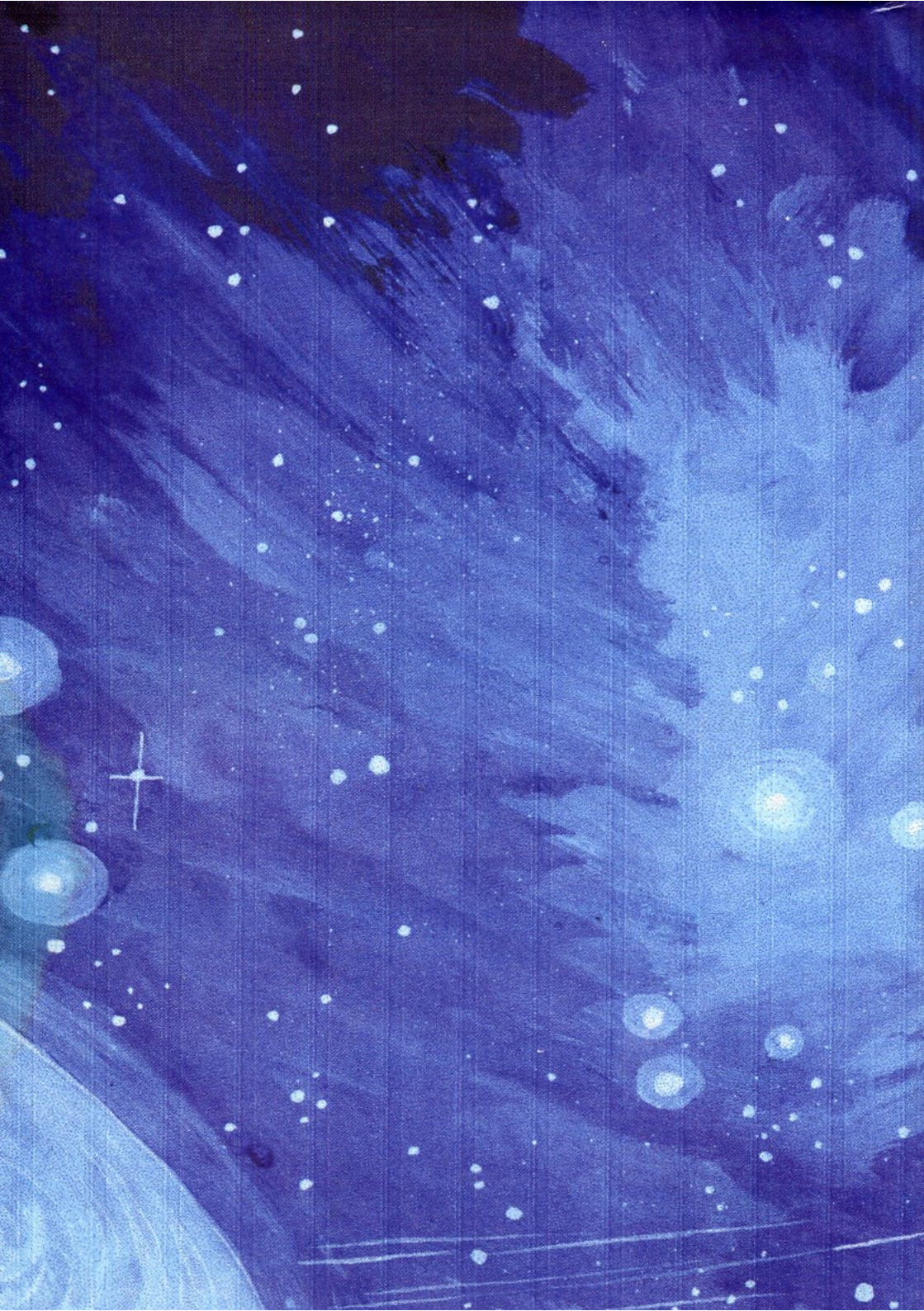
Предисловие 4
Земля: прошлое – будущее 6
Космос: третье тысячелетие нашей эры 12
Адам и Ева 18
Старость дон Жуана 25
Наваждение 35
Скафандр для гения 49
Двенадцатая заповедь 75
Душа с душою 92
Мистификаторы 101
Катастрофа 119
Эффект петли 131
Преступление Рона Корски 144
Синдром ОК-92 163
Оптимистическое послесловие 171

Балашов Владимир Борисович

СКАФАНДР ДЛЯ ГЕНИЯ.

Отдельные страницы прошлого, настоящего и будущего Земли.

Компьютерное обеспечение:
Балашов В.Б., Боргояков А.Н.

Подписано в печать .11.2005
Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cyr. Усл. печ. л. 1 .
Уч.-изд. л. 1 , . Тираж 500 экз.

Хакасское книжное издательство,
655004, г. Абакан, ул. Советская, 173